
И. С. КАТЫШКИН

СЛУЖИЛИ МЫ
В ШТАБЕ
АРМЕЙСКОМ

Scan Kreyder - 19.06.2018 - STERLITAMAK

Иван Сергеевич
КАЛЮЖНЫЙ

ГЕНЕРАЛ - ПОЛКОВНИК
И. С. КАТЫШКИН

*СЛУЖИЛИ МЫ
В ШТАБЕ
АРМЕЙСКОМ*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1979

ББК 63.3(2)722

К29

Катышкин И. С.

К29 Служили мы в штабе армейском.— М.: Воениздат, 1979.— 208 с., ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 95 к.

В годы войны автор служил в штабе 59-й армии, входившей последовательно в состав Волховского, Ленинградского и 1-го Украинского фронтов. Части и соединения этой армии участвовали в таких операциях, как Новгородско-Лужская, десантная операция по освобождению островов Выборгского залива, Висло-Одерская, и в наступлении советских войск на Прагу через Судеты.

О том, как разрабатывались и осуществлялись планы этих операций, о героизме советских воинов и рассказывается в данной книге, рассчитанной на массового читателя.

К 11202-166 48-79
068(02)-79

ББК 63.3(2)722
9(С)27

© Воениздат, 1979

ОТ АВТОРА

В этой книге мне хочется рассказать о работе штаба 59-й армии в годы Великой Отечественной войны. Ведь именно в ее рядах я прошел через четыре долгих огненных года, начав свой боевой путь на берегах русской реки Волхов и закончив его в Судетах, на территории Чехословакии.

Наша армия сражалась на трех фронтах — Волховском, Ленинградском и 1-м Украинском. Ее бойцы и командиры освобождали один из старейших русских городов — Новгород, совместно с другими соединениями участвовали в разгроме вражеской группы армий «Север», рвали кольцо блокады вокруг Ленинграда. Затем 59-я армия мужественно сражалась с фашистами под Нарвой, с боем форсировала Выборгский залив. Ее части и соединения первыми вошли в древнюю польскую столицу — город Краков, освободили от гитлеровских захватчиков Силезский промышленный район и закончили войну почти у самой Праги, столицы Чехословакии.

В планировании, подготовке и проведении всех этих операций огромную роль играл, естественно, штаб армии — основной орган управления войсками. Нам, его работникам, приходилось планировать, а затем и помогать войскам армии осуществлять наступательные и оборонительные операции в самых сложных условиях боевой обстановки — в лесисто-болотистой местности, как это было, например, под Новгородом; при форсировании Выборгского залива, когда нужно было выбивать фашистов с его многочисленных островов. Кстати, здесь наша армия действовала в тесном взаимодействии с моряками Краснознаменного Балтийского флота. Затем штабу 59-й довелось планировать и осуществлять наступательную операцию, начавшуюся вводом ее частей и соединений в прорыв из

второго эшелона 1-го Украинского фронта, как это случилось, например, в Висло-Одерской операции, решать головоломные задачи в период боев в Судетских горах...

За последние годы в мемуарной литературе появилось немало книг, в которых глубоко исследуются многие важнейшие оборонительные и наступательные операции периода Великой Отечественной войны. В них очень тепло и интересно рассказывается о наших видных военачальниках, стоявших у истоков этих операций, о героизме советских бойцов и командиров. Но, к сожалению, в этих мемуарах, за редким, правда, исключением, очень мало пишется о деятельности штабов, об их работниках, которых, естественно, не всегда можно увидеть непосредственно на поле боя, но которые тем не менее тоже выполняют очень важные задачи. Вот почему в данной книге мне хочется устранить, если так можно выразиться, эту несправедливость, поведать о многогранной деятельности армейского штаба, о людях, чьим трудом и разумом закладывались основы успеха во многих наступательных и оборонительных операциях наших войск.

В основу книги мною положены многие документы из штабов Волховского, Ленинградского, 1-го Украинского фронтов, Военного совета, штаба и политотдела 59-й армии, входивших в нее соединений, хранящиеся ныне в Центральном архиве Министерства обороны СССР. Но при работе я использовал рассказы и письма моих товарищей по службе, с которыми довелось встречаться как во время войны, так и после нее, высказывания видных военачальников, относящиеся к боевым делам нашей 59-й армии.

Читатель очень скоро заметит, что, описывая в этой книге многогранную деятельность армейского штаба, я все же основной упор делаю на показ работы его оперативного отдела. И это вполне объяснимо. Ведь в этом отделе я проработал всю войну, вначале рядовым оператором, а затем и заместителем начальника оперотдела.

В заключение мне хочется выразить искреннюю благодарность ветеранам 59-й армии, приславшим мне письма и даже свои воспоминания. Особенно это относится к бывшим членам Военного совета генерал-майорам в отставке П. С. Лебедеву и Я. Г. Полякову, бывшему начальнику оперативного отдела армии генерал-майору в отставке Л. М. Крылову. Немало ценных советов в период работы над этой книгой дал мне и ныне покойный ге-

нерал-полковник в отставке И. Т. Коровников, бывший командующий 59-й армией.

Я сердечно благодарю сотрудников Центрального архива Министерства обороны СССР за их помощь в подборе нужных мне материалов, а также полковника запаса А. Ф. Киреева, сделавшего литературную запись и вложившего немало сил в подготовку этой книги.

НА РЕКЕ ВОЛХОВ

В один из весенних апрельских дней 1942 года я добирался до своего нового места службы — в 59-ю армию. Из Малой Вишеры, где располагался штаб Волховского фронта, мне пришлось и ехать на попутной грузовой машине, и идти пешком. Благо что был я, как говорится, налегке: за спиной — солдатский вещмешок, в котором сложены немногочисленные пожитки да сухой паек, вот и все.

Иду по разбитой колесами повозок и орудий дороге. По обеим ее сторонам стоит лес. Деревья уже просыпаются от зимней спячки. Но все равно лес кажется мне не обновленным, а каким-то настороженным. Темные ели, лохматые, насупленные, будто испуганно жмутся друг к другу. А вот подлесок из дубков и березок гораздо веселее. Оно и понятно — молодость. Ей все нипочем.

Лес впереди начал заметно редеть. И вскоре я вышел на открытое пространство. Огляделся. В стороне, за оврагами, увидел разбросанные по кособогу бревенчатые избы. Вполне целые, добротные. Как-то даже непривычно смотреть на них. Ведь до этого мне приходилось видеть в основном лишь сожженные фашистами деревни, где только печные трубы сиротливо торчали на пепелищах. А тут — крепкие северные избы, примкнувшие к ним сарайчики, баньки... Будто и нет войны.

У домов кое-где замечаю стоящие автомашины. По улице ходят люди, одетые в полушубки, шинели, шапки-ушанки. Неужели добрался-таки до штаба 59-й?!

Прибавил шагу, подошел к домам. Первый же встретившийся мне боец пояснил, что это деревня Вяжищи и в ней, а также в этом лесу размещаются подразделения и части, которые обслуживают штаб нужной мне армии.

— Значит, и сам штаб близко? — спросил я красноармейца.

— Да рукой подать, — махнул он в сторону, как я уже приблизительно знал, реки Волхов.

Что ж, поспешим теперь туда.

Но не успел я преодолеть и сотню метров в указанном направлении, как услышал в небе гул: появились фашистские «юнкерсы». Срываясь в пике, они один за другим сбросили свой бомбовый груз и на лес, и на деревню Вяжищи. От неожиданности я, честно скажу, даже растерялся и в первую минуту не знал, что же мне делать. Вместо того чтобы поспешить в какое-нибудь укрытие, остался стоять посреди дороги, остолбенело наблюдая, как от очередного самолета отделяются черные капли, как, увеличиваясь в размерах, они с воем и свистом приближаются к земле. И только когда почти рядом ухнули взрывы, я наконец опомнился. Что есть мочи бросился в лес, инстинктивно выбрал дуб потолще, упал под его корневища. А бомбы продолжали рваться где-то рядом...

Но вот бомбежка кончилась. Я снова вышел на дорогу, посмотрел на Вяжищи. Несколько домов в ней пылали. На душе стало прескверно. Невольно подумалось: «Неужели же нельзя было дать достойный отпор этим наглецам? Ведь тут как-никак обслуживание штаба армии. Так нет, ни одна зенитка не заговорила».

Мысленно ругая незнакомых мне командиров за нерасторопность, двинулся дальше. Вскоре был уже в поселке Селищи. Здесь, в подвалах бывших армейских казарм, и нашел штаб 59-й армии. Первым делом направился в отдел кадров. Представился подполковнику И. А. Василевичу, начальнику этого отдела. С любопытством оглядел его. Василевич — коренастый, сравнительно небольшого роста. Держится очень просто. Вот и сейчас он вышел из-за стола, крепко пожал мне руку, взял протянутое мной предписание, еще раз пробежал его глазами. Кивнул головой.

— Значит, к нам в штаб?

— Так точно, — ответил я. — Правда, вначале был назначен комбатом в четвертую дивизию, но потом в штабе фронта все почему-то переиграли...

— Знаю, слышал, — снова кивнул подполковник Василевич и указал мне на табуретку, предлагая присаживаться. — Это, если хотите знать, наша работа. Поясняю: нам пужно срочно укомплектовать оперативный отдел штаба армии. А вы туда как раз подходите. Вот и позвонили, попросили переиграть... А вы что, недовольны?

— Да как вам сказать, товарищ подполковник, — занялся я. — Лучше бы, конечно, на батальон.

— Ишь, на батальон ему... — уже строго нахмурился Василевич. — А кто же будет работать в штабе? Все только туда да на полки и рвутся.

Я понял, что обострять обстановку конечно же не следует, поэтому замолчал. А начальник отдела кадров, снова помягчев, посмотрел на меня уже доброжелательнее и продолжил:

— Вы думаете, что мне самому не хочется быть, так сказать, поближе к делу? Еще как! А вот, видите, сижу на кадрах...

Иван Афанасьевич замолчал, считая, видимо, разговор законченным. Тут же вызвал к себе работника отдела и приказал ему оформить на вновь прибывшего соответствующий приказ. Затем пригласил меня пройти в кабинет начальника штаба армии генерал-майора Л. А. Пэрна.

Конечно, кабинетом эту комнату в подвале казармы можно было назвать только условно. Здесь стояли лишь сколоченный из простых досок стол да несколько табуреток. На столе — керосиновая лампа. Стены комнаты наскоро почищены, но все равно выглядели довольно мрачно. Оно и понятно, подвал есть подвал...

— Товарищ генерал, — уже от порога представился я Пэрну, — капитан Катышкин прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы!

Лембит Абрамович вышел из-за стола, приблизился ко мне и внимательно всмотрелся мне прямо в глаза. Потом спросил:

— Откуда, капитан? Небось из тыла, пороху-то еще и не нюхали?

— Не довелось, товарищ генерал, — смутился я. — Правда, вот только в Вяжищах, по дороге сюда, под бомбежку попал...

— Ну и что, жарко было?

— Сразу как-то и не дошло, товарищ генерал.

Пэрн вернулся за стол, сел. Показал и мне на табуретку. Я присел на ее краешек. Подметил: перед генералом лежала рабочая карта, по которой он начал постукивать красным карандашом, как я тоже подметил, хорошо отточенным.

— Не дошло, говорите? — после паузы переспросил, улыбаясь, начштаба. Пообещал многозначительно: — Дойдет, очень скоро дойдет... — И тут же, став серьезным,

продолжил: — Мы, товарищ капитан, имеем дело с коварным, опытным и довольно умным противником. Словом, и его надо бить умело, с умом. А что же пока получается? Вот уж несколько месяцев мы деремся здесь, по сути дела, за небольшой клочок земли. А результат? До сих пор ни с места. То мы фашистов вышибем из насиженных гнезд, то они нас снова турнут на исходное положение. Выходит, безграмотно воюем... — Генерал снова поднялся из-за стола, выпрямился. Высокий, худощавый. Неожиданно спросил меня: — Не довелось раньше в штабе работать?

— Не приходилось, товарищ генерал...

Лембит Абрамович кивнул понимающе головой. И снова заговорил:

— Штаб, капитан, это не тихая обитель, как некоторые себе представляют. Да-да, не тихая! Это очень напряженный и, я бы даже сказал, горячий цех. Здесь все кипит, как в котле. Ни минуты передышки! Ибо в штаб тянутся все нити из войск. И нам надо очень оперативно, с головой управлять десятками тысяч людей... Впрочем, зачем это я все говорю. Вот пойдете сейчас в оперативный отдел, там вам и объяснят... К сведению, в оперативном отделе — боевые, опытные работники. Так что включайтесь побыстрее в дело, желаю вам успеха.

Генерал подал мне руку. Видно было, что он куда-то торопится.

Вместе с подполковником И. А. Василевичем мы вышли во двор. Казармы, где размещался штаб армии, находились почти на самом берегу реки Волхов. Многие из них были довольно сильно разрушены фашистами.

На улице всю властвовала весна. И хотя в новгородские края она приходит позднею, все равно уже чувствовалось, что солнце берет свое: на бывшем плацу блестели лужи, дороги порядком развезло. Вокруг поселка вскрывались многочисленные болота. Невольно подумалось: да, через недельку здесь будет ни пройти ни проехать.

Где-то ухали взрывы. Как пояснил Василевич, это противник ведет методический огонь по паромной переправе через Волхов, беспокоит наши войска.

— Вот вам и фронт, — сказал в заключение Иван Афанасьевич. — Совсем рядышком. Кстати, снаряды даже сюда частенько долетают...

Да, это был уже фронт. Волховский.

Итак, я назначен помощником начальника одного из отделений оперативного отдела. Здесь, в подвале другой казармы, меня встретили очень хорошо. Сразу же показали рабочие комнаты операторов, нары для отдыха.

Посреди подвала оперотдела стояло несколько печек «буржук». В них круглосуточно поддерживался огонь, благо что дров было вполне достаточно, ведь лес-то рядом. А апрель, как известно, месяц холодный. Да к тому же и в подвале сыро.

Место на нарах отвели мне рядом с Иваном Харичевым — тоже помощником начальника отделения, но только другого. Никаких постельных принадлежностей не выдавалось. Так что выручать нас должны были шинельки.

— Вот здесь, тетка, и располагайся, — сказал мне Харичев. — И живи, как все: шинельку под бочок, шинельку под голову и шинелькой же укрывайся. Мягко, как на перине, только вот жинки не хватает. — И Иван рассмеялся.

— И в самом деле, прямо как на курорте, — отделился и я шуткой, бросая на нары свой вещмешок и шинель.

Ночью долго не спалось. Слышно было, как на переправе то и дело рвались снаряды. Даже ночью фашисты не оставляли ее в покое. Подумалось: а ну как какой-нибудь из тех снарядов угодит в казарму? Замурует нас всех здесь, как кротов. Ведь говорил же Василевич, что долетают...

И словно в подтверждение слов начальника отдела кадров, во дворе грохнул взрыв. Мы повскакивали с нар. Но дежурный успокоил — снаряд разорвался в стороне.

Вскоре вообще наступило затишье, фашисты взяли, видимо, тайм-аут. И тут я немного забылся. В подвале царил полумрак, это-то и навеяло сон...

Утром меня ввели в обстановку как в полосе обороны нашей армии, так и ее соседей. Определили круг обязанностей, к исполнению которых я и приступил. Пришлось начинать, естественно, с азов, и только уж затем более детально вникать в организацию всего штаба армии. Ибо оперативный отдел конечно же не может успешно функционировать, не имея тесной и, что самое главное, постоянной связи с другими отделами.

Заместитель начальника оперативного отдела майор А. Н. Сидякин, вводя меня в курс дела, рассказал, что наша 59-я армия обороняется на довольно широком фронте, что часть ее сил находится на плацдармах на западном берегу Волхова, а другая — на восточном. В ходе зим-

них боев части и соединения армии понесли большие потери как в людях, так и в боевой технике, и эти потери так до сих пор и не восполнены. Сидякин же поведал, что штабы дивизий пока неопытны, работники в них подобраны в основном из строевых командиров, которым, конечно, еще осваивать да осваивать новую службу. А тут, по всему видно, назревают большие события, к которым нам нужно быть готовыми самим и подтянуть до своего уровня штабы дивизий.

Большую помощь на первых порах оказали мне и Виктор Хлынин, и уже знакомый читателю Иван Харичев. В частности, они помогли мне составить довольно полную рабочую карту.

Здесь следует несколько отвлечься и сказать, что штаб общевойсковой армии в то время представлял собой сложное и довольно громоздкое хозяйство. Кроме оперативного отдела в него входили: разведывательный, боевой подготовки, инженерный, связи, химический, автобронетанковый, ПВО, укомплектования и службы войск, кадров и административно-хозяйственный. А если же брать и полевое управление армии, то оно состояло из Военного совета и штаба, политического отдела, управления начальника артиллерии, бронетанковых и механизированных войск, управления тыла со штабом, прокуратуры, военторга...

Нам же, операторам, больше всего, конечно, приходилось иметь дело с разведывательным, инженерным отделом и отделом связи, а также со штабами управлений командующих и начальников родов войск, с ведущими отделами управления тыла. Ведь именно от них зависело всестороннее обеспечение любой армейской операции, как наступательной, так и оборонительной.

Но вернемся снова в апрель 1942 года. Итак, я вникаю в текущие дела оперотдела штаба армии. Но одновременно — и это вполне естественно — впитываю в себя все, что касается и предшествующего периода. Из рассказов новых сослуживцев и соответствующих документов узнаю, что Волховский фронт был создан 17 декабря 1941 года в ходе развития контрнаступления наших войск под Тихвином. Его первоначальной задачей являлось содействие срыву предпринятого фашистами широкого наступления на Ленинград, а уж затем, совместно с Ленинградским фронтом, разгром действующей здесь группировки противника и освобождение города на Неве

от блокады. Командующим войсками фронта был назначен генерал армии К. А. Мерецков, начальником штаба — комбриг Г. Д. Стельмах. Членом Военного совета стал армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец. В состав фронта вошли 4, 52, 59 и 26-я армии (последняя в декабре 1941 года была переименована во 2-ю ударную).

Уже 18 декабря командующий нашей 59-й армией генерал-майор И. В. Галанин получил из штаба фронта распоряжение о выдвигании вверенных ему частей и соединений по железной дороге в район Некшино, Пшеничище, Гладь. А 20 декабря 1941 года первые эшелоны уже начали отправляться в новый район сосредоточения.

Дивизиями, входящими в состав армии, в тот период командовали люди, в свое время прошедшие школу гражданской войны, имевшие практику руководства полками и соединениями еще в предвоенные годы. Такими были, например, полковник Г. И. Буланов, командир 366-й стрелковой дивизии, полковник Н. П. Коркин, командир 372-й. Под стать им приходились и полковник А. Д. Витошкин, возглавлявший 374-ю стрелковую дивизию, подполковник Д. Н. Угорич, командир 376-й стрелковой. Еще двумя, тоже стрелковыми, дивизиями — 378-й и 382-й — командовали соответственно полковники И. П. Дорофеев и Г. П. Сокуров.

В состав армии входили и две кавалерийские дивизии.

Итак, войска нашей армии спешили в указанный им район сосредоточения. Но едва только первые эшелоны прибыли на место, как была получена директива командующего фронтом, в которой 59-й армии ставилась задача: с рубежа реки Волхов перейти в наступление, овладеть городом Чудово и в последующем выйти к Карловке, Манкашеву, урочищу Исаково. Назначался и день начала наступления — 7 января 1942 года.

Что и говорить, временной запас невелик. На всю подготовку операции отводилось всего несколько дней.

Как явствовало из документов, нашей армии в тот момент были переданы на усиление ранее действовавшие в этом районе 111-я и 288-я стрелковые дивизии из 4-й армии, а также три танковых батальона и столько же дивизионов гвардейских минометов.

Да, танков и вообще средств огневой поддержки армия в тот период получила мало. А без этого одним стрелковым да кавалерийским дивизиям идти на штурм хорошо укрепленных позиций врага ой как тяжело!

Но приказ есть приказ, его нужно выполнять.

На основе полученной директивы командарм генерал-майор И. В. Галанин, человек в оперативном отношении очень подготовленный, с живым и цепким умом, тут же принял решение, а штаб армии разработал и спустил в войска план операции, общий замысел которой сводился к тому, что наша 59-я во взаимодействии с 4-й и 52-й армиями, а в последующем и со 2-й ударной должна будет разгромить вражескую группировку в районе Чудово, овладеть Чудовским железнодорожным узлом и тем самым создать необходимые условия для последующего продвижения советских войск на Любань.

Главный удар из района Грузино в направлении совхоза имени Кирова наносили четыре дивизии нашей армии. Одновременно частью сил предполагалось обойти Чудово с севера и северо-запада и овладеть им.

Вспомогательный удар наносили две стрелковые дивизии. Прорвав оборону фашистов, они были обязаны обтекать Чудово с юга и юго-запада, отвлекая внимание вражеского командования с северного и северо-западного направлений.

Во втором эшелоне армии действовали тоже две стрелковые дивизии.

Но это, так сказать, уже итог. А с чего же начинал штаб свою работу по планированию операции?

Первое, на чем было сосредоточено его внимание, и в частности оперативного и разведывательного отделов, — это конечно же тщательное изучение противника. И хотя разведанные, которыми располагал в тот период штаб 59-й, были скудными, все равно они свидетельствовали о том, что чудовская группировка фашистов довольно сильна, прекрасно вооружена, имеет уже опыт ведения боев в сложных условиях лесисто-болотистой местности.

Нашей армии противостояли тогда четыре вражеские нехотные дивизии с многочисленными частями усиления. Кроме того, оборона гитлеровцев усиливалась и естественным водным рубежом — рекой Волхов. Здесь все было перепоясано инженерными сооружениями, насыщено различными огневыми средствами. В добавление ко всему фашисты располагали и значительными резервами, которые до времени занимали оборону по рубежам рек Тигода и Равань (примерно в 25 километрах северо-западнее Чудово).

Из всего вышесказанного следовало, что наша армия должного превосходства над противником не имела. Это объяснялось, во-первых, тем, что к началу операции часть дивизий не успевали выйти в свои исходные районы. Ну а те, кто прибывал, должны были вступать в бой с ходу, без соответствующей подготовки. Во-вторых, как уже говорилось выше, соединения армии не располагали хотя бы даже минимально необходимым количеством танков, у нас не хватало артиллерии, минометов, боеприпасов к ним.

И в-третьих, войска 59-й не имели еще опыта ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности. Более того, им предстояло преодолеть в ходе наступления водный рубеж, каким являлась река Волхов, что также не могло не наложить свой отпечаток на ход и исход операции.

И все же штаб армии, который возглавлял тогда генерал-майор И. М. Токарев, даже несмотря на ограниченность времени, сделал все, что было в его силах. На основе замысла командующего он довольно грамотно спланировал операцию, довел до войск задачи, организовал разведку, совместно со штабами дивизий провел рекогносцировку местности, уточнил взаимодействие с соседями, организовал надежную связь.

Последнее слово должен был сказать бой...

Как же трудились в тот период рядовые работники штаба? Передо мной лежит пожелтевший лист бумаги. На нем — набросок схемы операции, которая первоначально получила в армии наименование Чудово-Раванской, а затем уже в штабе фронта — Любанской, чему послужило последующее переадресивание главного удара в направлении Спасская Полисть, Любань.

Набросок как набросок. Рабочий вариант. Советские войска обозначены на нем красным карандашом, войска противника — синим. Несколько в стороне, столбиком, изложены, правда не совсем полные, сведения о противнике, а также показано распределение наших сил и средств, намечены задачи соединениям. Капитан В. А. Хлынин, автор этого наброска, сделал его тем не менее очень правильно, по всем требованиям штабной культуры.

Вглядываюсь в схему. И ясно представляю себе весь план разрабатываемой наступательной операции...

Она, оказывается, делилась на два этапа. На первом предусматривалось овладение городом Чудово и изгнание

противника из района, расположенного между рекой Волхов и железной дорогой. На втором этапе планировался прорыв обороны фашистов на реке Равань и выход на рубеж Русская Волга, Дубровка. Глубина наступательной операции — 20—30 километров.

Оперативное построение армии — в два эшелона. Первый эшелон силой до шести стрелковых дивизий со средствами усиления имел следующую задачу: создать охватывающее положение вокруг Чудово, изолировать полностью этот район от второй полосы обороны противника по реке Равань и овладеть Чудово. Вторым эшелон — две стрелковые дивизии — задачу пока не получал, но по схеме видно, что он должен был развить успех первого эшелона на втором этапе операции, прорвав оборону противника на реке Равань, и выйти на рубеж Русская Волга, Дубровка.

Таким образом, уже эта первая наступательная операция просматривала идею окружения Чудово, что свидетельствовало о зрелости нашей тактической и оперативной мысли в первые дни войны.

На основании плана операции была разработана оперативная директива штаба армии от 1 января 1942 года. Ее подписали командующий армией генерал-майор И. В. Галанин, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Диброва и начальник штаба генерал-майор И. М. Токарев.

Наступательная операция потребовала от командиров и политработников всех степеней полного напряжения сил — моральных и физических. А работники штаба армии сами выезжали в войска, чтобы лично доставить в дивизии боевые распоряжения.

Помнится, Иван Харичев рассказал мне, как он пробирался тогда в одно из соединений и по дороге попал под сильную бомбежку. «Горбыли» — так бойцы и командиры называли немецкие бомбардировщики «Юнкерс-87», — выстроившись в замкнутый круг, начали один за другим пикировать, сбрасывая бомбы на колонны наших войск, идущих к фронту, а выходя из пике, обстреливали их еще и из пулеметов. Благо что колонны шли по лесным дорогам и было где спрятаться. А то бы...

Но и наши бойцы не растерялись, встретили фашистских стервятников залповым огнем из винтовок. А пулеметчики, приладив ручные пулеметы к развилкам и сучьям деревьев, ударили по «юнкерсам» длинными очере-

дямн. И хотя для бронированных «горбылей» этот огонь был не так уж и страшен, они все же поспешили сбросить свой бомбовый груз и убраться восвояси.

— Признаться, когда одна из бомб грохнула почти рядом, — рассказывал Харичев, — я порядком струхнул. Не знаю зачем, но выхватил наган из кобуры и тоже начал палить по самолетам. Опомился только тогда, когда расстрелял все патроны...

— А говорят, под бомбежкой не так уж и страшно, — заметил я. — Главное — найти подходящее укрытие. А там лежи и переждидай, ничего не боюсь...

— Не верь! — возразил Иван. — Нет, по-моему, таких людей, которые бы ничего не боялись. Другое дело, что одни свой страх преодолевают довольно быстро, берут себя в руки. Это те, у кого нервы покрепче. А другие долго потом отходят. Оно и понятно. Бомбежка — это даже не атака. Там пули свистят, снаряды, мины рвутся. И все же это не то. При бомбежке кажется, будто сама земля наизнанку выворачивается, каждая бомба только в тебя и нацелена. Трудно с таким ощущением бороться...

— Но чувство долга, наверное, перебарывает страх, — вставил я.

— Конечно, — кивнул головой Харичев. — Раз надо — идешь. Собираешь волю в кулак и идешь! Вот и со мной так же было — прикрикнул на себя, встал и пошел дальше. Да и только ли я? Все наши в таких переделках тогда побывали. Порой и похлеще еще приходилось...

Да, работники оперативного отдела побывали тогда во всех дивизиях, помогли их штабам организовать бой. И хотя эта помощь, конечно, носила эпизодический характер, тем не менее и она приносила определенную пользу.

Положительную роль в подготовке операции сыграла и хорошо налаженная партийно-политическая работа в войсках. Командиры и политработники, готовя вверенные им части и соединения к наступлению, неустанно разъясняли бойцам, что 59-я армия призвана выполнить благородную задачу — вместе с другими частями Волховского фронта разорвать кольцо блокады вокруг города Ленина, протянуть руку помощи мужественным ленинградцам, начать освобождение поруганной фашистами советской земли. «Советский народ, — говорилось, например, в обращении Военного совета Волховского фронта, — ждет от вас новых подвигов на полях Великой Отечественной войны против хищных немецких захватчиков. На вас возло-

жена трудная, но почетная задача — разорвать вражеское кольцо вокруг Ленинграда!»

...Утром 7 января 1942 года войска наших первых эшелонов после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление. Под сильным вражеским огнем они по льду переправились через реку Волхов, вышли на ее западный берег и даже захватили там несколько небольших плацдармов. Но противник, подтянув свои резервы, тут же провел ряд сильных контратак и отбросил наши части назад. Последовал еще целый ряд атак и, естественно, контратак. Наши полки и батальоны то цеплялись за противоположный берег реки, то под напором фашистских танков и автоматчиков вновь откатывались на исходные позиции.

Так продолжалось несколько дней. Наконец 10 января командующий 59-й армией, доложив обстановку штабу фронта, попросил разрешение временно прекратить наступление, дать возможность уставшим войскам привести себя в порядок, обеспечить себя всем необходимым для продолжения операции. И такая передышка была предоставлена. Но уже 13 января армия в том же оперативном построении снова перешла в наступление. И опять неудачно. Ибо противник, по-своему использовав нашу паузу, в кратчайший срок восстановил оборону, еще больше насытил ее огневыми средствами, подтянул резервы и встретил наши войска, как говорится, во всеоружии. Кровавопролитные бои длились до 21 января, но наши войска так и не добились успеха.

Изучая тот период боев по архивам, я убедился, что командование и штаб армии с 7 и по 21 января 1942 года делали все от них зависящее, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу. В частности, было разработано и направлено в войска несколько оперативных директив, боевых приказов, которыми они пытались повлиять на ход боевых действий, внести в них перелом. В те дни, например, штаб отдал некоторым командирам стрелковых дивизий распоряжение, согласно которому они должны были сосредоточить всю свою артиллерию на направлении главного удара — на Водосье и севернее этого населенного пункта. А второму эшелону — 366-й и 382-й стрелковым дивизиям — этим же распоряжением предписывалось выйти в район Завижа, Остров, Стриженец в целях еще большего наращивания мощи нашего наступления. Был отдан также приказ, запрещающий использование автоматчи-

ков и лыжников — бойцов наиболее маневренных подразделений в условиях глубокого снега и леса — для атаки дотов, дзотов и других огневых точек в лоб. Вместо этого штаб рекомендовал направлять лыжные подразделения во фланг и тыл противника, чтобы они сеяли там панику и дезорганизовали работу вражеских пунктов управления.

Внимание командиров дивизий было также обращено на необходимость использования удара артиллерии на всю глубину оборонительной полосы противника, на ведение с началом атаки эффективного огня прямой наводкой по амбразурам вражеских дотов и дзотов. Рекомендовалось использовать полковые и батальонные противотанковые орудия в боевых порядках первых эшелонов, а также сопровождать ими пехоту в ходе наступления.

При написании этой книги у меня произошла встреча с моим бывшим сослуживцем Виктором Александровичем Хлыниным. Его-то я и попросил прокомментировать эти документы, так как знал, что он лично принимал участие в их разработке.

— Да, — ответил Виктор Александрович, — в тот период мне действительно приходилось готовить проекты многих приказов и директив. В том числе и тех, о которых вы говорите. По сути своей это были очень своевременные и нужные документы. Но вот беда: доходили они до войск с большим опозданием. Почему? Да потому, что средств связи тогда не хватало, документы доставляли в дивизии, как правило, специально выделенные для этого офицеры. И получалось, что, пока наши указания доходили до штабов соединений, обстановка уже резко менялась. Поэтому, например, нередко были случаи несвоевременного ввода в бой дивизий второго эшелона. А что касается сосредоточения всей артиллерии на направлении главного удара, то при тех скудных средствах тяги, к тому же и в условиях бездорожья, это решение подчас и вовсе не претворялось в жизнь. Во-первых, не успевали этого сделать, ну а во-вторых... Мы тогда не очень-то и умели осуществлять подобное.

Но были и положительные примеры. О них Виктор Александрович вспоминает с заметным оживлением. В частности, он рассказал мне такой эпизод.

...Как-то он с группой штабных работников прибыл в артиллерийский противотанковый дивизион. Его коман-

дир старший лейтенант Иван Павлов как раз находился на своем КП, где вместе с командирами батарей наносил на рабочую карту огневые точки противника, которые с рассветом дивизиону надо было во что бы то ни стало уничтожить. Отметили доты, дзоты, пулеметные гнезда, наблюдательные пункты. Капитан В. А. Хлынин тоже помогал артиллеристам своими советами. А с рассветом стал свидетелем их мастерской стрельбы.

...Как только наступило утро, морозная дымка, до этого стелившаяся и над полем, и у леса, начала таять. А вскоре из-за вершин сосен и берез показался багровый край солнца. Оно всходило у нас в тылу, и его лучи были направлены в сторону противника, конечно ослепляя его. И это было на руку нашим артиллеристам.

Было по-зимнему морозно и тихо. Снег под лучами солнца искрился, переливаясь всеми цветами радуги. Невольно подумалось: уж не страшный ли это сон — война? Вот проснешься и увидишь, что вокруг тебя царят мир и гармония.

Но вот, возвращая к действительности, послышался голос старшего лейтенанта Павлова. Он громко командовал по телефону:

— Командирам батарей вести наблюдение за целями, быть готовыми к открытию огня! О новых огневых точках докладывать мне немедленно!

Вскоре на КП начали поступать первые доклады. По ним можно было легко понять, что за ночь обстановка не изменилась.

— Навести орудия по целям! — отдал очередное распоряжение Павлов. — На каждый огневой взвод — цель! — И, подождав, пока поступят доклады о готовности, резко скомандовал: — Огонь!

Сорокапятки дружно ударили по вражеским огневым точкам. Дым и снег на какое-то время заволокли цели. Но когда легкий ветерок отнес все это в сторону, прогремели новые залпы орудий. И снова полыхнули между березками огневые взрывы. Точно! Теперь орудия дивизиона перешли на беглый огонь. На снег падали и падали раскаленные гильзы, и он, шипя, таял на наших глазах. Все вокруг наполнилось запахом пороховой гари.

Старший лейтенант Павлов не отрывал от глаз бинокль, следя за результатами стрельбы дивизиона. Он, кажется, был доволен, потому что вскоре подал команду на прекращение огня и добавил:

— Орудия на запасные позиции!

Прикрываясь кустарником, артиллеристы быстро перекатили пушки на запасные позиции. И сделали это как раз вовремя, потому что по прежнему расположению дивизиона фашисты очень скоро открыли плотный минометный огонь. Но поздно. Наши артиллеристы были уже вне опасности. Более того, во время минометного обстрела они сумели засечь расположение нескольких вражеских батарей и потом точным огнем уничтожили их уже с запасных позиций.

Но, повторяю, таких примеров эффективного действия нашей артиллерии (да и только ли ее?) в тот период, к сожалению, было еще мало. Больше было ошибок и недочетов. И именно они стали предметом специального разбора в штабе армии и на Военном совете, результатом чего явилась директива, в которой подверглись принципиальной критике все недочеты в руководстве частями и соединениями, намечались пути их устранения.

Вспоминая те тяжелые январские дни, мой другой сослуживец Иван Харичев во всех подробностях рассказал мне о том заседании Военного совета. На него были приглашены многие ведущие работники политотдела и штаба армии. С докладом перед собравшимися выступил начштаарма генерал-майор И. М. Токарев. Сразу же отметив, что итоги январских боев 1942 года для нашей армии весьма неутешительны, что мы понесли в них большие и ничем не оправданные потери, Иван Михайлович тут же перешел к анализу причин, которые привели к подобному положению. А они были следующие. Командиры некоторых частей и дивизий в период ведения боевых действий проявили явное колебание, растерянность и не сумели вовремя закрепить и развить успех тех передовых подразделений, которые на первом этапе нашего наступления на какое-то время даже вклинились в оборону противника, захватили плацдармы.

— Скажите, — спрашивал далее И. М. Токарев приглашенного на Военный совет полковника А. Д. Витошкина, — может ли успешно воевать дивизия, если ее наступление не поддерживается огнем артиллерии? Молчите? Я вас понимаю. Ведь ваши артиллеристы пускали снаряды, как говорится, в белый свет. А почему? Да потому, что находились слишком далеко от боевых порядков пехоты. А теперь у меня вопрос к вам, — обратился начальник штаба армии уже к другому участнику заседа-

ния. — Как, скажите, вы использовали в бою лыжные подразделения? Могу помочь ответить. Вы посылали их в лобовые атаки. И успеха, конечно, не добились. А нужно было направлять эти маневренные подразделения в обход опорных пунктов врага, обеспечивать их проникновение в тылы, чтобы они там сеяли панику, нарушали управление — словом, дезорганизовывали противника. Да и саперов тоже иногда не по назначению применяли. Для чего, собственно, было посылать их в бой как пехоту? Ведь потом, когда понадобилось минировать дороги, ремонтировать мосты, ставить инженерные заграждения, саперов-то и не хватило. — И, уже обращаясь ко всем присутствующим, закончил: — Нередко к тому же штабы да и командиры частей забывали ставить разведке конкретные задачи на выявление всей системы обороны противника...

Таким образом, Военный совет на том заседании сделал довольно подробный разбор минувших боев. А в директиве, вскоре разосланной в войска, потребовал от командиров и политработников всех степеней решительно устранить вскрытые недостатки.

Во время январских боев все же некоторый успех наметился в полосе наступления 2-й ударной армии. Здесь оперативная группа под командованием генерал-майора И. Т. Коровникова (в нее входили 4-я гвардейская, 259, 267 и 111-я стрелковые дивизии, а также несколько частей из 52-й армии) прорвала вражескую оборону, форсировала реку Волхов в районе Селищенский Поселок, Шелелево и заняла ряд населенных пунктов на западном берегу. А к 21 января части 2-й ударной армии на участке Спасская Полисть, Мясной Бор достигли и второй оборонительной позиции противника, проходившей вдоль железной и шоссейной дорог, ведущих от Чудово к Новгороду.

В связи с этим командование Волховского фронта назначило 59-й армии новую полосу наступления. И хотя общая цель операции для нее и оставалась прежней — разгром чудовской группировки противника, — направление главного удара все же менялось. Он проходил теперь севернее Спасской Полисти.

Ближайшей задачей армии теперь стало овладение рубежом Соснинская Пристань, Муравей, Приютино, (иск.) Спасская Полисть. В дальнейшем, охватывая Чу-

дово с запада, ее части и соединения должны были выйти на рубеж реки Кересть и тем самым отрезать пути отступления для чудовской группировки противника на Любань. Вот почему с этого периода операция и стала носить наименование Любанской.

Как же осуществлялась эта операция на практике?

Получив задачу о смещении полсы наступления на юг (фактически теперь почти в затылок 2-й ударной армии, расширившей свой плацдарм на западном берегу реки Волхов), командующий и штаб нашей армии 23 января издали приказ о перегруппировке войск. В нем было указано, что 59-я армия, передав свой участок 4-й армии, перегруппирует свои силы для дальнейших действий на новом направлении. Мы принимаем от 2-й ударной 92-ю и 377-ю стрелковые дивизии, 25-ю и 53-ю стрелковые бригады. В свою очередь от нас в 4-ю армию передаются 288-я и 376-я стрелковые дивизии.

Следовательно, 59-я армия начинала теперь боевые действия в несколько обновленном составе.

Как следует из другого приказа, подписанного командармом генерал-майором И. В. Галаниным, членом Военного совета П. А. Дибровой и начальником штаба генерал-майором Л. А. Пэрном (который, кстати, сменил на этом посту генерал-майора И. М. Токарева), армия, к исходу 27 января закончив перегруппировку своих войск, с утра 28 января 1942 года должна была перейти в наступление с задачей окружить и уничтожить чудовскую группировку противника. Правее ее предстояло действовать 4-й армии. Ей предписывалось сковать своими действиями части противника на реке Волхов. А нашему левому соседу — 2-й ударной армии предписывалось к исходу 27 января выйти главными силами на реку Кересть. Таково было требование уже штаба фронта.

Но еще в то время, когда 59-я армия провозводила перегруппировку своих войск, 2-я ударная в ночь на 24 января с боем овладела Мясным Бором — сильно укрепленным опорным пунктом противника — и даже прорвала на этом направлении его вторую полосу обороны. Таким образом, здесь образовалась, хотя и неширокая (всего до 4 километров), брешь, в которую тотчас же устремились советские войска.

Итак, части и соединения 2-й ударной армии успешно продвигались вперед. На плечи же нашей 59-й армии легла задача по расширению левого фланга этой бреши.

Здесь мы должны были действовать совместно с войсками 52-й армии.

Словом, 59-я армия очень скоро втянулась в полосу напряженнейших и затяжных боев. Именно на их примере (данные, естественно, я черпал из документов и рассказов непосредственных участников этих событий) мне и хочется с позиций сегодняшнего дня проанализировать работу армейского штаба в той операции, показать читателю ее сильные и слабые стороны.

К положительным моментам в деятельности штаба в тот период, думается, следует отнести вообще всю разработку плана разгрома чудовской группировки противника. В нем, к примеру, очень четко выражена, так сказать, стержневая идея операции: сковывая противника частью сил на своем правом фланге, войска главных сил армии (три-четыре стрелковые дивизии, усиленные семью артполками), прикрывшись небольшими отрядами со стороны железной дороги Чудово — Новгород, должны были прорвать оборону противника на участке Большое Опочивалово, Трегубово и выйти ко второму оборонительному рубежу гитлеровцев на реке Кересь. А прорвав и его, эти главные силы выходили на оперативный простор, где во взаимодействии с частями 2-й ударной армии отрезали противнику пути отхода из Чудово на Любань, реально угрожая ему окружением.

Операция делилась на три этапа. На первом планировался выход главных сил армии к железной дороге Чудово — Новгород. На втором этапе части армии должны были достигнуть восточного берега реки Кересь. И наконец, на третьем этапе передовые отряды дивизий седлают шоссе и железную дорогу Чудово — Любань. По глубине операция планировалась на 40—60 километров со среднесуточным темпом наступления в 2,5—4 километра.

Как видим, цели ее были довольно решительными. И главное — планируемая глубина операции. Это объяснялось тем, что 59-я армия к тому времени получила пополнение не только в живой силе, но и в боевой технике. И штабисты при разработке операции учли эти немаловажные факторы.

Но вот что касается среднесуточного темпа наступления, то он, к сожалению, оставался по-прежнему низким. Причина? Она очень проста: подвижных средств и артиллерии тогда все же не хватало.

Итак, с утра 28 января 1942 года 59-я армия все же перешла в наступление. В ходе боев ее частям и соединениям удалось выбить врага из населенных пунктов Пересвет-Остров и Кипрово. Гитлеровцы, ожесточенно сопротивляясь, медленно отступали к шоссе Чудово — Новгород.

В эти дни примеры героизма подавали бойцы и командиры из 372-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник А. Ф. Попов. А при отражении одной из вражеских контратак настоящий подвиг совершил и сам комдив. Вот как это было.

...В районе населенного пункта Кипрово фашисты оказали нашим наступающим частям особенно яростное сопротивление. Находящиеся здесь высоты по несколько раз переходили из рук в руки. 372-я стрелковая дивизия, действующая на этом направлении, очень скоро оказалась в весьма трудном положении. Гитлеровцы, бросив в бой несколько десятков своих танков, начали теснить ее батальоны и полки. Узнав об этом, полковник А. Ф. Попов срочно прибыл в один из батальонов первого эшелона. Его подразделения, отбиваясь отседающего врага, медленно пятились.

— Ни шагу назад, товарищи! — крикнул, подбегая к бойцам, полковник. И первым кинулся навстречу вражеским цепям. — За мной, вперед!

Воодушевленные примером своего любимого комдива, бойцы дружно пошли в контратаку и в жестокой рукопашной схватке отбросили фашистов на исходные позиции. Но, к сожалению, в этом бою вражеская пуля оборвала жизнь мужественного комдива полковника А. Ф. Попова...

И все-таки плацдарм, захваченный нашими войсками на западном берегу Волхова, хоть и медленно, но продолжал расширяться. И вскоре достиг по фронту целых 25 километров. Обеспокоенный этим противник попытался во что бы то ни стало сбросить полки и дивизии нашей 59-й и 2-й ударной армий в реку. Завязались кровопролитнейшие бои, которые велись не только за удержание плацдарма, но и одновременно за овладение такими укрепленными опорными пунктами врага, как Дымно, Михалево, Коляжка, Спасская Полисть. И был даже такой момент, когда части 92-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. К. Ларичева вышли к реке Полисть. Но вот самой Спасской Полистью все же не овладели, а сле-

довательно, не была расширена и горловина прорыва 2-й ударной армии.

Чтобы все-таки склонить чашу весов в нашу пользу, штаб 59-й армии срочно разработал план частной операции, предусматривающий окружение и последующее уничтожение чудовской группировки противника в период с 8 по 10 февраля 1942 года. Для этого наши войска должны были в первую очередь перерезать шоссе на участке Большое Опочивалово, Трегубово и тем самым лишить фашистов свободы маневра на участке Чудово, Спасская Полисть. Однако противник своими настойчивыми контратаками всячески мешал нам претворить этот план в жизнь.

А командование Волховского фронта торопило армию с выполнением стоящей перед ней задачи. И его можно было понять. Ведь обстановка на участке как нашей, так и 2-й ударной армии день ото дня осложнялась все больше и больше.

В этих условиях генерал-майор Галанин возложил на своего заместителя генерал-майора Алферьева персональную ответственность за руководство операцией по взятию таких мощных узлов сопротивления врага, как Коляжка и Спасская Полисть. Их нужно было очистить от гитлеровцев не позднее 10—11 февраля. Для выполнения этой задачи была создана оперативная группа, куда вошли несколько стрелковых дивизий со средствами усиления. Взяв Коляжку и Спасскую Полисть, опергруппа, двигаясь дальше, должна была выбить врага и из таких населенных пунктов, как Овинец, Михалево, Трегубово.

Но, к сожалению, и эту задачу выполнить 59-й армии не удалось. Ее войска вновь завязли в жестоких боях, проходивших с большими потерями для обеих сторон.

Один за другим последовали новые приказы штаарма, в частности от 15 февраля 1942 года, и боевые распоряжения, например от 18 февраля. В них оперативной группе вновь и вновь ставилась задача на уничтожение узлов сопротивления гитлеровцев на западном берегу реки Волхов — Овинец и Спасская Полисть, на разгром свежих сил противника, которые он стягивал в лес западнее Коляжки, чтобы оттуда одним ударом перерезать войскам армии путь на Ольховку.

Да, штаб армии в тот период работал явно с перенапряжением. И наряду с отрицательными моментами в

этом было и нечто положительное. Так, он все-таки приобретал некоторый опыт руководства операцией в сложной обстановке наступательного боя, изобилующего контратаками противника. А работники оперативного отдела в свою очередь набирались навыков в разработке и доведении до войск различных боевых документов.

Изучая все эти документы, я не мог не увидеть и такого факта, что штаб армии в тот период все же уделял недостаточно внимания материально-техническому обеспечению операций. И получалось, что стрелковым частям из-за этого приходилось в основном рассчитывать только на свои собственные силы, идти на вооруженного до зубов, да к тому же и засевшего в крепких оборонительных сооружениях врага без достаточной огневой поддержки. Конечно, тогда в армии особенно остро ощущался недостаток в орудиях, минометах и танках. И все же даже то, что имелось, штаб не попытался как-то объединить, централизовать, сосредоточить в одних руках. Потому-то в критические моменты боя и не представлялось возможным маневрировать наличными огневыми средствами, оказать должную поддержку наступающей группировке.

А между тем в практику действий войск Красной Армии уже с начала 1942 года внедрялось и более или менее широко использовалось так называемое артиллерийское наступление, сущность которого заключалась в непрерывной огневой поддержке пехоты и танков как при атаке, так и при действиях в глубине обороны противника. С этой целью во всех звеньях, начиная от полка и кончая армией, на период боя создавались мощные артиллерийские группы, которые по решению командира (командующего) могли очень быстро нанести сильнейший удар по наиболее уязвимым местам обороны противника. В 59-й же армии об этом почему-то забывали.

И все же, несмотря на недостатки, ее штаб постепенно становился более слаженным и умелым органом управления. Его работники начинали проявлять все больше инициативы, оперативности, стали чаще бывать в соединениях и частях, лично контролировали весь ход той или иной операции. Именно таким — дружным и сплоченным, уже имеющим определенный боевой опыт коллективом — я и застал штаб 59-й армии, когда апрельским днем 1942 года влился в его состав.

На фронте дни, часы, а подчас даже и минуты за-тишья — большая редкость. И когда они все же выдавались, мы, работники оперотдела, собирались все вместе, живо обсуждали положение на фронтах, вспоминали свои родные места, близких, знакомых.

Родные места... Родина... Деревня или город, где ты родился и рос. С этим всегда связано самое близкое и сокровенное: ласковые руки матери, строгий, но добрый взгляд отца, любимая речка с крутыми берегами и бездонными омутами, привольное пшеничное поле, березовый лес или стройный сосновый бор.

Для меня таким родным местом был Донбасс. Туда мой отец приехал с Орловщины еще в 1904 году. И погнала его из орловской деревеньки не страсть к перемене мест, а беспросветная нужда, поиск куска хлеба, потому что на старом месте хозяйство отца было что ни на есть самое бедняцкое. Земля давала довольно скудные урожаи, свести концы с концами не удавалось. Некоторое время отец батрачил на кулака. Но надоела ему, видать, эта горькая доля, и он решил податься в «угольные края», о которых уже был наслышан от земляков-ходоков. Тем более что от орловских мест до Донбасса не так уж и далеко: можно и пешком дойти, и на перекладных доехать, ну а если взять да по «железке» махнуть, так и совсем времени мало затратишь.

Итак, прибыл мой отец в самый центр угольной промышленности, в Лисичанск. А точнее — в местечко Насветевичи, которое потом, уже при Советской власти, стало городом Пролетарском. На первых порах определился на шахту подсобным рабочим. Но вскоре, если так можно выразиться, получил повышение — стал вагонщиком. Эта профессия считалась уже квалифицированной, хотя вагонщики только тем и занимались, что катали вручную вагонетки, груженные углем.

Так день за днем, месяц за месяцем и пошла жизнь молодого шахтера Сергея Катышкина в местечке Насветевичи.

Положение рабочих на шахтах Донбасса было тогда тоже очень тяжелым. Трудились они, можно сказать, за гроши, часто калечились, а то и гибли в обвалах. В штреках почти постоянно стояла вода, изношенные насосы не успевали ее откачивать. Жили рабочие в бараках, сырых и душных. Потому-то многие из них и болели, особенно туберкулезом, ревматизмом, малярией. Меди-

цинская помощь, конечно, отсутствовала — не будут же хозяева держать медперсонал для каких-то там рабочих.

Такое бесправное положение, естественно, вызывало у шахтеров недовольство, ненависть к хозяевам. На шахтах то и дело вспыхивали стачки, забастовки.

На свои митинги и собрания горняки приходили в Дубовую рощу, что раскинулась на берегу Донца, между Лисичанском и местечком Насветевичи. Но и здесь их власти не оставляли в покое. Они жестоко расправлялись с рабочими: вызывали полицию, казацьи сотни, которые разгоняли собрания, производили многочисленные аресты активистов.

И все же, несмотря ни на что, революционное движение среди донецких шахтеров и местной крестьянской бедноты год от года все больше росло и ширилось. Грозными и боевыми в Лисичанске, как и во всей стране, были октябрьские дни 1917 года. В городе и его окрестностях сразу же была установлена Советская власть. Горняки дружно взялись за приведение шахт в порядок, их реконструкцию. Ведь они теперь стали собственностью народа.

Мой отец был в числе тех, кто первым спустился в забой, чтобы дать молодой Республике Советов столь нужный ей уголь. Он стал уже забойщиком. А в шахтерском деле это самый почетный человек. Потом отец вступил в партию. А вскоре как лучшего шахтера его назначили бригадиром.

Помню, приходил отец домой усталым, но не сердитым и не злым. Лицо чумазое, только одни зубы белеют да глаза сияют. Помоемся, бывало, посвежеет. Но угольком да шахтным духом от него все равно пахнет. Ох и любил я этот запах!

За ужином обязательно поинтересуется, как идут у меня дела в школе, приготовил ли угля матери, бегал ли на Северский Донец порыбачить... И когда я что-нибудь забывал сделать, отец хмурился и наставительно говорил: «С ленью-матушкой, мой друг, не проживешь. Привыкай, сынок, в труде свой характер закалять, тогда и человек из тебя настоящий выйдет».

А вообще-то отец у нас был нестрогий. На меня да и на моего младшего братишку Кольку он больше действовал словом и личным примером.

В 1929 году нашу семью постигло горе: умер отец. Умер, можно сказать, в самом расцвете сил, в сорок шесть

лет. Случилось это совершенно неожиданно. Помнится, буквально накануне своей кончины он съездил в Крым, в горняцкий санаторий. Вернулся домой посвежевшим, загорелым. И вдруг... его разбил паралич. Отчего, почему — неизвестно. Даже врачи разводили недоуменно руками. И вот теперь — смерть...

Естественно, на мои плечи сразу же легла забота о матери, младших брате и сестренке. Ведь я остался старшим в семье. Старшим, хотя и мне-то исполнилось к тому времени всего лишь четырнадцать лет...

И вот сейчас, на фронте, я нет-нет да и вспоминал те этапы своего пути, которые пришлось пройти уже без отца. Вспоминал, как учился в семилетней школе, как пошел потом работать на ту самую шахту, где трудился в свое время и отец. Старался во всем подражать его друзьям, старым и опытным шахтерам-коммунистам, учился у них. К тому времени я уже стал комсомольцем.

В декабре 1929 года в моем личном деле появилась такая запись: саночник. Что это такое? Не что иное, как самая первая ступенька шахтерского ремесла. Санки — это большой ящик, ошпированный железными полозьями. К нему прицеплялась лямка. Вот с этим ящиком я и ползал на четвереньках по забою — такие низкие и узкие проходы были еще тогда на нашей шахте. Нагружал в вентиляционном штреке «санки» углем или пустой породой и, впрягшись в лямки, тянул ящик к вагонетке. Конечно, лямка нещадно резала плечи, но приходилось терпеть. «Терпи, казак, атаманом будешь», — подбадривал иной раз мой напарник, сам немного постарше меня. А иногда даже подтрунивал надо мной: «Любишь кататься, Иван, люби и саночки возить». Не очень, правда, любил я эти «саночки», но возил их упорно...

За усердную работу меня, видать, заметили: послали учиться на токаря. А вскоре я уже самостоятельно встал к станку. Честно скажу, токарное дело мне пришлось больше по душе, чем «саночное».

В нашем местечке Насветевичи был рабочий клуб. В нем-то мы и проводили все свое свободное время. И особенно — в клубном тире. Стреляли здесь из малокалиберной винтовки, все стремились значок «Ворошиловский стрелок» заработать. Для нас это был тогда самый почетный значок, потому что мы знали: Климент Ефремович Ворошилов — наш земляк, лисичанский.

И еще была у нас одна страсть — прыжки с парашютной вышки. Помнится, сердце замирало, когда мы взбирались на головокружительную высоту. Но все же прыгали, брала верх гордость. Ведь если не прыгнешь, еще чего доброго трусом посчитают.

В тридцатые годы в моей жизни произошло одно событие, о котором я до сих пор вспоминаю с улыбкой. Ранней весной 1935 года на левобережье Северского Донца появились первые строители Лисичанского химического комбината. Это была тогда едва ли не самая гигантская стройка. Вскоре сюда съехались десятки тысяч людей. По путевке комсомола я тоже попал на эту стройку. Мечтал прокладывать дороги и подъездные пути, возводить дома, готовить котлованы под корпуса и цехи комбината. Но...

По приезде меня почему-то сразу вызвали к начальнику стройки. Здесь присутствовали также парторг и секретарь комитета комсомола. Они начали беседу со мной издалека, сначала о житье-бытье, а затем сказали:

— Вот зачем мы тебя пригласили, товарищ Катышкин. Стройка, как видишь, растет, народу прибавляется, несколько тысяч уже набралось. А столовая у нас из рук вон плохо работает. Людей же кормить надо. Вот мы и решили по рекомендации комитета комсомола назначить тебя... директором столовой. Не возражаешь?

Я, естественно, возразил. Даже обиделся. Ведь приехал же комбинат строить, а тут такую должность предлагают. Отказался наотрез. Но меня быстро на место поставили. Мол, комсомолец, а почему решению комитета не подчиняешься?

Так я стал директором столовой. А через месяц-другой встретились мы как-то с парторгом стройки. Он меня и спрашивает:

— Ну как, Иван Сергеевич, отличаешь уже щи от каши?

— Отличаю, — говорю, — рабочие, кажется, довольны.

— Что ж, это очень хорошо, — сказал парторг. — Тогда давай командуй дальше. Скоро, правда, мы для тебя что-нибудь другое придумаем. Например, фабрику-кухню. Представляешь, какой гигант на тебя бросим? — Парторг дружески хлопнул меня по плечу и довольный пошел дальше. Но, пройдя шагов пять, снова остановился, повернулся, крикнул: — Будешь командовать, как Чапай!

Имя Василия Ивановича Чапаева — легендарного героя гражданской войны — было у нас тогда у всех на устах. И «виноват» в этом был недавно вышедший на экраны кинофильм «Чапаев», который нам очень понравился. Мы смотрели эту кинокартину по несколько раз и всегда выходили из зрительного зала взволнованными, какими-то обновленными.

Особенно захватывал нас образ самого Чапаева (к слову сказать, потом я учился вместе с сыном Василия Ивановича, но об этом расскажу несколько позже). Человек, вышедший из народных низов, он покорял своей храбростью, бесстрашием, мудростью и простотой. В такого человека просто невозможно было не влюбиться.

Другим кумиром нашей молодежи был в то время Валерий Чкалов. Его жизнь, легендарные полеты стали примером для тысяч и тысяч мальчишек. Многие под впечатлением этого ходили тогда в аэроклубы, чтобы подготовить себя «в Чкаловы».

Мне, молодому человеку, проработавшему до призыва в армию несколько лет на шахтах, хорошо запомнился и образ прославленного советского горняка Алексея Стаханова. Как известно, он стал в те годы инициатором движения передовиков в угольной промышленности, по примеру которого затем начали работать миллионы советских людей во всех сферах производства.

Кстати, жизнь Алексея Григорьевича Стаханова чем-то напоминала жизнь моего отца. Родился он тоже в Орловской губернии, в такой же бедняцкой семье. В 1921 году подался в Донбасс. Трудовую деятельность начал простым тормозным. А когда на шахту «Центральная-Ирмино» привезли врубовую машину, стал забойщиком.

Страна в то время очень нуждалась в угле. Наша партия и правительство призвали шахтеров неустанно повышать производительность своего труда, овладевать новой горной техникой. Ибо только люди, освоившие в совершенстве эту технику, могли творить чудеса. И тогда-то Стаханов первым и прославил себя: он дал за смену сто две тонны угля — четырнадцать норм! Мировой рекорд!

Весть о трудовом подвиге Алексея Григорьевича Стаханова облетела весь Донбасс, всю страну.

По-ударному велось строительство и нашего химкомбината, а также поселка Лисхимстрой. Но тут вскоре наступила военная пора... И все, что нам удалось создать за долгие годы самоотверженного труда, было за какие-то

месяцы разрушено гитлеровскими оккупантами. Ведь они дошли и до моего родного Донбасса!

Именно то, что вот сейчас в моих Насветевичах так же хозяйничают фашисты, как они бесчинствуют здесь, на новгородской земле, не давало мне ни минуты покоя. Сердце обливалось кровью. И до боли в суставах сжимались кулаки от лютой ненависти к врагу.

Но вернемся на фронт, в штаб 59-й армии. Теперь я хочу рассказать о боях, разгоревшихся здесь в апреле — июне 1942 года. Именно о тех боях, в которых мне уже довелось участвовать непосредственно.

Но начну я с рассказа о судьбе 2-й ударной армии. И читатель очень скоро поймет, почему мной избран именно такой ход.

Как уже говорилось выше, наша 59-я армия взаимодействовала со 2-й ударной, имевшей в зимних боях 1942 года некоторый тактический успех. Ее войска вышли тогда ко второму оборонительному рубежу противника, что проходил вдоль железной и шоссеиной дорог Чудово — Новгород, и, овладев Мясным Бором, прорвали эту полосу обороны. Продолжая двигаться вперед, полки и дивизии 2-й ударной углубились примерно на 75 километров на территорию, занятую врагом, вышли в район юго-западнее Любани. Армия освободила от гитлеровцев довольно обширный лесисто-болотистый район. Но затем из-за сложившихся трудностей — растянутость коммуникаций, распутица, отсутствие горючего и боеприпасов — она сначала вынуждена была перейти к обороне, а потом и вообще начать трудный отход.

Ширина нашего прорыва по западному берегу реки Волхов, как я уже отмечал, равнялась в то время примерно двадцати пяти, а в районе Мясного Бора — тремя-четырьмя километрам. Сюда-то и была нацелена часть сил нашей, а также 52-й армий с задачей расширить этот прорыв, а затем развить наступление на Любань. Но, к сожалению, несмотря на все принимаемые меры, войска двух этих армий смогли добиться лишь частичных успехов. Так, в середине февраля части и соединения 59-й подошли к Спасской Полисти, расширив горловину прорыва всего на тринадцать километров. Таким образом, вся ширина его стала теперь чуть более 35 километров.

На этом, собственно, и закончились наши зимние ус-

пехи. Уже в первой половине марта 1942 года наступление стало затухать, а вскоре мы вообще перешли к обороне. Воспользовавшись этим, противник, подтянув свежие силы, нанес сильный удар по советским полкам и дивизиям, обеспечивавшим действия 2-й ударной армии. Одновременно сильному артиллерийскому обстрелу и авиационному налету подверглась и оборона остальных частей 59-й и 52-й армий.

Но и это было еще не все. 19 марта гитлеровцы вторым сильнейшим ударом потеснили наши войска и закрыли горловину в районе Мясного Бора, перерезав тем самым все пути снабжения 2-й ударной армии.

Чтобы облегчить положение этой армии, штаб 59-й по решению командующего срочно разработал план частной операции. Он заключался в том, чтобы встречным ударом выбить противника из населенных пунктов Малое Опочивалово и Спасская Полисть и тем самым оставить хотя бы узкий коридор для выхода частей и соединений 2-й ударной армии из окружения.

Здесь хочется отметить, что Военный совет армии тоже в свою очередь принял самые решительные меры для укрепления нашей обороны. Показательными являются довольно крутые меры, принятые им по отношению к полковнику А. Д. Витошкину, одному из комдивов, на участке которого смог прорваться противник. Эта дивизия, заблаговременно выдвинутая в район Спасской Полисти, получила задачу во что бы то ни стало не пропустить здесь врага. Но гитлеровцы, сконцентрировав на этом участке десятки своих танков и немало пехоты, сумели-таки проделать брешь в обороне нашего соединения.

Разговор командарма генерал-майора И. В. Галанина с полковником А. Д. Витошкиным, как мне рассказывали старожилы, был короток и довольно резок.

— Товарищ Витошкин, как вы допустили, что на вашем участке прорвался противник? — спросил тогда командарм.

— Он превосходил нас в силах, товарищ командующий...

— Но и у вас их вполне достаточно. Просто, видимо, вы не сумели ими как следует распорядиться.

— Примем меры и выправим положение, товарищ командующий, — заверил комдив.

— Принимайте. А за то, что пропустили противника, получите от Военного совета выговор. И предупреждаю:

если еще хотя бы один вражеский солдат прорвется через ваши боевые порядки, пойдете вместе с комиссаром под трибунал. Так и скажите Мерзлякову. Поняли?

— Ясно, товарищ командующий.

Неискушенному человеку, вероятно, покажется, что и командарм, и Военный совет слишком уж строго обошлись с комдивом. Я же скажу иное: это еще цветочки. В том труднейшем для армии положении можно было оправдать и более крутые меры.

Вскоре в наши части и соединения был спущен приказ по армии. В нем говорилось, что обстановка перед фронтом обороны 59-й армии меняется не по дням, а по часам. Командарм генерал-майор И. В. Галанип, анализируя ее, отмечал, что противник под ударами соседней с нами 52-й армии начал в районе Мясного Бора медленный отход в северо-западном направлении. Но он, отходя, может попытаться прорвать фронт обороны наших полков и дивизий. Ставилась задача не допустить этого прорыва. Более того, закрепившись на достигнутых рубежах и подтянув резервы, наша армия должна быть готова к переходу в наступление. В заключение командарм приказывал 372-й и 374-й стрелковым дивизиям одновременным ударом с востока уничтожить противника в междуречье Полисть и Глушица и во взаимодействии с частями оперативной группы генерала И. Т. Коровникова снова открыть путь для снабжения 2-й ударной армии¹.

Но и эта мера не привела к существенным изменениям обстановки. Правда, силами двух названных дивизий и правофланговых соединений из 52-й армии нам удалось потеснить вражеские войска, оседлавшие дорогу Мясной Бор — Новая Кересть, и начиная с 27 марта транспорты с боеприпасами, продовольствием и фуражом снова двинулись по ней в расположение 2-й ударной. Однако этот коридор был настолько узким, что простреливался в некоторых местах даже из пулеметов.

В апреле 1942 года штаб 59-й армии разработал новый план частной операции по окружению и уничтожению противника в лесах юго-западнее Спасской Полисти. Это было вызвано тем, что оборонявшиеся здесь гитлеровцы все же не давали нам возможности держать устойчивую связь с войсками 2-й ударной армии.

---

¹ Центральный архив МО СССР (далее — ЦАМО СССР), ф. 416, оп. 10437, д. 15, л. 156.

С этой целью были созданы две группы, которые, действуя на встречных направлениях, должны были в итоге соединиться между собой, окружив, а затем и уничтожив части врага, находящиеся в районе юго-западнее Спасской Полисти. Следует сразу сказать, что эти группы в боях только за 14 и 15 апреля разгромили не менее полка из вражеской дивизии СС и тогда всего лишь 1—2 километра отделяли их от окончательного соединения друг с другом, а значит, и от выполнения стоявшей перед ними задачи.

В этих условиях последовал еще один частный боевой приказ нашего штаарма, в котором предлагалось продолжить усилия по соединению теперь уже с частями 4-й гвардейской стрелковой дивизии из 2-й ударной армии. В частности, эта задача ставилась 7-й гвардейской танковой и 58-й стрелковой бригадам. Им предлагалось вести наступление под сильным прикрытием с фронта, охраняя фланги, применяя внезапные ночные атаки. Да и с 4-й гвардейской стрелковой дивизией нашим бригадам рекомендовалось соединиться ночью, чтобы атака была более решительной и внезапной.

Затем были отданы и другие боевые приказы и распоряжения. В результате всех этих усилий нашего командования и штаба 7-я гвардейская танковая и 58-я стрелковая бригады через несколько дней установили боевую связь с 4-й гвардейской дивизией из 2-й ударной армии — один наш танк вышел в ее расположение.

Но вскоре противник сильными контратаками принудил наших танкистов и стрелков начать отход. Более того, в течение 22—24 апреля ему удалось расчлнить части 7-й гвардейской танковой и 58-й стрелковой бригад, лишить их связи между собой и общего управления. Они перешли к обороне на занимаемых рубежах.

В конце апреля и в первой половине мая 1942 года мы все еще вели трудные бои с противником, который старался во что бы то ни стало закрыть тот узкий коридор, что продолжал соединять нас с частями и соединениями 2-й ударной армии. Но он, этот коридор, все-таки жил, действовал, временами то еще более сужаясь, то несколько расширяясь.

Командование фронта, не довольствуясь доставкой продовольствия и боеприпасов попавшей в трудное поло-

жение армии только по коридору, направляло в район, где дралась 2-я ударная, и десятки грузовых самолетов. Но сбрасываемые с них на парашютах контейнеры нередко падали в такие гиблые болота, что за ними не решались лезть даже самые отчаянные бойцы.

Мне из тех дней особенно запомнился момент, когда по сооруженной нами дороге-лежневке красноармейцы тащили на себе во 2-ю ударную армию ящики со снарядами. В конце апреля прошли обильные дожди. Болота буквально вздулись от паводковых вод. Настил лежневки всплыл и теперь напоминал подвесной мост. И вот по нему-то, взвалив ящики на плечи, и шли бойцы нашей армии во 2-ю ударную. Грязь непролазная. Лямки режут плечи, сдавливают грудь, трудно дышать.

Впереди то и дело встречаются ручьи, которые нужно преодолевать вброд. Некоторые наиболее ослабевшие бойцы падают. Тогда их груз подхватывают другие. И тянется, тянется через темный лес цепочка людей. Неудержимо, упорно...

25 апреля 1942 года 59-ю возглавил новый командарм — генерал-майор И. Т. Коровников. Он вступил в командование армией в тяжелейшее время. Но, будучи смелым и решительным человеком, имеющим уже практику командования оперативной группой, Иван Терентьевич сразу же взялся за налаживание работы штаба, принял меры к его укомплектованию знающими штабную службу людьми. Новый командарм потребовал от работников штаба, и в частности от оперативного отдела, более тщательного, детального изучения противника, его тактики, призвал смелее навязывать ему свою инициативу.

Генерал-майор И. Т. Коровников сразу же пришелся всем нам, штабистам, по душе. Мы хорошо знали, что в прошлом Иван Терентьевич был комиссаром корпуса, а значит, умеет работать с людьми, выслушивать их советы. А в штабном деле, как, впрочем, и во всяком другом, умение выслушать младшего, вовремя уловить в его идее рациональное зерно, поддержать эту идею и провести ее в жизнь — очень важное качество старшего начальника.

Как показало время, генерал-майор И. Т. Коровников этим качеством обладал.

13 мая командование фронта отдало распоряжение 59-й армии прекратить активные действия и перейти к обороне на достигнутых рубежах. Этой паузой наш командарм и штаб поспешили воспользоваться для наведе-

ния должного порядка в войсках, пополнения боеприпасами и продовольствием. Сразу же началось и инженерное оборудование обороны. А это было далеко не легким делом. Местность в этих краях такова, что в землю не зароешься. Стоит только раз копнуть лопатой, как вот она, вода. Да и кругом — болота, трясина. Здесь не только укрыться, сухого места, чтобы присесть, не найдешь.

Особенно трудно было оборудовать огневые позиции для артиллерийских орудий. Приходилось сооружать из бревен настилы и ставить на них пушки, минометы.

Старые блиндажи и окопы, в которых войска находились зимой, тоже затопило водой. Их пришлось покинуть, хотя они и были хорошо оборудованы — открыты в полный рост, покрыты настилами кругляков в два или три наката.

Да, весна принесла нам немало хлопот. Пришлось все сооружать заново. Бойцы делали срубы, в стенах прорезали амбразуры, чтобы можно было вести огонь в разных направлениях. Затем эти срубы обкладывали дерном, обсыпали землей, маскировали ветками. Находиться в таких блиндажах было хорошо — сухо, воздух чистый. Но попади снаряд или мина в этот домик на курьих ножках — несдобровать.

В конце мая советское командование приняло наконец решение отвести войска 2-й ударной армии с занимаемых рубежей, так как ее положение день ото дня становилось все более трагичным. Ее арьергардные соединения под давлением противника и так уже медленно отходили на восток, а авангард тщетно старался пробить более или менее подходящий коридор. Войска нашей 59-й и 52-й армий, растянутые на широком фронте, тоже еле сдерживали врага, пытавшегося расширить разрыв между нами и 2-й ударной. А резервов у нас тогда не было.

Начали искать выход из создавшегося положения. Штаб 59-й армии в короткие сроки подготовил план операции по ликвидации противника, оборонявшегося на выступе юго-западнее Спасской Полисти. Разрабатывал его начальник оперативного отдела подполковник Л. М. Крылов. Он заступил на этот пост в мае 1942 года. И надо сказать, очень быстро вошел в курс дела. А до Леонида Михайловича нам, как мне рассказали, на начальников оперотдела не очень-то везло. Они часто менялись, а подчас приходили и такие, которые просто не справлялись со своими обязанностями, и их переводили на другую рабо-

ту. Подполковник Крылов, имея хорошую штабную подготовку, опыт командования соединением, сумел в довольно короткое время сплотить отдел, изучить сильные и слабые стороны каждого работника и затем правильно использовать его на наиболее подходящем участке.

Но вот при разработке плана операции... В нем подполковник Л. М. Крылов указал, что выступ юго-западнее Спасской Полисти обороняют до 17 пехотных батальонов противника — примерно 6 тысяч человек. У фашистов 70 минометов, 45 пушек ПТО, около 100 станковых пулеметов. Кроме того, их поддерживают 4 тяжелые батареи и до 20 легких артиллерийских.

Выступ вплотную нависает над коммуникациями 2-й ударной армии и создает постоянные трудности для работы ее тылов. Передний край обороны противника насыщен дзотами, блиндажами из бревенчатых срубов и инженерными заграждениями. Все это прикрывается организованной системой огня.

Замысел операции сводился к тому, что 59-я армия свой главный удар силами трех стрелковых дивизий, двух стрелковых и двух танковых бригад при поддержке артиллерии будет наносить в направлении отметки 32,2, высоты Подошва и поляны с отметкой 40,3. Он увязывался со встречным ударом 2-й ударной армии. Вспомогательный удар поручено нанести одной нашей стрелковой дивизии.

Учитывая прочность обороны противника и ее глубину, оперативное построение армии на главном направлении — в три эшелона. Резерв — одна стрелковая бригада со средствами усиления.

Думается, что такое оперативное построение армии было по тому времени не совсем верным, потому что наши слишком уплотненные боевые порядки почти тотчас же подверглись сильному артиллерийско-минометному обстрелу и бомбежкам противника, и мы уже в первые часы понесли неоправданные потери. Надо было, по-моему, учесть два обстоятельства: полное господство авиации противника в воздухе и наличие у него мощных артиллерийских групп — и именно из этого исходить при разработке плана операции. Но...

Короче говоря, наши последующие действия снова не принесли успеха. Противник не только локализовал все наши удары, но, повторяю, огнем артиллерии и бомбежками нанес войскам значительные потери.

Мы попали в трудное положение. Об этом же свидетельствует и хранящаяся в архивах записка генерал-майора И. Т. Коровникова, направленная им в те дни в штаб армии, а уже оттуда — в штаб фронта. В ней говорится: «Надо немедленно донести Военному совету фронта, что противник ведет непрерывные активные действия авиацией, наши боевые порядки нарушены, что командование армии принимает меры к восстановлению положения и что действующие с запада части 2-й ударной армии об этом поставлены в известность»¹. Командарм просил далее Военный совет фронта прикрыть действия 59-й армии с воздуха и выделить хотя бы дивизион зенитных пушек среднего калибра для борьбы с авиацией врага.

Но генерал Коровников не только просил, но и сам принимал все возможные в данной обстановке меры, чтобы как-то выправить положение, выполнить поставленную перед армией задачу. Так, например, он приказал усилить за счет тыловых подразделений боевые порядки частей и быть готовыми продолжить наступление, чтобы все же соединиться с войсками 2-й ударной армии. Одновременно он потребовал от командиров соединений провести ночную разведку, установить глубину обороны противника, наличие инженерных сооружений, выделить штурмовые группы для захвата двотов, в которые включить как саперов, так и разведчиков.

Но все же и эти меры к особым успехам не привели.

В самый разгар боев на наблюдательный пункт 59-й армии прибыли командующий Волховским фронтом генерал К. А. Мерецков и представитель Ставки, начальник Генерального штаба генерал А. М. Василевский. Прибыли, чтобы на месте разобраться в обстановке и принять самые решительные меры по спасению войск 2-й ударной армии.

Кирилл Афанасьевича Мерецкова я увидел тогда впервые. И что сразу же бросилось в глаза, так это его спокойствие. Во всяком случае, внешне в нем совсем не чувствовалось какой-либо нервозности или растерянности. Напротив, будучи сравнительно полным человеком, он вошел на КП армии легкой, бодрой походкой. Внимательно выслушал И. Т. Коровникова о принятых мерах. И лишь после доклада негромко спросил:

— И каково же ваше решение?

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 18, л. 40.

— Собрать в кулак резервы и попытаться еще раз пробиться на соединение со второй ударной, — ответил командарм.

— А что у вас в резерве?

— Танковая и стрелковая бригады, несколько стрелковых батальонов...

— Это уже кое-что значит, — сказал Мерецков. И тут же попросил Коровникова показать на карте, как он будет использовать этот резерв.

Выслушав, согласно кивнул головой:

— Решение утверждаю. Отдавайте распоряжения. Как ваше мнение, Александр Михайлович? — обратился он к генералу Василевскому.

— Иного выхода нет.

— Действуйте, — приказал Мерецков.

Мы тут же получили от командарма указания оформить и доставить в части боевые распоряжения.

Ввод в бой резерва склонил чашу весов в нашу пользу. Вскоре 7-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника Б. И. Шнейдера, 29-я танковая бригада полковника М. И. Клименко, а также полки из 24-й стрелковой бригады, 65-й и 374-й стрелковых дивизий в упорном бою сломали сопротивление противника, вышли на западный берег реки Полисть и соединились с частями 2-й ударной армии. При этом особенно отличилась 65-я стрелковая дивизия, которой в то время командовал полковник Петр Кириллович Кошевой, ставший впоследствии Маршалом Советского Союза.

Я был очевидцем того боя, видел полковника П. К. Кошевого, как говорится, в пылу схватки с врагом. Он отличался личной храбростью, умением организовать людей, повести их за собой. После войны мы еще не раз встречались с Петром Кирилловичем, говорили о тех тяжелых временах, вспоминали общих знакомых, живых и павших.

Итак, со 2-й ударной армией нас теперь соединяла не узенькая щель, которая, как уже упоминалось выше, в некоторых местах простреливалась противником даже из стрелкового оружия, а коридор шириной в 3—4 километра. По нему в наше расположение начали выходить из окружения группы бойцов и командиров из 2-й ударной.

Но вскоре противник сильнейшими ударами значительно сократил район расположения еще не успевших выйти через коридор дивизий этой армии. Теперь он на всю глубину простреливал его артиллерийским огнем. Ко-

ридор закрылся. Управление 2-й ударной армией было нарушено.

Чувствуя, что положение оставшихся войск 2-й ударной стало критическим, генерал А. М. Василевский приказал срочно связать его по радио с Власовым. Мы, работники штаба 59-й, находившиеся как раз неподалеку, стали свидетелями этих переговоров. И из реплик А. М. Василевского вскоре поняли, что командующий 2-й ударной армией фактически потерял управление своими войсками. В связи с этим ему было предложено встретить самолет, который мы сможем выслать за ним и другими членами Военного совета для переброски их на НП 59-й армии. Но Власов от самолета категорически отказался, ссылаясь на то, что его, дескать, место в своих попавших в беду войсках. Позднее мы узнали, что эти высокопарные слова Власова о долге и чести были ничем иным, как чистойшей демагогией.

Чтобы спасти окруженные части этой армии, командование Волховского фронта решило вновь повторить встречный удар войск 59-й и 2-й ударной армий. Направление его тоже осталось прежним — вдоль узкоколейной железной дороги. В приказе говорилось, что 2-я ударная армия в 22.30 24 июня 1942 года должна штурмом пробиваться на восток и выводить боевую материальную часть и людей из окружения. Соединениям 59-й армии (указывались конкретные задачи дивизиям и бригадам) приказывалось прорвать заслон противника на реке Полость и соединиться с частями 2-й ударной армии¹.

Но, как оказалось, Власов, несмотря на приказ командования фронта, совершенно ничего не предпринял для того, чтобы выполнить его. Поэтому встречный удар, естественно, не получился.

Соединениям 59-й армии тут же было приказано установить наземной разведкой расположение частей 2-й ударной армии и собственными силами обеспечить их выход. Однако еще в ночь на 24 июня связь со штабом Власова странным образом нарушилась и больше не восстанавливалась. Это подтверждается и нашим донесением в штаб Волховского фронта, где, в частности, указывалось, что «радиосвязь со 2-й ударной армией прекратилась с 2.00 24.6 1942 г.»².

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 18, л. 118.

² ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 48, л. 4.

В донесении одновременно говорилось, что нами к утру 24 июня вдоль узкоколейной железной дороги был все же пробит небольшой коридор, по которому продолжают выходить из окружения группы бойцов и командиров 2-й ударной армии. Но Власова среди них нет.

Но многие вышедшие из окружения старшие командиры в один голос утверждали, что видели Власова в районе узкоколейной железной дороги. Туда немедленно была направлена танковая рота с десантом пехоты под командованием капитана А. Г. Бороды — адъютанта генерала К. А. Мерецкова. Эта группа добралась до места расположения штаба 2-й ударной армии. Но уже никого там не обнаружила.

Как позднее выяснилось, штаб 2-й ударной армии, разделившись на группы, все же пытался выйти из окружения. Но часть людей при этом погибла, а другие попали к партизанам и лишь потом перешли линию фронта. Сам же Власов не предпринял никаких мер по выходу из окружения и сдался в плен к фашистам. Помнится, весть о его измене поразила нас тогда как удар грома среди ясного неба.

Из окружения все же вырвалось немало бойцов и командиров 2-й ударной армии. Так, только на нашем участке их сразу же вышло 6000 человек¹. А в последующих донесениях в штаб фронта, датированных 29, 30 июня, а также 1, 9 и даже 24 июля 1942 года (их мне довелось готовить лично), приводились все новые и новые цифры. Всего же, как теперь известно, из окружения было выведено 16 тысяч человек из 2-й ударной армии.

Мясной Бор, Спасская Полисть... В годы войны здесь каждый метр был прошит пулями, осколками гранат, снарядов и бомб, обильно полит нашей кровью. Этого никогда не забудешь...

И еще одного невозможно забыть. Ведь именно здесь мы, работники штаба 59-й армии, одними из первых узнали о предательстве Власова.

Помнится, уже вскоре после его перехода к противнику гитлеровцы разбросали о нем листовки, призывая наших бойцов и командиров последовать примеру бывшего командарма и сдаваться в плен. Но на все эти призывы

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 48, л. 3, 16, 41.

советские воины отвечали еще большим бесстрашием, массовым героизмом в боях с ненавистным врагом и презрением к изменнику Родины.

Нас, ветеранов 59-й армии, нередко спрашивают: как же, мол, могло так случиться, что Власов оказался предателем? Неужели нельзя было раньше распознать его подлую сущность, принять соответствующие меры? Честно говоря, мы и сами не раз задавали себе точно такие же вопросы. Задавали и тогда, в трудном сорок втором, и даже тогда, когда уже окончилась война. И не находили ответа. Он пришел позже, когда некоторые наши военные мемуаристы и писатели познакомились с архивными документами, в том числе и немецкими, попавшими к нам после войны.

Вот один из таких документов. «От вышедших из окружения работников особого отдела и командиров 2-й ударной армии получили сведения о том, — сообщалось в донесении особого отдела Волховского фронта, — что Военный совет армии, полностью потеряв управление южной и западной группой войск, принял решение 23 июня вывести штаб 2-й ударной армии в расположение 59-й армии». Далее в донесении отмечалось: «В этот день по приказу Власова были уничтожены все радиостанции, в результате чего была потеряна связь с северной группой войск». И еще: «В 23 часа 23 июня Военный совет и штаб 2-й ударной армии с командного пункта в районе Дровяное Поле перешли на командный пункт 59-й стрелковой бригады на восточном берегу реки Глушица. На другой день все работники Военного совета, штаба армии построились в колонну и направились к выходу из окружения. Не доходя до реки Полисть, колонна сбилась с пути и наткнулась на противника, который открыл пулеметный, артиллерийский и минометный огонь...»

Что же представлял собой сам Власов? Родился он в 1901 году в деревне Лопатино Гагинского района Горьковской области в семье кулака. Окончил духовное училище, семинарию. Обманным путем пролез в партию. Конечно же с карьеристскими целями. До войны окончил курсы «Выстрел», командовал ротой, батальоном, полком и дивизией. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков так писал о нем в своих мемуарах: «Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в Коммунистической

партии — не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой, — попытка отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться».

Какая расплата постигла этого предателя, мы расскажем в одной из следующих глав. Ведь наша 59-я армия в последние месяцы войны снова будет иметь прямое отношение и к Власову, и к некоторым его сподвижникам, таким же, как и он, подлым отщепенцам.

А сейчас мне хочется подвести некоторые итоги боев весны и лета 1942 года, показать читателю, какие же выводы мы сделали из этого периода войны.

По характеру боевые действия 59-й армии в 1942 году, думается, следует разделить на три периода. Первый период — наступательные бои, проходившие в январе — мае. Второй период — июнь, бои за вывод из окружения войск 2-й ударной армии. И наконец, третий период — позиционные бои июля — декабря 1942 года.

Если же давать общую оценку боям всех трех периодов, то следует сразу же подчеркнуть, что в это время (и особенно в январе — июне 1942 года) войска Ленинградского и Волховского фронтов не только надежно сковывали вражескую группу армий «Север», и особенно 18-ю армию, облегчив тем самым действия Красной Армии в зимнем наступлении под Москвой, но и окончательно сорвали план гитлеровского командования по захвату Ленинграда, соединению немецко-фашистских и финских войск.

Более того, наступая в сложнейших условиях, по лесисто-болотистой местности, войска двух наших фронтов вначале добились заметных успехов. Выйдя в район Любани, они, например, поставили 18-ю армию противника в довольно трудное положение. И лишь отсутствие у нас необходимой согласованности в действиях позволило вражеской группировке, оборонявшей район Кириши, Чудово и Любань, избежать полного окружения и разгрома.

Но за полгода напряженных наступательных боев мы, в том числе и наша 59-я армия, приобрели значительный боевой опыт. Личный состав воочию убедился, что фашистов можно бить, причем довольно сильно. Ведь только полки и дивизии 59-й армии за 1942 год уничтожили 51 тысячу вражеских солдат и офицеров¹.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 12, л. 4.

Бои 1942 года стали хорошей школой и для нас, работников штаба. Мы получили практику, хотя подчас и довольно горькую, по разработке и проведению наступательных операций в условиях часто меняющейся обстановки, когда нужно было перебрасывать, вводить в бой целые соединения, организовывать встречные удары оперативных групп и ударных группировок. Все это, естественно, очень пригодилось нам потом, при планировании и осуществлении других, более сложных армейских наступательных и оборонительных операций.

Однако в боях 1942 года мы допустили и целый ряд просчетов, ошибок, о которых тоже нельзя не сказать. Основная причина всех наших неудач, конечно, в первую очередь исходила из острой нехватки в войсках боевой техники и оружия. Потому-то мы и не имели подчас возможности создать огневое превосходство над противником не только в полосе наступления, но и на направлениях главного удара. Конечно, этот недостаток был вообще характерен для нас на первом этапе войны. Немецко-фашистские войска имели, как известно, больше техники и оружия. У нас же их не хватало, так как промышленность тогда еще только перестраивалась на военный лад, а заводы, эвакуированные в глубь страны, лишь начинали давать первую продукцию.

Но были, однако, ошибки, в которых главным виновником выступал именно штаб армии. Серьезные недочеты допускались, например, в организации управления войсками. Потеря связи, к сожалению, была отнюдь не редким явлением. Взаимодействие соединений и всех родов войск оставляло желать лучшего. Отсутствовала хорошо организованная разведка. Командиры и штабы зачастую слабо знали систему огня противника, расположение его артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов, состав, расположение и перемещение резервов врага и, следовательно, не могли сделать необходимых выводов о возможном характере его последующих действий.

К этому, думается, нужно добавить и то обстоятельство, что в 59-й армии почему-то происходила довольно частая смена начальников штаба. Так, за полгода боевых действий на этой должности побывали генералы Токарев, Пэрн, Городецкий, Артюшенко. А в самый ответственный период боев по выводу войск 2-й ударной армии из окружения приказы и боевые распоряжения за начальника штаба армии подписывали подполковник Сергеев и пол-

ковник Пахомов, сменявшие, соответственно, один другого на посту начальника оперативного отдела, и даже майор Сидякин и капитан Хлынин — заместители начальника оперативного отдела. Все эти люди, естественно, обладали разными оперативными и тактическими знаниями, служебным опытом. И это, конечно, сказывалось на общей деятельности штаба — главного органа управления войсками.

Разумеется, все названные просчеты в работе штаба армии явились для нас серьезным уроком. И в период активных оборонительных боев, которые длились потом целых полтора года, с июля 1942-го и по январь 1944-го, мы использовали весь свой накопленный опыт, чтобы не допускать их впредь.

ОТ ОБОРОНЫ — К НАСТУПЛЕНИЮ

Советский народ, как и все простые люди земли, радовался победам своей родной Красной Армии над немецко-фашистскими войсками летом и осенью 1943 года. На весь мир прогремели тогда наши блистательные успехи на Курской дуге, в сражениях на юге страны. Гитлеровская армия понесла в них такие тяжелые потери, после которых уже не могла до конца оправиться.

В летне-осенний период этого же года войска Ленинградского и Волховского фронтов своими действиями сорвали попытку немецко-фашистского командования восстановить блокаду Ленинграда, которая была прорвана нами в январе 1943-го.

Советские войска освободили и мой родной Донбасс, который, как мы знали из газет, гитлеровцы превратили в довольно крепкий орешек, стремясь удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Линия их обороны проходила там по Северскому Донцу — реке моего детства и юности — и по Миусу. А в глубине фашисты создали, кроме того, еще несколько укрепленных рубежей, опирающихся на небольшие речушки. Словом, земля Донбасса была буквально начинена многочисленными дотами и дзотами, минными полями, опоясана проволочными заграждениями.

Но и этот, казалось бы, неприступный вал не остановил советские войска. В ожесточеннейших боях они освободили Донбасс от немецко-фашистских захватчиков. Войска Юго-Западного фронта овладели и моим родным городом Пролетарском, а также Лисичанском, где, как уже говорилось выше, я работал до призыва в армию.

Находясь на Волховском фронте, далеко от Донбасса, я тем не менее внимательно следил за разворачивающимися там событиями, потому что знал, что моя мать так

и не успела своевременно эвакуироваться оттуда и была вынуждена долгое время жить в оккупации. Я часто думал: как там она, жена шахтера, коммуниста, начальница участка шахты? Жива ли? Ведь было известно, что семьи коммунистов гитлеровцы уничтожали беспощадно.

Немного успокоился, когда наконец-то получил ответ на одно из своих многочисленных писем. С радостью подумал: значит, мать уже вне опасности, фашисты изгнаны из Пролетарска.

«Дорогой сынок! — писала мать. — Как радостно у меня на сердце, что ты жив и здоров, воюешь и бьешь фашистов. Бей их крепче, чтобы побыстрее очистить нашу землю от этих варваров!..

Сынок, мы столько пережили за время пребывания у нас фашистов, что сразу всего и не расскажешь. Издевались они над нашими людьми, как хотели, били нещадно, вешали и расстреливали, сажали в тюрьму. Все хотели шахтеров заставить на них работать. Но те не пошли в шахты, укрывались кто где мог.

Когда гитлеровцы ворвались в наш город, я подалась в деревню, к своим знакомым, там и прожила, пока не вернулись наши. Фашисты в эту деревню заглядывали редко, потому, наверное, и уцелели мы тут. Бог даст, и ты вернешься домой невредимым.

Слыхала я, что и наш меньшей хорошо воюет. Его воинская часть прошла где-то рядом с нашим городом, но заглянуть он не смог, только передал привет с оказией.

Ну, будь здоров, дорогой сынок, возвращайся с победой в родной Донбасс.

Целую тебя крепко. Твоя мама».

На душе сразу стало легче. Хорошо, что мать жива, вернулась в Пролетарск. Значит, наш домашний уголок опять будет теплым и родным, каким он был и до войны.

Захотелось хоть на часок заскочить домой, посмотреть на мать. Но шла война, и было не до отпусков. Только и сделал, что отправил матери срочный перевод. Деньги ей, конечно, пригодятся...

Да, война еще грохотала на нашей земле. Несмотря на целый ряд серьезных поражений летом и осенью 1943 года, германская армия была еще сильна. В частности, даже противостоявшая нам под Ленинградом и Новгородом группа вражеских армий «Север» насчитывала в своем составе 740 тысяч солдат и офицеров, ей были приданы 370 боевых самолетов первой линии, около 400 тан-

ков и самоходных артиллерийских установок, свыше 10 тысяч минометов и орудий.

На всем протяжении линии фронта эта группа создала очень сильные оборонительные позиции, изобилующие дзотами и дотами, разветвленной системой минных полей и проволочных заграждений, а также железобетонными полевыми укреплениями. Ее войска уже обладали достаточным опытом ведения боев в условиях лесисто-болотистой местности.

Все это, естественно, наложило свой отпечаток на планирование и подготовку нашей новой наступательной операции, которая получила наименование Новгородско-Лужской. Началась она 14 января 1944 года с прорыва войсками Волховского фронта обороны противника из непосредственного с ним соприкосновения. Одновременно пошли в наступление и войска Ленинградского фронта, которые тоже прорвали вражескую оборону в районе Пулково и южнее Ораниенбаума. Таким образом, противник, попав под согласованный удар двух наших фронтов, оказался в довольно трудном положении.

Новгородско-Лужская наступательная операция длилась с 14 января по 15 февраля 1944 года и характеризовалась высоким уровнем нашего мастерства и оперативно-тактического искусства, проявленных в крайне тяжелых условиях частых оттепелей и дождей, в общем-то необычных в этих местах для зимнего периода.

Но, прежде чем и дальше рассказывать о ходе Новгородско-Лужской наступательной операции, мне хочется хотя бы вкратце коснуться оборонительного периода, который длился для 59-й армии с июля 1942 по январь 1944 года. Думается, рассказ о нем будет интересен по двум причинам. Во-первых, оборона нашей армии в этот период была довольно активной. Мы отвлекли на себя значительные силы противника, что, безусловно, содействовало успехам других армий Волховского и Ленинградского фронтов. Во-вторых, именно в этот период, в январе 1943 года, войсками двух названных фронтов была наконец-то прорвана блокада Ленинграда. 18 января 1943 года после недели ожесточеннейших боев полки и дивизии Волховского и Ленинградского фронтов соединились, разорвав таким образом кольцо блокады вокруг города на Неве. Этот день стал днем великого торжества не только для воинов двух фронтов, но и для всей Красной Армии, всего советского народа.

Итак, 59-я армия, организовав оборону, летом 1942 года все же вела наступательные бои отдельными дивизиями и полками с целью не только улучшить свои позиции, но и не дать противнику возможности снять хотя бы часть сил с нашего участка и перебросить их под Ленинград. Так, 10 июля 378-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 29-й танковой бригадой атаковали сильно укрепленный опорный пункт гитлеровцев в Дымно и овладели им. В результате наш плацдарм на западном берегу реки Волхов несколько увеличился. А в начале августа 377-я стрелковая дивизия полковника К. А. Цаликова и 191-я стрелковая дивизия подполковника Н. И. Артеменко при поддержке 29-й танковой бригады нанесли по противнику удар в районе Званки и еще больше расширили занимаемый плацдарм.

Осенью 1942 года разгорелись бои теперь уже непосредственно за населенный пункт Званки. А перед этим, помню, нас, работников оперативного отдела, собрал подполковник Л. М. Крылов и сказал:

— Вот что, товарищи. Противник, занимая высоты в районе Званки, довольно хорошо просматривает всю нашу оборону. Командующий и начштаба армии поставили задачу сбить фашистов с этих высот, а также овладеть Званками. Ее выполнение возложено на один из полков 382-й стрелковой дивизии. Атаку будут поддерживать артиллеристы и минометчики. И хотя общее руководство боем приказано осуществлять командованию дивизии, мы тоже должны послать туда своих представителей.

И Крылов тут же назвал фамилию майора Н. М. Варвинского и мою. Еще раз напомнил, что мы едем в дивизию помогать организовывать бой и осуществлять общий контроль.

Получив указания, мы с Варвинским выехали в 382-ю. По прибытии помогли дивизионным коллегам всесторонне подготовиться к бою. И вскоре 1267-й стрелковый полк пошел в атаку. Он сбил противника с высот и овладел южной окраиной Званок. В течение 14—17 ноября полк удерживал и высоты и окраину населенного пункта в своих руках. Но под натиском превосходящих сил врага все же вынужден был отойти на исходные позиции.

За четыре дня боев противник понес здесь значительные потери, оставив на поле боя до 3500 своих солдат и офицеров убитыми и ранеными¹.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 48, л. 270.

А вскоре для того, чтобы лучше узнать оборону противника, в полосе 377-й стрелковой дивизии была произведена разведка боем. Ее готовил сам комдив полковник Николай Прокофьевич Ковальчук, сменивший недавно на этом посту К. А. Цаликова. От штаба армии в эту дивизию выпало ехать мне.

Мы встретились с Н. П. Ковальчуком как давние знакомые. И это действительно было так. Ведь до назначения в 377-ю дивизию Николай Прокофьевич служил заместителем командующего артиллерией 59-й армии, и мы с ним довольно часто встречались. Я, например, знал, что Ковальчук очень чуток к людям, аккуратен в работе, имеет обширные военные знания, так как окончил Академию Генерального штаба и даже некоторое время служил в Генштабе.

— Ну как там, «наверху», поживаете? — встретил меня дружеским вопросом Николай Прокофьевич, пожимая руку.

— Да трудимся, товарищ полковник, — ответил я. — И не так уж спокойно. Ведь снаряды иногда и до нас долетают.

— А здесь даже пули пчелами жужжат, — пошутил Ковальчук. — И иной раз ой как больно жалят!

Мы разговорились с ним о предстоящей разведке боем.

— Понимаете, Иван Сергеевич, — сказал Николай Прокофьевич, — эта разведка нам очень нужна, потому как в течение вот уже нескольких недель наши разведчики не могут взять ни одного «языка». И мы как следует даже не знаем, кто же сейчас перед нами сидит. Все та же двадцать пятая авианеполевая дивизия или другое какое соединение. Так что... — И, уже конкретно переходя к делу, спросил: — Как думаете, какие силы нужно бросить в этот разведбой?

— Думаю, надо выделить не меньше роты, усилить ее артиллерией, саперами...

— А не маловато? Мне мыслится, не меньше двух рот надо. И усиление, конечно. Но тут еще одна загвоздка. Уж больно бдительны фашисты. И укрепились здорово. Мы уж пытались и так и этак к ним подойти — ничего не получается. Потери только несем.

— А что, если нам подобрать точно такую же местность в тылу, оборудовать ее по образцу и подобию вражеской обороны да и проиграть на ней несколько раз предстоящий бой? — предложил я.

— Вот это уже вы дело говорите, — улыбнулся Ковальчук. — Я, кстати, об этом тоже думал.

На том и порешили.

Для разведки боем выделили, как и предлагал комдив, две стрелковые роты с артиллерией, танками и саперами. Провели тренировки их командного состава: разыграли бой на картах, потом на макете. А затем уже и на местности, специально оборудованной различными препятствиями. В заключение, создав обстановку, приближенную к боевой, проиграли с личным составом рот и подразделениями, выделенными для их поддержки, весь предстоящий бой от начала и до конца. Причем тренировку повторили несколько раз, чтобы досконально отработать вопросы взаимодействия и по времени и по рубежам.

Наступила ночь, когда стрелковые роты начали разведку боем. Нагрянули они на фашистов неожиданно, потому что саперы загодя проделали проходы в проволочных заграждениях и минных полях. И вот роты, поддержанные огнем артиллерии и танками, дружно рванулись вперед. В ходе боя они захватили пленных, документы и с незначительными потерями вернулись в исходное положение.

Мы с полковником Ковальчуком тут же допросили пленных. Из их показаний выяснилось, что перед фронтом нашей 377-й дивизии по-прежнему «сидит» все та же 25-я авианеполевая дивизия врага. Значит, гитлеровцы не сняли ее и не перебросили под Ленинград. Значит, мы будем иметь дело с теми, кого уже неплохо знаем.

Следует заметить, что в оборонительный период ведению разведки у нас было уделено особое внимание. Каждая дивизия имела своих опытных разведчиков, которые, по далеко не полным данным, только в 1943 году захватили 75 «языков» и около сотни важных документов. И большой вклад в организацию разведки вносили начальник разведотдела штаба армии подполковник А. К. Мацукевич и другие работники этого отдела.

Повышению активности нашей обороны во многом способствовало и широко развернувшееся в тот период в армии снайперское движение. Застрельщиками его стали коммунисты и комсомольцы. Оно было поддержано командирами, политорганами, Военным советом 59-й армии.

При работе над книгой я, просматривая архивные документы, словно бы вновь вернулся в тот июльский день 1943 года, когда по решению Военного совета у нас был проведен армейский слет снайперов. На него прибыли десятки сверхметких стрелков, артиллеристов и танкистов. И абсолютное большинство из них, повторяю, коммунисты и комсомольцы.

Среди снайперов были рядовые бойцы и командиры, мужчины и женщины. В памяти сохранились имена таких мастеров огня, как красноармеец В. Бочкарев, старшие сержанты С. Гуцель, Н. Кузьмин, Е. Кудрин, заместитель политрука А. Деревягов. На счету каждого из них были десятки и даже сотни истребленных фашистов.

В армии было сформировано и специальное подразделение — женская снайперская рота. Здесь лучшими из лучших по праву считались Майя Додонова, Ольга Бронникова и Надежда Колесникова, уничтожившие по нескольку десятков гитлеровцев. Все они были награждены орденами и медалями.

На слете снайперов перед собравшимися выступили член Военного совета П. С. Лебедев, начальник политотдела А. П. Соколов и командующий армией И. Т. Коровников.

Петр Семенович Лебедев, помнится, говорил о том, что снайперским движением надо охватить как можно большее число подразделений, причем не только стрелковых, но и танковых, артиллерийских, минометных.

— Разве плохо нам иметь побольше настоящих мастеров огня среди танкистов? — обращаясь к участникам слета, спрашивал Петр Семенович. — А среди минометчиков? Сами знаете, какое это грозное для врага оружие — миномет. Кто сможет достать противника за высотой, в траншее, в блиндаже? Минометчики. Кто накроет пехоту врага, скопившуюся в лесу? Тоже они. Я уже не говорю о наших артиллеристах-противотанкистах. Те вообще должны вести огонь метко, наверняка. Так что работы перед вами — непочатый край. Беритесь за нее, и в первую очередь коммунисты, учите людей снайперскому искусству, чтобы они не давали фашистам покоя ни днем ни ночью. Этого требует от нас Родина, наш народ!

Затем командующий армией генерал И. Т. Коровников вручил наиболее отличившимся снайперам ордена и

медали, ценные подарки. А остальным участникам слета объявил благодарность.

— Снайперское движение в обороне, — подчеркнул Иван Терентьевич, — большая сила. Вы, сверхметкие стрелки, ценны тем, что не только выводите из строя живую силу противника, но и постоянно держите врага в напряжении. А это значит, что земля под ногами оккупантов горит и нет им ни минуты покоя...

В период слета штаб армии организовал для его участников показное занятие на тему «Действия снайперской пары в наступлении». Его поручили подготовить группе работников из отдела боевой подготовки. А от оперативного отдела в подготовке этого занятия пришлось участвовать мне. Видимо, потому, что я и сам неплохо стрелял из винтовки с оптическим прицелом, из пулемета, уже неоднократно участвовал в различных стрелковых, в том числе и снайперских, соревнованиях.

Показное занятие прошло на высоком уровне. Во всяком случае, командующий, делая его разбор, похвалил как снайперов, так и нас, готовивших это занятие. Правда, он указал и на недостатки — во время передвижения снайперы не совсем слаженно взаимодействовали друг с другом.

В заключение командарм приказал представителям соединений и частей подготовить и провести аналогичные занятия в дивизиях и полках.

— Там, где есть возможность, — распорядился генерал И. Т. Коровников, — соберите людей, пусть снайперы поделятся с ними своим опытом. И обучайте, обучайте бойцов ведению меткого огня. Будет очень хорошо, если каждый снайпер подготовит хотя бы одного отличного стрелка. И то их ряды удвоятся. Ну а если снайперы возглавят небольшие, до стрелкового отделения, группы и обучат их бойцов меткой стрельбе, вы понимаете, какая это будет сила.

В частях и соединениях армии именно так и поступили. Многие снайперы получили в свое распоряжение группы подающих надежды красноармейцев и с помощью методистов из штабов обучили их ведению меткого огня.

Так снайперское движение в 59-й, как, впрочем, и во всех других армиях Волховского и Ленинградского фронтов, стало вскоре подлинно массовым. За оборонительный период сверхметкие стрелки истребили несколько тысяч фашистских захватчиков.

Одновременно 59-я армия совершенствовала свою оборону. В штаб фронта ежедневно шли сводки о том, что сделано по укреплению позиций, их инженерному оборудованию, как идет строительство блиндажей, землянок, наблюдательных и командных пунктов, огневых позиций для артиллерии и минометов, сколько людей работает на прокладке дорог и т. д.

В результате огромных усилий командования армии, штабов всех степеней и политорганов в 59-й армии была создана надежная оборона, отвечающая по тем временам самым высоким требованиям. Мы оборудовали ее главную полосу, основанную на взводных и ротных опорных пунктах, объединенных, в свою очередь, в батальонные районы. На танкоопасных направлениях были организованы противотанковые узлы и районы. Вторая полоса и тыловой армейский оборонительный рубеж, а также отсечные позиции тоже постепенно совершенствовались и укреплялись.

На главной полосе оборонялись дивизии первого эшелона, на второй — одна-две стрелковые дивизии из второго. Несмотря на то что 59-я армия занимала довольно широкий фронт обороны, она была эшелонирована достаточно глубоко, имела подвижные резервы для отражения внезапных ударов противника на тех или иных направлениях.

Оборонительный период в работе штаба 59-й армии был насыщен прикидками, разработками наступательных операций по наиболее важным и предполагаемым направлениям. Ибо командование вполне резонно рассуждало, что не век же нам стоять в обороне, когда-то ведь придется и наступать. И надо быть заранее готовыми к этому.

Остановлюсь на наиболее важных и интересных вариантах таких прикидок. Большинство из них относится к лету 1943 года, потому что в тот период мы чувствовали, что наша армия вот-вот должна будет включиться в активные наступательные действия.

В архиве, например, и сейчас хранятся «Соображения по плану наступательной операции 59-й армии в направлении Новгорода», подписанные 2 июня 1943 года начальником штаба армии генерал-майором П. А. Артюшенко. Он занимал эту должность с июля 1942 года и до начала октября 1943-го. Высокий, стройный, генерал Артюшенко производил на нас довольно внушительное впечатление. Павел Алексеевич очень следил за собой, за своим внеш-

ним видом. Его никогда нельзя было увидеть, например, плохо выбритым или в помятом обмундировании. В этом отношении он являлся примером для многих из нас.

Но вернемся к планам операций, разрабатываемых в тот период под его руководством. Сразу скажу, что они носили, как правило, общий характер. Например, в «Соображениях по плану наступательной операции 59-й армии в направлении Новгорода» определялась цель операции, давалась оценка обороны противника, намечались глубина операции, ширина фронта прорыва на главном и вспомогательном направлениях, основные задачи артиллерии, танков, авиации, инженерное и материальное обеспечение.

Замысел операции был выражен в решении, которое формулировалось так: 59-я армия, используя плацдарм на западном берегу реки Волхов, должна прорвать оборону фашистов на участке Теремец Курляндский, Лелявино и нанести главный удар во фланг противнику вдоль Ленинградского шоссе на Новгород. Ближайшая задача армии — выйти на рубеж Вяжищи, Моторово, Кречевицы. В дальнейшем, наступая на Моторово, совхоз Соковое, Батурино, окружить и уничтожить новгородскую группировку врага, овладеть железнодорожным узлом Новгород. Затем, используя болота для прикрытия своего правого фланга, армия должна выйти на рубеж Вяжищи, Казармы, река Змейка, река Веронда, Фарафоново в готовности во взаимодействии с Северо-Западным фронтом наступать на Батецкую или Шимск¹.

Как видим, эти «Соображения» действительно носили набросочный характер. И не были избавлены от недостатков. Наиболее серьезный из них, на мой взгляд, заключался в следующем: замысел окружения и уничтожения новгородской группировки противника строился не на встречных ударах или же охватах Новгорода с разных направлений, а лишь на наступлении во фланг противника вдоль Ленинградского шоссе. Такое решение облегчило бы немецко-фашистскому командованию организацию сильных контратак во фланг нашим наступающим частям как из опорных пунктов, так и из глубины своей обороны. Тем более что в «Соображениях» почему-то не предусматривалось прикрытие правого фланга армии

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 375, л. 11—15.

хотя бы частью сил, а учитывались лишь естественные препятствия для врага — болота.

Несколько позднее последовала новая разработка плана наступательной операции, теперь уже под названием «Соображения по операции. Новгородский вариант». В нем цель операции сформулирована опять-таки расплывчато — сорвать замысел противника по восстановлению блокады Ленинграда, уничтожить новгородскую группировку противника, а затем быть в готовности вести наступление на Батецкую¹. Правда, сам замысел операции здесь несколько усовершенствован. В основе его была уже заложена идея нанесения главного удара с плацдарма на западном берегу реки Волхов в направлении Подберезье, а вспомогательного — южнее Новгорода, с форсированием реки Волхов. Цель — перерезать железные дороги Чудово — Новгород, Новгород — Батецкая, Новгород — Шимск, уничтожить обороняющегося там противника и овладеть Новгородом, в последующем выйти на рубеж Люболяды, река Веронда и быть в готовности развить успех на Батецкую.

Забегая вперед, скажу, что этот замысел мы в какой-то мере используем потом, при окончательной разработке Новгородско-Лужской операции. Но, повторяю, именно в какой-то мере, потому что утвержденный план этой наступательной операции будет и совершеннее и оригинальнее.

В этот же период нами разрабатывались и «Соображения по операции. Чудовский вариант», а также «План операции 59-й армии по окружению и уничтожению чудовской группировки противника». Сразу скажу, что они готовились на тот случай, если бы командование фронта решило во время наступательной операции повернуть нашу армию на чудовское направление с целью изолировать друг от друга чудовскую и новгородскую группировки противника и поставить под угрозу окружения мгинскую группировку.

Существовал и еще один план так называемой частной операции 59-й армии по уничтожению трегубовской группировки противника под условным названием «Ракета». Разрабатывал его лично начальник оперативного отдела штаба армии подполковник Л. М. Крылов. Если судить по цели операции, то она состояла в том, что уничтожением трегубовской группировки противника обеспечивал-

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 375, л. 16.

ся более широкий плацдарм для наступления нашей армии на северном или южном направлении.

Я специально остановился на показе некоторых вариантов наступательных операций, которые разрабатывались в нашем штабе в оборонительный период, так как думаю, что на этом фоне читателю будет легче понять, как зрела идея Новгородско-Лужской операции, как она постепенно получала свое окончательное оформление.

Естественно, что штаб и командование 59-й армии докладывали о всех вышеназванных вариантах наступательной операции в штаб Волховского фронта. Но там почему-то не торопились с их рассмотрением. Дело, оказывается, было в том, что Ставка Верховного Главнокомандования на зиму 1944 года уже спланировала, как теперь известно, целый ряд довольно глубоких ударов по врагу на северо-западе страны. В частности, Ленинградский, Волховский и 2-й Прибалтийский фронты должны были по ее планам очистить от противника Ленинградскую и Калининскую области (в то время в них входила и часть территории, впоследствии отошедшая к Псковской, Новгородской и Великолукской областям), выйти в район государственной границы 1939 года и тем самым создать предпосылки для последующего освобождения от немецко-фашистских захватчиков Прибалтийских советских республик.

Был план операции и по освобождению нашими войсками Новгорода, задуманный Ставкой, оказывается, еще осенью 1943 года. Над ним-то и велась сейчас работа в штабе Волховского фронта.

Замысел этой операции сводился к тому, что наш фронт, прорвав оборону противника под Новгородом, должен был продвинуться до Луги и на стыке 18-й и 16-й армий врага расколоть его группу армий «Север». Эту задачу мы должны были выполнить в тесном взаимодействии с Ленинградским фронтом и при содействии 2-го Прибалтийского. В частности, Волховский и Ленинградский фронты обязаны были рассеять, окружить и уничтожить по частям основные силы 18-й гитлеровской армии, не дать ей возможности организованно отойти на линию Нарва, Порхов. И главный удар на Волховском фронте должна была нанести именно наша, 59-я армия.

Здесь следует сказать, что к осени 1943 года оборо-

пяющийся перед нами противник произвел перегруппировку своих сил, сократив число пехотных дивизий первой линии с девятнадцати до шестнадцати. Мы это знали. Причем нам был известен даже такой факт, что свою 217-ю пехотную дивизию он с нашего участка перебросил на юг.

В сложившейся обстановке не исключались и дальнейшие вражеские перегруппировки, имеющие целью создание дополнительных резервов за счет ослабления обороны или даже сокращения линии фронта. В связи с этим перед войсками 59-й армии встала задача: продолжая совершенствовать оборону в занимаемой нами полосе, особое внимание обратить на удержание и развитие плацдармов на западном берегу Волхова и на реке Малый Волховец. Одновременно мы должны были быть готовыми по особому приказу фронта перейти в наступление и, прорвав ослабленную оборону противника на основных направлениях, развивать затем удар в глубину, не давая фашистам возможности организованно отводить свои войска на промежуточные рубежи и закрепляться на них.

Именно об этом говорилось и в директиве штаба фронта, вскоре спущенной к нам в армию. В ней, в частности, предлагалось главный удар наносить силами не менее четырех стрелковых дивизий и с рубежа Теремец Курляндский, Теремец, Пахотная Горка в общем направлении на Подберезье. Ближайшая задача — прорвать оборону противника и овладеть районом Долгово, Витка, Котовицы, Подберезье. В последующем армия должна была взять Новгород и тем самым подготовить себе благоприятные условия для наступления на Батецкую.

Директивой определялись и два вспомогательных удара: первый — в направлении Спасской Полисти; второй — с фронта Хутынь, озеро Ильмень на Новгород. Она же обязывала командование 59-й армии составить и доложить не позднее 25 сентября 1943 года план наступательной операции, мероприятия по ее материальному обеспечению.

Несмотря на ограниченность времени (командарм приказал доложить ему этот план 24-го, а командующий фронтом — 25 сентября), мы справились с поставленной перед нами задачей, ибо штаб был уже давно готов к такому повороту событий и разрабатывал, как я уже рассказывал, целый ряд вариантов наступательной операции. И нам теперь оставалось только еще раз глубоко осмыс-

лить идею, заложенную в директиве фронта, и творчески развить ее применительно к нашим условиям и возможностям.

В это время штаб армии возглавил Николай Прокофьевич Ковальчук, тот самый Н. П. Ковальчук, бывший комдив 377-й стрелковой, с которым мы вместе организовывали разведку боем еще в ноябре 1942 года. Но тогда он был полковником, а теперь стал генерал-майором. Именно Николай Прокофьевич совместно с начальником оперативного отдела Л. М. Крыловым и начали разработку плана наступательной операции для 59-й армии, который потом, естественно, развивался, уточнялся, детализировался в зависимости от изменений, которые вносили в него новые директивы, периодически поступавшие к нам из штаба фронта.

Мне в это время пришлось составлять таблицу соотношения сил и средств, а целая группа других штабных работников во главе с подполковником В. А. Хлыниным трудилась над планом перегруппировки войск армии.

Нелишне заметить, что 59-я армия к тому времени уже перешла на корпусную организацию. Как показала боевая практика, это было положительным явлением. При дивизионной организации командарм и штаб, имевшие в непосредственном подчинении большое число соединений, отдельных частей и специальных подразделений, испытывали подчас большие трудности в управлении войсками. И они еще более возрастали при действиях армии в таких условиях, какие были, скажем, у нас на Волховском фронте — в лесисто-болотистой местности, при обороне на широком фронте или при наступлении на нескольких направлениях. А теперь в нашей армии были созданы стрелковые корпуса, что значительно улучшило управление, сделало его более мобильным, оперативным и устойчивым.

Но вернемся к плану операции, который разрабатывали Н. П. Ковальчук и Л. М. Крылов. Цель ее сводилась к тому, чтобы уничтожить новгородскую группировку противника и овладеть Новгородом, этим важным узлом железнодорожных и шоссежных дорог, и уже затем развивать дальнейшее наступление на Батецкую. В плане давалась и оценка сил противника — перед фронтом армии находилось более 20 его батальонов, 13 артиллерийских дивизионов, около 1000 ручных пулеметов, свыше 300 станковых пулеметов, примерно 120 противотанковых

орудий, почти 350 минометов разного калибра, три батареи шестиствольных минометов. Их могли поддержать базировавшиеся неподалеку около 150 боевых самолетов — бомбардировщиков, истребителей, самолетов-корректировщиков. Противник имел в ближайшей оперативной глубине более 24 000 своих солдат и офицеров.

Затем в плане оценивались войска противника, расположенные на первом рубеже его обороны. Здесь, по данным разведки, действовали три пехотные дивизии полного состава и несколько отдельных батальонов, размещались позиции артиллерии. На второй полосе оборонялись до двух пехотных полков. Резерв противника составляли еще несколько пехотных полков, располагавшихся в районах Оредеж, Батецкая.

Далее была дана подробная характеристика местности, определены состав наших войск, соотношение сил к началу операции, ее замысел и конкретный план по этапам наступления.

Как я уже упоминал, оценку сил противника, а также и своих войск, расчет их соотношения было поручено сделать мне. Я сразу же связался с разведотделом армии, получил там достаточно полную справку по интересующему меня вопросу, сделал нужные выписки.

— Ну как, удовлетворены нашей работой? — спросил майор С. К. Тимофеев, с которым мы и до этого довольно часто контактировали.

— Пока да, — ответил я. — Ну а дальше... бой покажет.

— Не сомневайтесь, данные точные. За наших работников могу головой поручиться. Так что оперируйте данными смело.

Честно говоря, я в этом и не сомневался, потому что знал многих работников разведотдела, был уверен в их добросовестности. Да, такие люди, как майоры С. К. Тимофеев, С. И. Молокоедов и другие их коллеги, не подведут. Все они прошли хорошую школу, участвовали во многих разведывательных операциях, умело обобщали сведения, полученные из соединений, глубоко анализировали их.

Забегая вперед, хочу сказать, что один из них — майор С. И. Молокоедов станет уже после войны генерал-полковником, займет пост заместителя главного инспектора Министерства обороны СССР.

А теперь о замысле операции. Он в разработке

Н. П. Ковальчука и Л. М. Крылова был сформулирован так: 59-я армия, нанося главный удар с рубежа Любцы, Пахотная Горка в общем направлении на Подберезье, форсируя реку Волхов у Муравьев и Ровейки, имеет ближайшую задачу прорвать оборону противника на участке Любцы, Котовицы, овладеть узлом сопротивления Подберезье и выйти на рубеж Оссия, Долгово, Моторово, Хутынъ. В последующем, охватывая Новгород с северо-запада, она должна овладеть им и, произведя перегруппировку, выйти на рубеж Тресна, озеро Вяжицкое, разъезд Нащи, Горынево, Малое Ляпино, Троица в готовности развивать наступление на Батецкую.

Для обеспечения успеха главной группировки армии и соседей предусматривались два вспомогательных удара: первый — в направлении Любино Поле, Новая Кереть; второй, с фронта, — в направлении Первая Слутка, (иск.) Зарелье, по обоим берегам реки Волхов. Предполагалось также действие нашего небольшого отряда южнее Новгорода в направлении на Юрьево, Мостище. Задача — отвлечь на себя внимание противника и тем самым содействовать главным силам армии в его окружении и уничтожении в районе Новгорода.

Операция планировалась по этапам — подготовительный, первый и второй. Затем Н. П. Ковальчук и Л. М. Крылов спланировали проведение новой операции, которая включала бы в себя развитие успеха армии в общем направлении на Батецкую и овладение этим железнодорожным узлом¹. Я подчеркнул это потому, что некоторые работники штаба 59-й армии, участвовавшие в тот период в разработке Новгородско-Лужской операции, пытаются утверждать, что, мол, выработанный тогда в штабе армии план по уничтожению новгородской группировки противника с самого начала включал в себя всю Новгородско-Лужскую операцию. На самом же деле в первом плане операции 59-й армии по уничтожению новгородской группировки, разработанном на основе директивы Волховского фронта от 21 сентября 1943 года, о Луге не упоминалось, а овладение железнодорожным узлом Батецкая рассматривалось как новая операция, для проведения которой планировалась перегруппировка войск после освобождения Новгорода. Кстати говоря, и в варианте боевого приказа, подписанного только начальником штаба армии

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 68.

генерал-майором Н. П. Ковальчуком, но, как свидетельствует пометка подполковника Л. М. Крылова на документе, не утвержденного Военным советом, овладение городом Луга в качестве дальнейшей задачи тоже не указывалось. Даже в приказе командующего 59-й армией, изданном на основе новой директивы Волховского фронта от 29 сентября 1943 года, указывалось, что в последующем (после взятия Новгорода) армия должна развивать успех в направлениях на Батецкую и Шимск.

Город же Луга как составная цель наступательной операции впервые был указан в директиве штаба Волховского фронта от 16 октября 1943 года на имя командующего 59-й армией (копия была послана в Ставку Верховного Главнокомандования)¹. В этой директиве говорилось, что, по данным агентурной разведки и партизан, противник закончил в основном экономическую эвакуацию района к западу от реки Волхов до линии рек Нарва и Великая. Одновременно из показаний пленных и перебежчиков стало известно, что гитлеровское командование производит в армейском тылу подготовительные работы по отводу своих войск и на путях их отхода готовит различные заграждения. Вторая половина сентября и первая половина октября, подчеркивалось далее в директиве, характеризовались тем, что противник вел усиленные оборонительные работы на рубежах рек Луга, Нарва, Великая. В результате перегруппировки сил число фашистских дивизий первой линии перед Волховским фронтом сократилось с шестнадцати до четырнадцати.

В директиве также указывалось, что внезапным ударом частей наших 4-й и 54-й армий противник отброшен из ряда районов Ленинградской области и что в ближайшее время следует ожидать последовательного вывода им своих войск и перед Волховским фронтом. Поэтому командующему 59-й армией приказывалось при первых же признаках ослабления противником своей обороны или с началом отхода его в глубину быть в готовности перейти в решительное наступление и нанести главный удар с рубежа (иск.) Любцы, Пахотная Горка в общем направлении на Подберезье, Люболяды и Новгород и далее через Батецкую на Лугу². На направлении главного удара рекомендовалось использовать два стрелковых корпуса.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 111—114.

² Там же, л. 112.

Были определены ближайшая и последующая задачи армии, указывались соседи и их задачи, разграничительные линии с ними, авиационное обеспечение.

Директиву подписали командующий фронтом генерал К. А. Мерецков, член Военного совета генерал Т. В. Штыков, а за начальника штаба генерал В. Я. Семенов, начальник оперативного управления фронта. На основе этого документа и была потом разработана директива штаарма 59 от 18 октября 1943 года, в которой, по сути дела, впервые и сформулирована дальнейшая задача армии — развивать наступление в общем направлении на Лугу¹. Ее подписали командующий 59-й армией генерал И. Т. Коровников, член Военного совета генерал П. С. Лебедев и начальник штаба генерал Н. П. Ковальчук.

Такова правда о рождении Новгородско-Лужской наступательной операции.

Как я уже упоминал, в разработке этой операции активное участие принимал подполковник В. А. Хлынин. О Викторе Александровиче хочется сказать особо, подчеркнуть, что он обладал довольно глубокими оперативно-тактическими знаниями, хотя не имел не только высшего, но и законченного среднего военного образования. Просто в свое время учился на одногодичных курсах. Но бывают же такие люди, которых мы называем не иначе как самородками. Именно к ним с полным правом можно отнести и В. А. Хлынина. Очень собранный, жадный до знаний, он очень скоро досконально постиг все премудрости оперативно-тактической подготовки. Инициативный, смелый, требовательный к себе, Виктор Александрович, как нам казалось, просто родился для штабной работы: документы, исполненные Хлыниным, можно было сразу узнать, как говорится, по почерку — с такой любовью и тщательностью они были оформлены. Недаром он уже к тому времени был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Как-то, обсуждая со мной план предстоящей операции, Виктор Александрович задумчиво сказал:

— Ты, наверное, заметил одну характерную деталь в обороне фашистов на нашем участке? Нет? Тогда слушай. Они, как правило, очень хорошо учитывают особенности театра военных действий, занимают оборону на гос-

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 395, л. 117.

подствующих высотах. А болота, лежащие у высот, плотно простреливают. А мы в первое время лезли именно в эти болота. И естественно, нарывались на стену неприятельского огня.

— Что же, оно и понятно, опыта у нас тогда не хватало, — заметил я.

Но Хлынин тут же возразил:

— Не только в опыте дело было, а в нашем мышлении. Мы, штабисты, как это ни парадоксально звучит, очень уж увлекались маневром. Да-да, маневром. Как же, от лобовых атак отказались, правильно. Но сразу же в другую крайность ударились. Так и искали, где бы фашистам во фланг ударить. Но ведь и они не дураки, быстро распознали это. И стали ждать нас именно на флангах. Разнообразить, разнообразить, друг мой, ведение боя надо. А то — маневр. Он ведь не самоцель, а лишь средство для достижения этой цели. И прежде чем его искусно выполнить, надо эти высотки-то как следует огнем обработать, чтобы фашист там не мог и головы поднять. А что у нас получалось? Пойдем, бывало, во фланг, артиллерию и танки в болото загоним, вот и приходится нашей бедной пехоте с одними винтовками на эти высоты лезть. Отсюда и потери неоправданные несли. Это теперь — другое дело: многому научились, можем и во фланг, и в тыл ударить. Потому что есть чем и знаем как. А вот раньше... Дорогую цену за шаблон платили.

Трудно было не согласиться с Виктором Александровичем. Вот почему я при выполнении того или иного задания старался отнестись к этому делу творчески, проявить разумную инициативу.

А в штабе армии тем временем продолжалась работа по окончательному доведению плана операции. Короче говоря, увязывались и утрясались все его детали. Мне, например, выпало производить расчеты состава подвижных отрядов дивизий. В результате чего и появилась справка, которая именовалась: «Расчеты и соображения по созданию подвижных отрядов преследования». По моему мнению, каждый из этих отрядов должен был состоять из стрелкового батальона с танками, усиленного к тому же и взводом саперов, артиллерийской и минометной батареями, взводом противотанковых орудий.

Когда я доложил свои соображения начальнику оперативного отдела, подполковник Л. М. Крылов, внимательно выслушав меня, сказал:

— Это хорошо, что вы в таком составе решили создавать подвижные отряды. Выходит, они смогут действовать самостоятельно, потому как будут иметь и артиллерию и танки. А скажите, сколько потребуется для такого отряда автомашин? Ведь они должны быть очень подвижными. А может быть, стоит поставить пехоту на лыжи? И не просто поставить, а пустить вслед за танками. Как? Привязать к задним крюкам длинные веревки и... Хотя тут новый вопрос возникает: как станет передвигаться артиллерия? Словом, подумайте еще как следует, рассчитайте...

Короче говоря, Крылов поставил передо мной такие вопросы, над которыми действительно нужно было поломать голову. А в заключение еще и сказал:

— Разработайте все эти варианты и доложите мне...— Леонид Михайлович посмотрел на часы, — в восемнадцать ноль-ноль.

И времени, выходит, у меня в обрез.

Пришлось снова засесть за расчеты. Определил необходимое для отрядов число автомашин. Но хватит ли их в дивизиях? Прикинул — хватит, если мобилизовать и автомобильные батальоны. Значит, нужно подготовить не только расчеты, но и боевое распоряжение об обеспечении подвижных отрядов автотранспортом, лыжами и боеприпасами.

Пришлось предусмотреть и еще один вариант — на вспомогательных направлениях организовать отряды преследования не батальонного состава, а из усиленных стрелковых рот. Это облегчало как их создание в дивизиях, так и обеспечение всем необходимым. К тому же, будучи не столь громоздкими, такие отряды смогут более незаметно обходить вражеские опорные пункты с флангов, просачиваться в тыл противника по проселочным дорогам и даже тропам.

В 18.00, как и было приказано, доложил Крылову все эти варианты. На сей раз он одобрил их. Тут же последовал приказ командующего армией о создании таких отрядов во всех дивизиях и даже полках. Их формирование мы закончили к концу октября 1943 года. И во время наступательных боев они сыграли очень важную роль при блокировании опорных пунктов противника, в перехвате важных дорог, при преследовании отходящего врага.

По предварительным указаниям штаба фронта 59-я армия должна была начать наступление в первых числах ноября 1943 года, чтобы к 7 ноября освободить город Новгород. Но наступление пришлось отложить. И вот почему. Противник по каким-то каналам узнал о готовящемся наступлении и однажды через свои радиостановки передал об этом. Словом, мы утратили такой важный фактор, как внезапность. А это могло привести к напрасным потерям в людях и боевой технике и в конечном счете — к неудаче.

Итак, начало нашего наступления было отложено. И управлению армии в ноябре — декабре 1943 года пришлось снова заниматься боевой подготовкой, укреплением обороны.

Но затянувшийся оборонительный период имел и свои отрицательные стороны. Бойцы, если так можно выразиться, привыкали к окопу, у них начали появляться элементы некоторой пассивности, снизилась бдительность, острота восприятия боевой обстановки. В связи с этим штабу армии пришлось вскоре спланировать и провести целый ряд проверок боевой готовности частей и соединений 6-го и 14-го стрелковых корпусов. Короче говоря, расшевелить людей.

Так продолжалось до конца декабря. А 31-го к нам поступила новая директива Волховского фронта, в которой говорилось, что все прежние директивы фронта по подготовке наступления отменяются, и 59-й армии уже ставились более конкретные задачи в Новгородско-Лужской операции¹.

Отмена прежних директив объяснялась, очевидно, тем, что на Волховском фронте вдруг резко изменилась обстановка. Так, противник, имевший в первой линии перед нами еще в августе 22 пехотные дивизии, а в октябре — 14, к концу декабря 1943 года оставил перед фронтом лишь 11 дивизий. Это ли не удобный момент для начала наступления!

Создавшуюся ситуацию решили использовать и в штабе фронта. В той же директиве от 31 декабря 1943 года указывалось, что 59-я армия в составе ударной группировки войск фронта должна будет прорвать оборону противника на участке Любцы, Котовицы, разгромить обороняющиеся на этом направлении его части и, овладев

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 1—6.

районом Батецкая, Шимск и Новгород, выйти на рубеж Луга, Клабутицы, Малый Уторгош. Главный удар силой в четыре стрелковые дивизии из первого эшелона нашей армии предлагалось нанести с фронта Любцы, Муравьи в общем направлении на Подберезье, Люболяды и далее через Батецкую на Лугу, обходя этот город с юго-запада, вспомогательный же — одной стрелковой дивизией с фронта (иск.) Муравьи, Котовицы через реку Волхов в общем направлении на Новгород.

В качестве ближайшей задачи армии ставилось: разгромить противника в районе Любцы, Подберезье, Котовицы и выйти на рубеж река Кересть, станция Татино, озеро Вяжицкое, разъезд Нащи, населенные пункты Горынево, Троица, затем овладеть Новгородом и выйти из боковых дефиле в районы Долгово и Люболяды.

А чтобы отвлечь внимание противника от направления нашего главного удара, предусматривался захват сильными передовыми отрядами плацдармов на западном берегу реки Волхов в районах Кречевицы, Стрелка и Хутынь.

В последующем, развивая свой успех, армия должна была нанести удар в направлении Люболяды, Батецкая и овладеть рубежом река Луга (на линии Вольная Горка), платформа Мойка и далее Остров, Менюши, станция Борок, устье реки Веронда, для обеспечения безопасности своего правого фланга — выдвинуть на рубеж Ольховка, Пятилипы, Заболотье, Велегощи достаточно надежное прикрытие.

Далее, наступая в общем направлении на Лугу, войска армии были обязаны как можно быстрее выйти на рубеж Луга, Клабутицы, Малый Уторгош, а в случае отхода противника развивать главными силами наступление в общем направлении на Оредеж и Лугу со стороны Любани и Финева Луга.

С выходом же 59-й армии на рубеж Батецкая, Сольцы командующий фронтом приказывал иметь резервный корпус армии уступом за левым флангом на направлении Уторгош и Сольцы. К этому же времени в район юго-западнее и южнее Новгорода должен был выйти 7-й стрелковый корпус, находящийся в резерве фронта.

Помнится, еще до начала операции в штабе армии разгорелась жаркая дискуссия по поводу применения в предстоящем наступлении танков. К этому времени их у нас заметно прибавилось. Вот некоторые из наших то-

варищей и предлагали бросить их в бой массированно на направлении главного удара. Другие придерживались той точки зрения, что танки следует применять, напротив, децентрализованно, то есть исходя из характера местности, обороны противника и т. д.

В подобных случаях, как известно, верх берет решение командарма или же начальника штаба. Вот и здесь они сказали свое последнее слово, приказав использовать танки так: дивизиям первого эшелона на направлении главного удара придать по одному танковому полку прорыва. Командиры этих полков должны оперативно подчиняться командирам стрелковых дивизий. Каждый же стрелковый батальон первой, а по возможности и второй линии усиливался одной танковой ротой с аналогичной формой подчинения, то есть командир стрелкового батальона нес полную ответственность за использование боевых машин строго по назначению.

Танковые полки прорыва рекомендовалось использовать впереди атакующей пехоты совместно с отрядами штурма и разграждения, обеспечив их специальным прикрытием и саперами, танковые же бригады применять для развития успеха, то есть вводить их в прорыв немедленно, едва в главной полосе обороны противника будет образована брешь. Для усиления этих бригад выделялись десант, а также саперы и артиллерия.

Наступление армии должна была поддерживать авиация фронта: каждый стрелковый корпус на направлении главного удара по одной штурмовой авиадивизии.

Приложением к директиве фронта определялся и состав 59-й армии: 6, 14 и 112-й стрелковые корпуса.

6-м стрелковым корпусом в это время командовал генерал-майор С. П. Микульский, старый коммунист, член партии с 1919 года, участник гражданской войны. Опытный и смелый генерал, он пользовался у своих подчиненных непререкаемым авторитетом. Под стать ему был и начальник штаба корпуса полковник В. А. Торжков, человек, до самозабвения любивший штабную работу, аккуратный, собранный, хорошо подготовленный в тактическом и оперативном отношении.

Командиром 14-го стрелкового корпуса был генерал-майор П. А. Артюшенко, возглавлявший в свое время штаб 59-й армии. Но, как он сам считал, штабная работа была явно не по нему, а вот теперь Павел Алексеевич попал, что называется, в свою стихию. Но и те месяцы,

что он возглавлял штаб, не прошли даром: прибавили опыта, помогли более уверенно командовать корпусом.

112-й стрелковый корпус возглавлял генерал-лейтенант Ф. Я. Соловьев. Этого комкора я знал мало, встречались мы с ним довольно редко.

Итак, все, кажется, готово к началу нашего наступления. Известна даже дата этого долгожданного момента — 7 января 1944 года. Правда, она доведена лишь персонально до командиров стрелковых корпусов и дивизий. Но и мы, армейские штабисты, знаем о дне начала наступления и с нетерпением ждем его.

2 января 1944 года на основе директивы фронта мы разработали и свою, армейскую директиву и разослали ее в 6, 14 и 112-й стрелковые корпуса, а также во 2-ю стрелковую дивизию и 24-ю стрелковую бригаду¹. Новгородско-Лужскую наступательную операцию в ней планировалось провести в три этапа. На первом мы должны были ударами по сходящимся направлениям прорвать оборону противника севернее и южнее Новгорода, соединиться в районе Мясокомбината и тем самым окружить, а затем и уничтожить новгородскую группировку противника. На этом же этапе предусматривались и отвлекающие действия частей 225-й стрелковой дивизии, направленные на захват плацдарма на западном берегу Волхова в районах Кречевицы, Стрелка, Хутынь.

Глубина операции на первом этапе составляла 30 километров, продолжительность его — 5—6 дней.

На втором этапе войскам армии следовало развивать наступление на Люболяды, Батецкая, овладеть рубежом река Луга (на линии Вольная Горка), платформа Мойка, Остров, Менюши, Борок, устье реки Веронда. Правый наш фланг от контратак противника должны были защищать части 2-й стрелковой дивизии и 150-го укрепрайона.

Третий этап предусматривал удар по противнику с востока и юго-востока с выходом на рубеж город Луга, Клубутицы, Малый Уторгош с задачей перерезать важнейшие коммуникации врага, не дать ему возможности отвести свои войска на юг и юго-запад.

Из этого видно, что на заключительном этапе Новгородско-Лужской наступательной операции 59-я армия во

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 3—11.

взаимодействии с войсками Ленинградского фронта должна была завершить полное окружение и разгром основных сил 18-й немецко-фашистской армии.

И тут мне хочется сделать одно небольшое отступление, чтобы рассказать о нанесении войсками нашей армии вспомогательного удара через озеро Ильмень южнее Новгорода. Дело в том, что в процессе разработки плана операции командарм генерал И. Т. Коровников, начштаба армии генерал Н. П. Ковальчук и начальник оперативного отдела подполковник Л. М. Крылов обратили свое внимание на то, что очень уж удобно было бы нанести вспомогательный удар по фашистам через озеро Ильмень. Здесь его противник конечно же не ждет.

Донесли об этом в штаб фронта. Но там их идею оставили вроде бы без видимого внимания. Однако позже мы узнали, что фронт, напротив, был полностью согласен с вариантом форсирования озера Ильмень южнее Новгорода, но до поры держал одобренный вариант в секрете даже от командования нашей армии. И лишь 8 января 1944 года появились первые намеки на то, что план наступательной операции нашей армии, возможно, будет дополнен вариантом форсирования на вспомогательном направлении озера Ильмень. Тогда же на имя генерала И. Т. Коровникова поступило распоряжение штаба фронта, в котором 58-й стрелковой бригаде предлагалось поступить в оперативное подчинение нашей армии и с утра 8 января 1944 года двумя переходами сосредоточиться в районе Новоселицы.

А 10 января штаб 59-й армии получил уже приказ фронта. В нем-то и был сформулирован порядок нанесения вспомогательного удара через озеро Ильмень южнее Новгорода, определен примерный состав отряда для выполнения этой задачи. В частности, говорилось, что 59-я армия сильным отрядом (не менее 4—5 батальонов) должна форсировать озеро Ильмень и выйти в район Сарай (3 километра юго-западнее Слободы Псковской), Старая Мельница, Воробейка, Три Отрока с задачей воспрепятствовать выдвигению частей противника со стороны Шимска, перерезать дорогу из Новгорода на Вашково. В случае же успеха главных сил армии, наступавших на Новгород с севера, отряду следовало нанести удар по городу с юга.

В приказе фронта специально подчеркивалось, что форсирование озера Ильмень нужно произвести в районе

к югу от Береговые Морины, причем скрытно, ночью, до начала общей операции армии.

Отряд должны были поддерживать огнем наша артиллерия и минометы с восточного берега озера.

Получив такое указание, штаб 59-й армии немедленно принял меры к созданию специального отряда. 12 января 1944 года командиру 58-й стрелковой бригады (копия — командующему Волховским фронтом) пошла директива штаарма¹. В ней давалась характеристика противника, формулировалась общая задача армии в предстоящей наступательной операции, а также ставилась задача 58-й стрелковой бригаде со всеми средствами ее усиления. В частности, этой бригаде с 299-м стрелковым полком из 225-й стрелковой дивизии, лыжным батальоном этой же дивизии, 34-м и 44-м аэросанными батальонами, составлявшими подвижной отряд, следовало скрытно форсировать озеро Ильмень на участке река Большая Гнилка, устье Перервы и, выдвигаясь в направлении Береговые Морины, Старая Мельница, захватить передовыми отрядами Старую Мельницу, совхоз Заверяжские Покосы (Пролетарий) и Таболь. Главными силами предстояло выйти на реку Веряжа на участке Три Отрока, Моисеевичи. Для прикрытия флангов сильными боковыми отрядами следовало овладеть: с севера — Решапом, с юга — Самокражей.

В последующем бригада, одним передовым отрядом овладев районами Инвалидный дом, Агроветпункт, прочно удерживая рубеж совхоз Заверяжские Покосы (Пролетарий), Таболь и ведя разведку в направлении на Новгород, Борок, главными силами должна была выйти в район Сарай, Старая Мельница, Воробейка, Три Отрока, перерезать дороги Новгород — Вашково, Новгород — Шимск и не допустить подхода оперативных резервов противника к Новгороду. Затем ударом с юга во взаимодействии с 14-м стрелковым корпусом эта оперативная группа армии имела задачу овладеть Новгородом.

Для обеспечения успеха южной группы войск в направлении разъезда Наци, Инвалидный дом действовали 16-я, а в направлении Сырково, Новая Мельница 29-я танковые бригады, усиленные десантной пехотой. Выход подвижного отряда в район Сарай, Старая Мельница, Во-

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 19.

робейка, Три Отрока поддерживал артиллерийский дивизион.

В боевом распоряжении от 12 января 1944 года, подписанном генералом Н. П. Ковальчуком, южной группе армии и командирам стрелковых корпусов был установлен срок готовности для перехода в наступление 14 января. Кроме того, опергруппе предлагалось в ночь с 12 на 13 января вывести свои подразделения в исходный район для наступления, а начало выдвижения их из исходного района на исходный рубеж устье реки Большая Гнилка, устье реки Перерва определялось на 17 часов 13 января 1944 года. Наступление же этой группы планировалось начать в 24.00 13 января 1944 года.

Выдвижение на исходный рубеж — это особо подчеркивалось в распоряжении штаарма — и форсирование озера Ильмень необходимо было произвести скрытно и внезапно. Приказ о действиях опергруппы требовалось довести лично и только устно до командира батальона включительно. Всякая переписка и телефонные разговоры по этому вопросу запрещались. Решение всех практических вопросов по руководству оперативной группой возлагалось на заместителя командующего армией генерал-майора Т. А. Свиклина, спокойного и рассудительного человека, обладавшего большим практическим опытом. Ведь раньше Теодор Андреевич командовал дивизиями на Ленинградском и Волховском фронтах, находился и на штабной работе. Поэтому командарм и штаб армии были полностью уверены в нем.

Когда мы в штабе еще только прикидывали на картах будущий ход Новгородско-Лужской наступательной операции, каждый из нас невольно задумывался над тем, как все-таки разительно изменилось за последние год-полтора положение на фронте. Да, теперь уже не немецко-фашистское, как в сорок первом и даже в сорок втором годах, а советское командование диктовало здесь свои условия.

Как-то, работая над картой, я обратил внимание на местечки Мясной Бор и Спасская Полисть, где в те годы месяцами не прекращались кровопролитные бои, где полегло так много моих товарищей. Нашел и точку на карте, где впервые встретился лицом к лицу с врагом, получил боевое крещение...

Да, тяжелые тогда были времена. А сейчас... Сейчас мы готовились к большому наступлению. И от сознания этого радостно билось сердце.

Но, думается, будет уместным сказать и о том, что проведению Новгородско-Лужской наступательной операции предшествовала, естественно, и довольно разносторонняя боевая учеба. Немало времени мы уделяли своей собственной оперативно-тактической подготовке, давали консультации работникам нижестоящих штабов. Проводили и их сборы в масштабе армии, командно-штабные учения как на картах, так и на местности. Все они подгонялись к условиям предстоящей операции, хотя о ней до определенного времени никому, разумеется, не сообщалось.

Однажды нас собрал у себя начштаба армии генерал П. П. Ковальчук и предложил подумать, на какие темы и в каком масштабе нужно было бы провести в войсках учения.

— Это необходимо по той причине, — пояснил начальник штаарма, — что наши бойцы да и командиры засиделись в обороне, у них даже появилась «окопная психология». Что это такое? А вот что: люди смирились с мыслью, что они могут всю войну так и просидеть в окопах. Направление, мол, наше второстепенное, кругом леса да болота. Противник, дескать, сюда не полезет, ему-де вообще сейчас не до нас. Поэтому надо встряхнуть людей, дать им понять, что сидеть в обороне мы будем не вечно. Придется, может быть, скоро и наступать. А вести наступление по болотам, в лесу, да еще с преодолением такого водного рубежа, как Волхов, надо уметь. Вот и подумайте о темах таких занятий, чтобы они отражали специфику нашего фронта...

И мы подумали, внесли свои предложения. Они сводились к проведению учений по таким темам, как прорыв заблаговременно подготовленной обороны противника с форсированием реки; планирование армейской наступательной операции и управление войсками в условиях преднамеренного отхода противника и его преследование; наступательный бой стрелкового корпуса и другие. На учения рекомендовалось приглашать командиров соединений, их начальников штабов, офицеров-операторов, командующих артиллерией, начальников инженерных войск, войск связи, офицеров, ведающих вопросами разведки, ответственных политработников.

Архивы 59-й армии по Новгородско-Лужской наступа-

тельной операции хранят немало документов, показывающих, как штаарм готовил эти учения, сборы, игры. Приведу лишь некоторые из них, в разработке и проведении которых мне пришлось принимать участие.

Но сначала расскажу о нашем докладе генералу Н. П. Ковальчуку о ходе выполнения частями и соединениями плана штаарма 59 по активизации обороны и повышению готовности войск и плацдарма к боевым действиям. Под этой формулировкой скрывалась подготовка армии к наступательной операции. В плане предусматривалось провести по одному учению стрелковых дивизий со средствами усиления на такие темы: «Прорыв сильно укрепленной полосы противника», «Наступление с форсированием водной преграды», «Ввод в бой дивизий из второго эшелона армии». Для проведения учений брались дивизии второго эшелона, потому что они, во-первых, должны были в наступлении заменить части, находившиеся на переднем крае, а во-вторых, занятия здесь, в тылу, да еще в условиях лесисто-болотистой местности, можно было легче скрыть от противника.

В соединениях же первого эшелона тоже проводились учения с подобной тематикой, но только уже не дивизионные, а полковые.

Кроме того, в некоторых дивизиях отрабатывались и такие темы, как наступление стрелкового батальона с форсированием водной преграды; действие усиленного стрелкового взвода в составе штурмовой группы; стрелковая рота в обороне при отражении атаки танков противника; стрелковое отделение в разведке и наступлении; стрелковая рота в наступлении на укрепленные позиции с форсированием реки Волхов; форсирование водной преграды на переправочных и подручных средствах и т. д. Проведены были даже учения с боевой стрельбой по теме «Атака усиленным стрелковым батальоном ротного опорного пункта противника».

Штаб армии уделял исключительное внимание и организации разведки. Она велась по нескольким направлениям — боем, наблюдением, поисками, засадами, радиоперехватами, связью с партизанами, которые активно действовали в тылу врага, изучением захваченных документов противника, допросом плененных. Вот, например, как оценивали работу наших разведчиков сами фашисты. В своих показаниях один из плененных нами — унтер-офицер из 28-го разведотряда сказал буквально следующее:

— Поисковые группы русских доставляют нам немало хлопот. Этому вопросу в разведотряде в первых числах января было даже посвящено специальное совещание. На нем все командиры низовых подразделений получили предупреждение на тот счет, что действия русской разведки в последнее время требуют от нас предельной бдительности. Ведь только в течение одного месяца ваши люди захватили из двадцать восьмого отряда двадцать два солдата и офицера.

Из штаба фронта к нам также регулярно поступала информация о противнике. На специальных картах, изданных фронтом для старшего командного состава, были нанесены все группировки и узлы сопротивления 18-й гитлеровской армии. Для остальных же командиров, включая ротное и батарейное звенья, готовились карты более крупного масштаба, с детальным нанесением всей тактической обстановки, то есть с инженерными укреплениями, замаскированными огневыми точками противника, расположенными как на его переднем крае, так и в ближайшей глубине обороны.

Таким образом, разведка как штаба фронта, так и нашей 59-й армии делала все от нее зависящее, чтобы помочь войскам всесторонне подготовиться к предстоящей наступательной операции.

Известно, что никакая наступательная операция не будет успешна, если ее не обеспечить мощной огневой поддержкой. Именно на это указывал опыт боев и под Сталинградом, и на Курской дуге. И здесь, под Ленинградом и Новгородом, мы не раз убеждались в истинности вышеназванного суждения.

Да, проведение наступательной операции требовало от командования сосредоточения довольно значительного количества артиллерийских стволов на направлении главного удара, сведения артчастей и дивизионов в артиллерийские группы — полковые, дивизионные, корпусные, армейские. Но только ли этого? Ведь чтобы удар (особенно первый) нашей артиллерии был более эффективным, требовалось поставить на ее позиции и значительное количество снарядов.

Следовательно, теперь вопрос упирался в их подвоз, в наличие транспортных средств.

Все эти уравнения со многими неизвестными и пришлось решать в тот период новому командующему артиллерией армии генералу Н. В. Дорофееву, только что сменившему на этом посту генерала П. Н. Петропавловского, ушедшего от нас к новому месту службы. И кто знает, как бы новый командующий артиллерией справился с этой массой трудных вопросов, не окажи ему тогда действительную помощь начальник штаба артиллерии армии полковник Н. А. Герке.

О Николае Альфредовиче Герке мне хочется рассказать более подробно. В нашей армии он считался специалистом наивысшего класса. Очень образованный человек, Николай Альфредович прекрасно знал как артиллерийское дело, так и штабную работу. Документы, разработанные под его руководством, всегда отличались доскональной точностью, аккуратностью.

С полковником Н. А. Герке я встречался по делам службы довольно-таки часто. И всегда он производил на меня (как, впрочем, и на всех остальных) прекрасное впечатление. Веселый и жизнерадостный, Николай Альфредович умел быстро находить с людьми общий язык, расположить к себе. Бывало, придешь к нему в штаб артиллерии, он, прежде чем начать деловой разговор, обязательно угостит горячим чаем, расспросит о жите-бытье, поможет советом, если почувствует, что человек в нем нуждается. Словом, мы все его очень любили.

Кстати, с полковником Н. А. Герке мне лично выпало счастье встретиться и после войны. В то время он преподавал артиллерию в Военной академии имени М. В. Фрунзе, а я стал ее слушателем. Мы часто беседовали с ним о пережитом, о боях на Волхове.

Как и на фронте, Николай Альфредович в академии завоевал всеобщую любовь и уважение. Слушатели даже провожали его домой после лекций, чтобы подольше побыть с этим обаятельным человеком. И каким же ударом для всех нас явилась его скоропостижная смерть! Он умер прямо в академии — на работе, на боевом посту...

Но вернемся снова к подготовке нашего наступления.

Мне в те дни приходилось довольно часто соприкасаться по работе с нашими артиллеристами, помогать им в вопросах планирования. Естественно, поэтому я вольно или невольно, но был посвящен во все те дела, которые

решали тогда как командующий артиллерией армии, так и его штаб. О них-то мне и хочется рассказать.

Готовясь к нанесению массированного удара по врагу, командующий артиллерией армии генерал-майор Н. В. Дорофеев предложил на участке прорыва 6-го стрелкового корпуса (310-я и 239-я стрелковые дивизии) на фронте в 7,5 километра сосредоточить более 800 стволов, что составило бы почти 107 орудий на 1 километр фронта (без противотанковых орудий, но с учетом минометов), а в 14-м стрелковом корпусе основную массу артиллерии сосредоточить в полосе действия 378-й стрелковой дивизии, доведя и там плотность до 102 стволов на километр фронта (опять же без противотанковых орудий, но с учетом 82-мм минометов). Таким образом, на направлении главного удара концентрировалось почти три четверти всей артиллерии армии, что должно было в 5—6 раз превосходить огневые возможности противника.

На направлении же вспомогательного удара эти плотности, вполне понятно, были иными. Так, в полосе наступления южной оперативной группы генерала Т. А. Свиклина они достигли в среднем 4,1 орудия (без 45-мм пушек) на километр фронта.

— А как обстоят дела с орудиями для стрельбы прямой наводкой? — спросил, помнится, генерала Н. В. Дорофеева начштаба армии генерал Н. П. Ковальчук, внимательно выслушав эти его предложения.

— Для стрельбы прямой наводкой выделено свыше двухсот орудий. Иначе говоря, примерно 18 стволов на километр фронта, — ответил Дорофеев.

— Считаете, что этого будет достаточно?

— В основном да.

Предложение генерал-майора Н. В. Дорофеева было принято.

Здесь следует сказать, что вопросам эффективного использования артиллерии в Новгородско-Лужской наступательной операции большое значение придавало и командование фронта. В частности, в своей директиве 59-й армии оно указывало на необходимость грамотного применения артиллерии при уничтожении узлов сопротивления противника, на постановку заградительных огней в дефиле, где будет возможным сосредоточение отступающих частей врага.

Исходя из требований этой директивы, артиллерия армии была разбита по группам. В одни из них — груп-

пы поддержки пехоты — входило по 4—5 артиллерийских и минометных дивизионов. Это были так называемые полковые артгруппы. В стрелковых же корпусах, кроме того, были созданы группы борьбы с артиллерией и минометами противника, а также группы реактивных минометов. Состав последних колебался от одного до двух полков или даже одного дивизиона реактивной артиллерии. Их назначение — удары по наиболее сильно укрепленным узлам сопротивления противника.

А их, этих сильно укрепленных узлов сопротивления, было у гитлеровцев более чем достаточно. Взять хотя бы такие из них, как Хутын и Зарелье. Расположенные на высотах, господствующих над местностью, да притом еще и в междуречье Волхова и Малого Волховца, они прикрывали подходы к Новгороду с северо-востока и востока. В Хутыни и Зарелье, кроме того, было много монастырей, которые гитлеровцы тоже укрепили, подготовили к долговременной обороне. Так что здесь было над чем поломать голову.

Узлу же сопротивления в самом Новгороде противник вообще придавал исключительное значение. Ведь здесь скрещивались шоссе и железные дороги, потеря которых ему могла бы дорого обойтись. Потому-то все ближние подступы к городу с северо-востока, востока и юго-востока гитлеровцы прикрыли опорными пунктами, а дальние — узлами сопротивления, объединенными между собой огневой связью.

Оборона на новгородском направлении была также насыщена противотанковыми и зенитными средствами.

Таким образом, командованию и штабу 59-й армии при разработке Новгородско-Лужской наступательной операции нужно было учесть, если так можно выразиться, место каждой огневой точки, каждого автоматчика врага, чтобы противопоставить всему этому свою всеограшающую силу.

Вы смотрели, дорогой читатель, киноэпопею «Освобождение»? Если да, то вспомните один из эпизодов, когда представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Г. К. Жуков и командующий фронтом генерал К. К. Рокоссовский в сопровождении других генералов и офицеров проводили рекогносцировку местности. А она

в Белоруссии была примерно такой же, как и у нас на Волховском фронте, — кругом леса да болота.

Помните, во время этой рекогносцировки на глаза военачальникам попался боец, на ноги которого были надеты мокроступы — своеобразные большие лапти, сплетенные из прутьев. Они, оказывается, не вязли в трясине, позволяли нашему воину пройти там, где в обычной обуви пробраться было просто невозможно — утонешь. Поэтому и созрело решение обуть в такие мокроступы как можно больше пехотинцев, чтобы те, пройдя по болоту, ударили по врагу с той стороны, откуда он меньше всего ожидал.

В период подготовки к Новгородско-Лужской наступательной операции мы тоже оснащали свои войска приспособлениями, по назначению близкими тем, о которых рассказывается в киноэпопее «Освобождение».

А все началось с того, что однажды командующий армией генерал И. Т. Коровников вызвал к себе начальника инженерных войск полковника Г. А. Булахова и сказал:

— Глеб Александрович, и вы, и ваши люди хорошо поработали при оборудовании исходных районов. А вот теперь скажите, нельзя ли что-нибудь придумать на случай форсирования водных преград? Ведь сейчас их хотя и прикрывает ледовый покров, но... Противник артиллерийским огнем и бомбежками обязательно наделает во льду лунки, полыньи. А как нам их преодолевать?

— Мы уже думали над этим, товарищ генерал, — ответил Булахов. — И кое-что придумали...

— Вон как! Тогда доложите, что вы там придумали.

— Хорошим подспорьем для бойцов будут маты, фашины и переносные мосты, товарищ генерал. Взял, перекинул мостик через полынью — и вперед! Они легкие, каждый из них два бойца смогут переносить. А фашины... Они пригодятся, если дороги разбомбят. Земля сейчас хоть и промерзла, но в болотах чего не бывает... Маты же подстилать на сырых местах можно, с них удобнее стрелять...

— Николай Прокофьевич, — выслушав Булахова, обратился Коровников к начальнику штаба Ковальчуку, — подумайте вместе, как быстрее изготовить все это в подразделениях. И главное, научите людей пользоваться приспособлениями...

Так и у нас на Волховском фронте были изготовлены своеобразные мокроступы — маты, сплетенные из прутьев, фашины, сборные мосты.

Далеко не последнее место в нашей подготовке к наступлению занимала и маскировка своих войск, дезориентация противника с целью скрыть от него перегруппировку и сосредоточение частей и соединений, а если удастся, то и внушить врагу, что главный наш удар будет нанесен не на новгородском, а на чудовском направлении. Разработкой мероприятий по последнему вопросу занимались подполковник В. А. Хлынин и я. Так, нами была спланирована и осуществлена видимость усиленного передвижения пехоты, танков и артиллерии армии на чудовском направлении. А уже затем вся эта масса войск скрытно, в основном в ночное время, была переброшена на новгородское направление.

Изо дня в день путем создания шумовых эффектов, сменой обороняющихся подразделений мы как бы показывали фашистскому командованию, куда направлены наши устремления. Кроме того, штабы корпусов и дивизий вели переговоры по специально выделенным для этого телефонным линиям и радиостанциям, в которых инсценировалось правдоподобие передачи боевых распоряжений о переброске войск на чудовское направление, отдавались команды о постановке дымовых завес с целью маскировки их «передвижения» в районе переднего края и т. д. Для обеспечения всех этих «спектаклей» выделялись даже специальные подразделения и части из второго эшелона, в частности 2-я стрелковая дивизия, несколько подразделений танков, орудия, реактивные установки.

Велись и ложное оборудование исходных рубежей, огневых позиций, установка на них макетов орудий, танков. На чудовском направлении разыгрывались учения с боевой стрельбой, политотдел армии выпустил серию листовок, в которых главное внимание уделялось подготовке к действиям на этом направлении. Естественно, что мы позаботились о том, чтобы эти листовки попадали и к гитлеровцам.

Командование и штаб 59-й армии приняли все необходимые меры к тому, чтобы как можно тщательнее обеспечить наступательную операцию материально. О размахе работ в этом направлении и масштабах красноречиво говорит хотя бы такой факт: подвоз лишь одних боеприпасов для артиллерии потребовал 7086 машино-рейсов

полутоннажных грузовиков. А если прибавить сюда и то, что подвозилось для стрелковых соединений и специальных частей, а также продовольствие и горючее, то эта цифра значительно возрастет.

И все это проводилось в условиях, когда дороги то и дело заносили снегопады, а в погожие дни ожесточенно бомбила авиация противника.

ОТ НОВГОРОДА ДО ЛУГИ

Читателю, думается, будет небезынтересно узнать подробнее о том, как все-таки развивалась Новгородско-Лужская наступательная операция, как командование и штаб 59-й армии осуществляли в этот период управление войсками.

Начну с того, что сразу же отмечу: еще до начала операции как штаб армии, так и штабы родов войск тщательно проверили боевую готовность частей и соединений, оказали необходимую помощь их штабам. Затем по этапам точно в назначенное время войска скрытно заняли исходные позиции.

А в ночь на 14 января всех нас собрал у себя начальник штаба армии генерал Н. П. Ковальчук. И сразу же заговорил о деле:

— Утром начнется наше наступление. Командующий и я будем находиться на новом наблюдательном пункте. С нами поедут подполковник Крылов, майоры Харичев и Головатюк, а также Катышкин. Здесь, в штабе, за старшего остается подполковник Сидякин. Прошу, товарищи, проявить максимум собранности, организованности и инициативы.

И вот наступило долгожданное утро 14 января 1944 года. Ровно в 9 часов мощно ударила наша артиллерия. Под прикрытием ее огня саперы быстро проделали проходы в заграждениях противника. За 50 минут до общего перехода в атаку на исходные позиции начали выдвигаться штурмовые отряды и поддерживающие их танки.

Здесь тоже хочется несколько отвлечься, чтобы сказать: эти отряды сыграли в период операции положительную роль. Созданные из подразделений пехоты, саперов и артиллерии, в основном противотанковой, вооруженные огнеметами, имеющие достаточное количество взрывчат-

ки, бутылок с зажигательной смесью, противотанковых гранат, они смело и довольно скрытно проникали в опорные пункты и узлы сопротивления врага, нанося ему там большой урон, сея панику, нарушая четкость в управлении.

Но вернемся снова к последовательному пересказу хода операции. Итак, войска армии перешли в наступление 14 января в 10 часов 50 минут. Но еще до этого, в 24.00 13 января, на направлении вспомогательного удара части и соединения нашей оперативной группы с рубежа устья реки Большая Гнилка, река Перерва форсировали южнее Новгорода озеро Ильмень и начали продвижение к населенным пунктам Береговые Морины и Троица, отвлекая на себя внимание противника.

И вот сейчас...

Командующий армией генерал И. Т. Коровников, находясь на наблюдательном пункте, связался по телефону с командиром 6-го стрелкового корпуса генералом С. П. Микульским. Поинтересовался:

— Как у вас идут дела?

Микульский доложил:

— Войска корпуса нанесли удар с плацдарма на западном берегу реки Волхов в направлении на Некохово. Сейчас стремимся выйти на рубеж берег озера Большое Замошское, река Пестова. Танковые полки прорыва совместно с отрядами разграждения и штурмовыми группами, а также танковые батальоны со стрелковыми подразделениями идут вперед. Триста десятая стрелковая дивизия ворвалась уже в первые траншеи. Выбив из них противника, устремилась к реке Питьба. Двести тридцать девятая стрелковая дивизия тоже имеет успех.

— Николай Прокофьевич,— положив трубку, обратился Коровников к начальнику штаба армии,— запросите, что делается в четырнадцатом стрелковом корпусе.

Ковальчук тут же соединился с командиром 14-го стрелкового корпуса. Генерал-майор П. А. Артюшенко доложил, что части его корпуса уже форсировали реку Волхов, овладели пристанью Муравьи, Германово, северной частью населенного пункта Уголки, а теперь ведут бои за Котовицы. Дальнейшая задача корпуса — выйти к вражескому узлу сопротивления в Подберезье и на рубеж реки Пестова, то есть навстречу 6-му стрелковому корпусу. Левым же флангом выйти к станции Витка.

— Ну что ж,— выслушав начальника штаба, удовлетворенно сказал командарм.— Кажется, в четырнадцатом все пока идет нормально.

И тут же попросил связать его с генералом Т. А. Свиклиным, командовавшим оперативной группой. Она, повторыю, хотя и действовала на вспомогательном направлении, но и от нее зависело многое. В частности, опергруппа должна была облегчить нам задачу по освобождению Новгорода.

Свиклин доложил следующее. Благодаря внезапному удару, нанесенному по противнику еще в ночь на 14 января, войска его группы форсировали по льду озеро Ильмень. 58-я отдельная бригада, 299-й стрелковый полк 225-й стрелковой дивизии, отдельный лыжный батальон и аэросанные батальоны без промедления атаковали противника на юго-западном берегу Ильменя и разгромили его оборонявшиеся здесь подразделения. А прорвав оборону врага, овладели Береговыми Моринами, Троицей и Новой Ракомой. К исходу же дня освободили еще несколько населенных пунктов, захватив при этом много пленных и богатые трофеи.

— А каково ваше дальнейшее решение, Теодор Андреевич? — спросил командира южной опергруппы Коровников. И подсказал: — Надо бы немедленно начать развитие успеха в обход Новгорода...

— Мы помним об этом, товарищ командарм,— ответил Свиклин.— Но... Сейчас отбиваем яростные контратаки фашистов из района Самокража. А когда отобьем, сразу же пойдем снова вперед. Надо во что бы то ни стало оседлать и шоссе, и железнодорожную магистраль Новгород — Шимск.

— Хорошо, действуйте,— одобрил намерение командира опергруппы И. Т. Коровников. И положил трубку.

Итак, 6-й и 14-й стрелковые корпуса нашей армии, ее оперативная группа в течение первого дня наступления добились некоторого успеха. В частности, они прорвали передний край обороны противника как на главном, так и на вспомогательном направлении. Фронт прорыва равнялся примерно 20 километрам и на участке Любцы, Котовицы доходил до глубины 3 километра. Более того, наша оперативная группа под командованием генерала Т. А. Свиклина захватила плацдарм на запад-

ном берегу озера Ильмень. Фронт его достигал 5 километров, а глубина — 6 километров.

И все-таки это был довольно незначительный успех. Он объяснялся тем, что погода в период начала нашего наступления стояла нелетная, то и дело шел снег, метелило, поэтому авиация почти бездействовала, да и артиллерия в большинстве своем вела огонь по площадям — снег мешал наблюдению за результатами стрельбы. Естественно, что огневые средства противника были подавлены не полностью, многие из них сразу же ожили, едва только наша артиллерия перенесла огонь в глубину и в атаку пошли стрелковые подразделения. Немало хлопот доставили нам и зарытые в землю вражеские танки, которые вели сильный огонь не только по нашим орудиям и танкам (часть из них к тому же застряла в болотах и фактически выбыла из строя), но и по пехоте. Словом, войска 59-й армии с первых же минут наступления наткнулись на довольно организованное сопротивление противника, что и не позволило нам добиться большего успеха.

Штаб армии, получив донесения из войск, оперативно подытожил их и доложил о создавшемся положении командующему армией. На основании этого генерал И. Т. Коровников высказал соображение о целесообразности ввода в бой 16-й танковой бригады.

— Но по плану она ведь должна вводиться в бой завтра, — подсказал командарму начальник штаба генерал Н. П. Ковальчук.

— Знаю, — кивнул головой Коровников. — Но... Завтра может быть уже и поздно. Поэтому отдайте-ка необходимые распоряжения о шестнадцатой танковой...

— Будет исполнено, товарищ командарм.

Начальник штаба тут же собрал нас, операторов, и приказал оформить на этот счет боевое распоряжение. Вскоре в войска была направлена шифrogramма, в которой указывалось: для развития наступления в направлении северной окраины Тютюцы, Некохово ввести в прорыв на участке 239-й стрелковой дивизии 16-ю танковую бригаду, а 65-ю стрелковую дивизию и 29-ю танковую бригаду направить в другой прорыв с задачей выйти к Ленинградскому шоссе и оседлать его¹.

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 31.

Да, командующий ввел в бой танковые бригады несколько раньше намечаемого срока. Сделал он это для того, чтобы использовать наметившийся успех именно на участке 239-й стрелковой дивизии. Почему? Ответ на этот вопрос нам дали последующие события. А они развивались так. В ночь на 15 января 16-я танковая бригада совместно с пехотой, самоходными артиллерийскими установками, саперами и подразделениями противотанковой артиллерии перешла в наступление и к утру того же дня вместе с 511-м полком 239-й дивизии вышла к тыловой линии главной полосы обороны противника, оседлав шоссе Любцы — Тютницы. А к исходу дня танкисты перерезали юго-восточнее населенного пункта Вешки и железную дорогу от Чудово на Новгород, что поставило противника перед угрозой окружения.

Танкисты бригады и пехотинцы действовали в этом бою очень отважно и решительно. Так, несмотря на сильный огонь противника, они сумели вместе с саперами навести для своих боевых машин переправу через реку Питьба и форсировать ее. Вслед за ними на другой берег реки переправилась и 310-я стрелковая дивизия 6-го корпуса, которая с ходу овладела южной окраиной населенного пункта Копцы. А 378-я дивизия 14-го корпуса, вырвавшись вперед, перерезала в свою очередь шоссе от пристани Муравьи на Подберезье.

Во второй половине дня 15 января 65-я стрелковая дивизия совместно с 29-й танковой бригадой, введенные в прорыв на стыке 310-й и 239-й стрелковых дивизий, наступая на Подберезье, Некохово, еще больше расширили фронт прорыва главной полосы обороны противника. Затем, повернув свои части на юго-запад, они отрезали противнику пути отхода из Новгорода на северо-запад и запад.

Это уже был успех. Однако в штаб армии поступали и не очень радостные вести. Противник то и дело ожесточенно контратаковал наши части, нанося по ним мощные удары артиллерии, применял и шестиствольные минометы. Особенно трудное положение складывалось в районе населенных пунктов Подберезье и Вешки, где наши полки еле сдерживали контратакующего противника. В этой обстановке начальник штаба по указанию командующего отдал приказание нанести по Подберезью и Вешкам сосредоточенный артиллерийский удар, подключив

к нему и несколько залпов дивизиона «катюш». Это-то и помогло остановить фашистов, отбросить их на исходное положение.

А тем временем 191-я стрелковая дивизия 14-го корпуса продолжала двигаться вперед и зацепилась за восточную окраину населенного пункта Котовицы, частью сил овладев другим населенным пунктом — Уголки. Теперь она развивала наступление на Чечулино, Витка. Южная же группа армии (оперативная группа генерала Т. А. Свиклина) освободила от врага Три Отрока, Старую Ракому, Запростье и своими передовыми частями севернее Воробейки перерезала железную дорогу Новгород — Шимск. Таким образом, создалась благоприятная обстановка для разгрома всей новгородской группировки противника.

Но гитлеровское командование тут же приняло соответствующие меры — бросило против южной группы войск нашей армии почти все свои резервы, которые вскоре нанесли несколько мощных контратак по вырвавшимся вперед советским частям. Авиация противника тоже принялась бомбить переправу через Ильмень и вскоре разбила ее. Таким образом, группа Свиклина почти полностью лишилась путей своего снабжения, ибо лед на озере был еще очень тонок и не выдерживал машины, а прежняя переправа нуждалась в серьезном ремонте.

Узнав об этом, начальник штаба армии генерал-майор Н. П. Ковальчук тут же вызвал к себе полковника Г. А. Булахова и приказал доложить ему о том, какая помощь оказывается оперативной группе войск, отрезанной от своих баз снабжения. Булахов сообщил, что в район озера Ильмень уже отправлено несколько машин с переносными мостиками и щитами, с помощью которых можно будет преодолевать образовавшиеся после бомбежки полыньи и укрепить лед.

— Этого мало,— заметил Ковальчук.— А нельзя ли подбросить туда саперов, Глеб Александрович? Свиклину ведь очень трудно приходится. Так что вышлите к нему и батальон из состава инженерной бригады.

Решение Н. П. Ковальчука было очень своевременным. Инженерный батальон довольно быстро навел надежную переправу, усилив лед на Ильмене деревянными востилами. Оперативная группа снова стала получать все необходимое для боя.

Прошло два дня с момента начала нашего наступления. За это время войска армии совершили прорыв севернее Новгорода, добились определенного успеха и южнее его. Населенный пункт Подберезье — этот крупный и мощный узел сопротивления врага — оказался в полукольце советских войск. К тому же наши подвижные отряды вышли и в тыл главной полосы обороны противника.

Штаб снова подвел итоги двухдневных боев, наметил план дальнейших действий. В соответствии с ним нужно было во что бы то ни стало овладеть Подберезьем и тем самым создать благоприятные условия для успешного продвижения наших частей на юг и юго-запад. Эта задача возлагалась главным образом на 6-й стрелковый корпус, который во взаимодействии с 14-м стрелковым корпусом должен был овладеть этим опорным пунктом врага.

А более детально это выглядело так. 65-я стрелковая дивизия, выйдя совместно с 29-й танковой бригадой на рубеж Некохово, Подберезье, должна была затем развивать свое наступление на Вяжищи. А вот 239-я стрелковая дивизия вместе с 16-й танковой бригадой нацеливалась уже непосредственно на Подберезье.

— Надо было бы нам усилить также и группу Свиклина, — ознакомившись с планом предстоящих боевых действий, сказал генерал И. Т. Коровников. — Сейчас от него тоже многое зависит. В частности, выход наших частей во вражеский тыл вот здесь... — Он указал район на карте.

— Можно перебросить туда части триста семьдесят второй стрелковой дивизии сто двенадцатого корпуса и полк из двести двадцать пятой дивизии, — посоветовал Н. П. Ковальчук.

Командарм, подумав, согласился с предложением своего начальника штаба.

Генерал Т. А. Свиклин тут же получил по радию указание: по мере прибытия к нему 372-й стрелковой дивизии 112-го корпуса и одного полка из 225-й стрелковой дивизии выводить их в район Новая Ракома, Горные Морипы, Береговые Морины, имея в виду последующее использование этих сил вместе с бронебатальоном для более глубокого обхода Новгорода со стороны Старой Мельницы или Вашково. 58-й стрелковой бригаде ставилась задача: перерезав шоссе Новгород — Шимск, не допускать подхо-

да оперативных резервов противника в направлении Новгорода, прикрывая одновременно действия 372-й стрелковой дивизии и полка из 225-й дивизии со стороны Шимска и расширяя плацдарм до рубежа устья реки Вержа¹.

Замысел штаба армии, как видим, был очень хороший. Претворение его в жизнь способствовало бы окружению всей новгородской группировки врага. Одновременно он свидетельствовал и о возросшем тактическом и оперативном искусстве нашего командования.

Но и противник, имевший достаточный боевой опыт, тоже понимал значение Новгорода как крупного оборонительного узла сопротивления. И предпринял срочные меры для подтягивания сюда своих резервов. Так, к концу третьего дня нашего наступления гитлеровцы стянули под город дополнительно до 18 батальонов пехоты, взятых ими из своих тактических и оперативных резервов. Одновременно на угрожаемые направления враг перебросил и несколько артиллерийских дивизионов из резерва главного командования.

Развернулись новые кровопролитные бои, в которых, однако, советские войска смогли одержать убедительную победу. 6-й стрелковый корпус вскоре освободил Крутик, Кошцы, Тютцы, Заполье — мощные опорные пункты врага и продолжил движение вперед. 16 января 16-я танковая бригада атаковала станцию Подберезье и овладела ею. Одновременно 29-я танковая бригада вышла на дорогу Подберезье — Долгово примерно в одном километре восточнее Некохово. Пути отхода противника из населенного пункта Подберезье были отрезаны. В этом фашисты еще раз воочию убедились, когда большая колонна машин и артиллерии из их 28-й легкопехотной дивизии, пытавшаяся отойти по шоссе к Некохово, была наголову разгромлена совместным ударом подразделений наших 16-й и 29-й танковых бригад.

378-я стрелковая дивизия 14-го стрелкового корпуса также нанесла удар на Подберезье, и этот узел сопротивления врага был сначала зажат в клещи, а утром 17 января взят штурмом. Затем части этой же дивизии очистили от гитлеровцев еще несколько опорных пунктов. Таким образом, подберезинский узел сопротивления

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 38.

врага пал, а с его захватом рушилась и вся оборона противника на северных подступах к Новгороду.

6-й стрелковый корпус в это время вел упорные бои за Некохово, Андриюхиново, а войска 14-го корпуса, в частности 378-я и 191-я стрелковые дивизии, вскоре освободили Моловодское, Сараево, Чечулино.

А вот южная оперативная группа войск генерала Т. А. Свиклина, несколько расширив свой плацдарм на западном берегу озера Ильмень, подверглась теперь ожесточенным контратакам врага. Противник бросил сюда пехотные и специальные подразделения, танки, привлекая для огневой поддержки бронепоезд и несколько потеснил части опергруппы. Однако дорога Новгород — Шимск постоянно находилась под воздействием нашего артиллерийского огня, и это практически лишало противника возможности пользоваться ею. Кроме того, 16 января войска южной группы овладели населенными пунктами Ондвор, Георгий, Храмзино, Самокража, Соснец, Горки и другими.

В самый разгар этих событий нас, работников оперативного отдела, собрал у себя в землянке подполковник Л. М. Крылов. Он только что вернулся от начальника штаба армии, где стал невольным свидетелем довольно резкого телефонного разговора командующего фронтом К. А. Мерецкова с нашим командармом И. Т. Коровниковым. Генерал Мерецков, как поведал нам Леонид Михайлович Крылов, был весьма недоволен темпами наступления 59-й армии.

— Да, весьма недоволен, — еще раз подчеркнул Л. М. Крылов. — Я сам слышал, как он выговаривал командарму. Мол, все у вас есть. И войска, и техника. А топчетесь почти на месте. Обратите внимание на управление войсками, чаще требуйте от штабов подробных и объективных докладов об обстановке, смелее принимайте решения и претворяйте их в жизнь. Вот так-то, товарищи. И в связи с этим...

Леонид Михайлович недоговорил, а взял со стола и зачитал нам директиву штаба фронта. В ней указывалось, что операция по овладению Новгородом развивается в 59-й армии чрезвычайно медленно и основным ее недостатком является плохое управление войсками. «Командующий армией, — говорилось далее в директиве фронта, — имеет сведения о боевых действиях корпусов, как правило, один раз в сутки, поэтому не может своевременно

но влиять на обстановку и оказывать помощь в тех направлениях, где она крайне нужна. Темп продвижения войск не превышает 5—6 километров в сутки¹.

В заключение командующий фронтом приказывал: войскам 59-й армии в течение 18 января овладеть укрепленным пунктом Долгово, районом Вяжищи, разъезд Напц, Вашково, Григорово и, прикрывшись надежно на этом рубеже и выдвинув вперед передовые отряды в район станции Татино, Люболяды, Сутоки, к исходу дня 18 января 1944 года взять-таки город Новгород.

Кроме того, командующий фронтом требовал принять все меры к удержанию плацдарма юго-западнее Новгорода, занятого войсками генерала Т. А. Свикина, ни в коем случае не допустить его даже малейшего сокращения. Более того, опергруппе предписывалось с утра 18 января нанести с этого плацдарма удар в направлении Старая Мельница, Новая Мельница, продвигнуться вперед навстречу соединениям, идущим с севера, и тем самым способствовать более быстрому разгрому противника в районе Новгорода².

Словом, назревали решающие события.

Следует сказать, что уже в первые дни нашей наступательной операции фронт и армия вынуждены были проводить несколько перегруппировок войск. А в ходе боя, да еще в таких сложных условиях местности, где почти полностью отсутствовали дороги, перебросить целые соединения даже с одного фланга на другой очень непросто. Случались задержки, штабы армии, корпусов и дивизий срабатывали не всегда оперативно и организованно, а это, естественно, довольно отрицательно сказывалось на ходе операции. Поэтому-то и темпы наступления армии были невелики — по 4—6 километров в сутки.

Объяснялось это еще и тем, что у командного состава, войск в целом не было еще достаточного опыта ведения наступления в условиях лесисто-болотистой местности, маневрирование войсками в ходе операции проводилось подчас неумело и несвоевременно. Допускались ошибки и при использовании артиллерии, танков, авиа-

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 16.

² Там же, л. 16, 17.

пии, инженерных войск, случалась потеря связи, причем в самые критические моменты. При бое же в глубине обороны противника наша артиллерия, например, не всегда успевала за пехотой, отрывалась от ее боевых порядков, медленно меняя свои огневые позиции. Иногда отрыв артиллерийских подразделений от стрелковых доходил до 25 километров. И пехоте одной приходилось штурмовать опорные пункты противника, что, конечно, приводило к неоправданным потерям.

Не лучше обстояло дело и с взаимодействием стрелковых подразделений с танками. Случалось, что боевые машины непосредственной поддержки пехоты подходили к траншеям и опорным пунктам противника с опозданием, что исключало внезапность удара, снижало его силу. Да и танков в назначенный район прибывало, как правило, гораздо меньше запланированного, многие из них еще на подходе застревали в болотах, залитых водой воронках. А работы по их эвакуации из бедственного положения не были заранее организованы. Инженерные войска медлили и с прокладкой, ремонтом колонных путей, не всегда вовремя подвозили инженерные средства и оборудование в нужные места. Да и самих этих средств явно не хватало для полного обеспечения хода операции.

Были недостатки и в работе управления тыла, его штаба и отделов. И главный из этих недостатков — плохая организация перевалки грузов с ширококолейной железной дороги на узкоколейную, что приводило к излишнему скоплению грузов на станциях.

Не всегда своевременно доставлялось в соединения и части горючее, что, в свою очередь, тормозило подвоз боеприпасов и продовольствия, срывало планы эвакуации в тыл раненых.

Поэтому понятно, что, получив по всем этим недоработкам самые строгие указания фронта, мы немедленно приняли все меры для их быстрейшего устранения. Уже в 22 часа 35 минут 17 января 1944 года штаб армии спустил в войска — командирам 6-го и 14-го стрелковых корпусов, командующему южной оперативной группой войск генералу Т. А. Свиклину (копия была послана в штаб Волховского фронта) свою директиву, в которой излагалось требование командарма в течение 18 января во что бы то ни стало выполнить поставленную фронтом задачу, овладеть опорными пунктами Оссия, Долгово, районом

Вяжищи, разъезд Нащи, Вашково, Григорово и к исходу дня освободить от врага город Новгород.

В директиве штаарма ставились конкретные задачи 6-му и 14-му стрелковым корпусам, группе войск генерала Т. А. Свиклина. И надо сказать, что это положительно сказалось на последующем ходе их боевых действий. Так, 16-я танковая бригада с 817-м стрелковым полком 239-й стрелковой дивизии, очистив от противника Андрухиново, вскоре начала успешно продвигаться в направлении Вяжищи, разъезд Нащи. А юго-восточнее платформы Болотная опять-таки 239-я дивизия оседлала дорогу, ведущую от Финева Луга на Новгород. 29-я танковая бригада, двигаясь вслед за 16-й бригадой, в ночь с 17 на 18 января 1944 года захватила Вяжищи, этот сильный опорный пункт противника. В дальнейшем вместе с приданным ей самоходно-артиллерийским полком и во взаимодействии с 65-й стрелковой дивизией эта бригада ринулась в направлении Мясокомбината, перерезала дорогу Новгород — Вашково. А вскоре в этот же район вышла и 16-я танковая бригада с частями 239-й дивизии.

А вот у опергруппы генерала Т. А. Свиклина сложилась довольно трудная обстановка. Ее войска вели тяжелые бои на левом фланге плацдарма. И вот, подтянув свежие резервы, гитлеровцы нанесли сильнейший удар вдоль западного берега озера Ильмень, в результате которого в их руки перешли населенные пункты Ондвор, Козынево, Самокража и Георгий. Но, перегруппировав свои силы, получив усиление, опергруппа (минометный полк) стала вновь теснить противника. И вскоре одна из ее дивизий — 372-я стрелковая вышла на шоссе и железную дорогу Новгород — Шимск в районе реки Веряжа.

К исходу 18 января все пути, ведущие из Новгорода в северном, северо-западном и юго-западном направлениях, за исключением одного — на Лугу, были перехвачены нашими войсками. Кольцо вокруг новгородской группировки противника, имеющее лишь небольшой разрыв на лужском направлении, продолжало сжиматься.

А несколько раньше, утром 18 января 1944 года, командующий фронтом генерал К. А. Мерецков отдал распоряжение выдвинуть 112-й стрелковый корпус в район Долгово, чтобы оттуда во взаимодействии с перешедшей в наступление 54-й армией Волховского фронта он смог участвовать в разгроме любанско-чудовской группировки противника. В случае успеха это обезопасило бы

от ударов противника и правый фланг нашей 59-й армии.

Соединения корпуса выполнили в основном поставленную задачу. 20 января 1944 года ими были освобождены Долгово и ряд других населенных пунктов.

А в это время наш 14-й стрелковый корпус, преодолевая яростное сопротивление противника, овладел железнодорожной станцией Витка и населенными пунктами Моторово, Трубичино, Кречно, Стрелка, Кречевицы и некоторыми другими. 19 января его части заняли Хутынь, Зарелье, Пулковскую Слободу и продолжали наступать на Новгород.

Подразделения 150-го укрепленного района, ведя активные боевые действия, 19 января овладели населенными пунктами Теремец Курляндский, Любцы, Земтицы и, выйдя на рубеж Теремец Курляндский, северный берег болота Замошское, обезопасили правый фланг нашей армии от ударов врага с севера.

Соединения 6-го стрелкового корпуса 19 января выбили гитлеровцев с разъезда Нащи и, перерезав железную дорогу Новгород — Батецкая, к утру 20 января были уже в районе Горынево, Агроветпункт. Здесь они соединились с частями опергруппы генерала Т. А. Свиклина, овладевшими к тому времени населенными пунктами Старая Мельница, Большое Ляпино. Тотчас же лыжный батальон из 372-й стрелковой дивизии был выслан вперед, чтобы пересечь шоссе Новгород — Луга, последний путь, остававшийся незапертым нашими войсками.

Начальник штаба генерал Н. П. Ковальчук пригласил к себе командующего артиллерией армии генерала Н. В. Дорофеева. Сказал, что неплохо бы усилить огонь по дорогам, идущим из Новгорода, а также обеспечить артиллерийской поддержкой действия войск в направлении Новгорода с севера. В заключение спросил:

— Как это мы можем лучше сделать, Николай Васильевич?

Генерал Дорофеев, подумав, ответил:

— А что, если произвести маневр армейскими пушечными полками? Выдвинем их поближе к дорогам, идущим из Новгорода, и будем держать те под постоянным прицельным огнем. Согласны? Ну а что же касается артиллерийской поддержки наших войск с севера, то... Можно

дополнительно сосредоточить на направлении действий четырнадцатого корпуса несколько пушечных артполков, минометных подразделений. Кроме того, эффективнее использовать и гаубичную артиллерию.

— Сколько для этого потребуется времени? — спросил Ковальчук, разглядывая разложенную на столе карту.

— К вечеру, думаю, управимся, — после некоторой паузы ответил Дорофеев.

— Давайте доложим о наших прикидках командарму, — сказал начштаба. — Благословит — будем действовать.

Генерал Коровников задуманное Ковальчуком и Дорофеевым «благословил», и вскоре артиллерия армии, произведя маневр армейскими пушечными полками, блокировала огнем все дороги, идущие из Новгорода. И это значительно облегчило действие наших войск, сжимавших кольцо окружения вокруг группировки врага.

Не забыто было и северное направление. Туда в помощь 14-му стрелковому корпусу были переброшены семь артполков, гвардейская минометная бригада и отдельная гаубичная бригада большой мощности.

Активно действовала и наша авиация. Только за 19 января было совершено свыше 200 боевых вылетов, краснозвездные штурмовики непрерывно атаковали неприятельские колонны.

К утру 20 января наши соединения, наступавшие с севера, и южная опергруппа генерала Т. А. Свиблина, соединившись в районе Горынево, Агроветпункт, Мясокомбинат, полностью замкнули внешнее кольцо окружения вражеских войск, входивших в новгородскую группировку. А 14-й стрелковый корпус тем временем осуществлял задачу по созданию внутреннего кольца окружения.

В этой наступательной операции мы в какой-то степени использовали опыт разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Ведь именно там прямо-таки мастерски было проведено окружение крупной вражеской группировки войск, созданы внутреннее и внешнее кольца окружения. Конечно, масштаб нашей операции был совсем иной, он имел только оперативно-тактическое значение. И все же использование сталинградского опыта нам во многом облегчило задачу. В частности, создание внешнего кольца окружения обезопасило наши наступавшие непосредственно на город войска от контратак противни-

ка, естественно, пытавшегося деблокировать свои окруженные в Новгороде части.

Кстати, рано утром 20 января 1944 года к нам поступила новая директива штаба фронта. В ней опять указывалось, что операция по овладению Новгородом развивается по-прежнему медленно, и содержалось категорическое требование сосредоточить усилия 6-го и 14-го стрелковых корпусов южной оперативной группы армии на то, чтобы освободить город Новгород 20 января¹.

А дело, как мы видим, уже и без того шло к взятию Новгорода. Сил для выполнения этой задачи у нас хватало, так как еще накануне из резерва фронта нам был передан 7-й стрелковый корпус в составе 256-й и 382-й стрелковых дивизий, а также 7-й танковой бригады, которую командарм генерал И. Т. Коровников в ночь на 20 января из района Подберезье выдвинул на ведущее к Новгороду шоссе, чтобы она с тыла ударила по окруженной группировке врага, а затем, наступая на запад, овладела станцией Передольская и перерезала железную дорогу Батецкая — Сольцы — Дно.

Первыми уличные бои в Новгороде поручалось завязать 1349-му стрелковому полку 225-й дивизии. Ему ставилась задача наступать на город со стороны Погорелец, выйти к Пулковской Слободе, а далее продвигаться к северной окраине города. Кстати сказать, к 20 января этот полк уже вышел на северо-восточную окраину Новгорода.

1238-му стрелковому полку 382-й дивизии предписывалось ворваться в город со стороны района Кирилловский монастырь, овладеть восточными кварталами Новгорода и соединиться здесь с 1349-м полком, наступавшим с севера. С севера и северо-запада на новгородскую окраину должны были выйти также части 191-й и 378-й стрелковых дивизий.

20 января начался общий штурм Новгорода. Старший сержант Иван Калачев, сержант Михаил Карпушин и красноармеец Григорий Скуратов из 378-й дивизии первыми ворвались на его улицы, достигли городского кремля и водрузили над ним красное знамя. С юга в Новгород вступили 225-я стрелковая дивизия и бойцы 58-й отдельной бригады из южной опергруппы армии. У стен древнего новгородского кремля они и встретились с войсками

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 19.

батальона майора А. Р. Веретенникова из 378-й стрелковой дивизии.

В 11 часов 25 минут 20 января 1944 года войска 59-й армии полностью овладели Новгородом. Нашему продвижению не было предела. Ведь мы освободили от фашистских захватчиков один из древнейших русских городов, колыбель нашей национальной культуры. Сколько раз, помнится, готовясь к боям, мы говорили о Новгороде. Широко раскинувшись на берегу многоводного Волхова, он как магнит притягивал к себе наши сердца. Ведь каждый из нас знал, что Новгород рано стал крупным торговым и ремесленным центром России. Озеро Ильмень являлось изначальной точкой великого водного пути «из варяг в греки». Отсюда по рекам Мсте и Тверце новгородцы легко добирались до Волги, а по Шелони — до Пскова, чтобы затем оказаться на берегах Балтийского моря.

Во времена татаро-монгольского нашествия древний Новгород сумел отстоять свою независимость, а вместе с ней и национальную русскую культуру. Позднее этот город стал оплотом борьбы против шведских и немецких захватчиков...

И вот теперь древний Новгород снова свободен! С его высоких холмов, тянувшихся по берегу Волхова, мы с восхищением смотрели на пятиглавые купола Софии, на кремль, называвшийся когда-то детинцем. Нам не терпелось взглянуть на памятник «Тысячелетие России», который, как утверждали наши оперативники, раньше бывавшие в Новгороде, стоял в самом центре городского кремля. Но...

Отступая, фашистские варвары до основания разрушили в городе многие памятники старины, гордость нашей культуры. На снегу валялись и детали памятника «Тысячелетие России». Оказывается, гитлеровцы еще заранее разобрали его на части, намереваясь вывезти в Германию. Но, благодаря стремительному продвижению наших войск, не успели сделать этого.

Мы прошли через весь Новгород. Тысячи домов, фабрики, заводы, древние соборы лежали в руинах. Сердце обливалось кровью, когда приходилось смотреть на эти злодейские преступления гитлеровцев.

Оставшиеся в живых новгородцы от мала до велика вышли на улицы города, радостно обнимали нас, своих освободителей. И сразу же брались за расчистку улиц, ремонт уцелевших домов.

И верилось: древний Новгород очень скоро снова возродится, чтобы жить века!

Итак, первый этап Новгородско-Лужской операции, длившийся с 14 по 20 января 1944 года, был успешно завершен. В ходе ожесточенных боев соединения нашей армии прорвали мощную, глубоко эшелонированную оборону противника, затем расширили этот прорыв до 50 километров по фронту, продвинувшись на запад в общей сложности на 20 километров. Нами был освобожден не только город Новгород, но и десятки других крупных населенных пунктов, сотни тысяч советских людей вызволены из фашистской неволи.

В боях за Новгород войска 59-й армии разгромили 28-ю легкопехотную, 1-ю авиаполевую, 24, 290, 121-ю пехотные дивизии, кавалерийский полк «Норд» и другие части и подразделения противника. 17 тысяч своих солдат и офицеров потерял здесь враг. В качестве трофеев мы захватили 182 орудия, 120 минометов, 635 пулеметов, 263 автомашины и немало другого военного имущества. Значительное количество вражеской техники было уничтожено на поле боя. Сотни гитлеровских вояк оказались в нашем плену.

Да, это была убедительная и радостная для нас победа. В день освобождения Новгорода по радио передали приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в котором говорилось: «Войска Волховского фронта, перейдя в наступление на новгородском направлении, форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень и, прорвав сильно укрепленную долговременную оборону немцев, сегодня, 20 января, в результате умелого обходного маневра штурмом овладели важным хозяйственно-политическим центром страны — городом Новгород — крупным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев».

Дальше назывались части и соединения Волховского фронта, в том числе и нашей 59-й армии, отличившиеся в боях. Так, приказом Верховного Главнокомандующего 372, 225, 310-й стрелковым дивизиям нашей армии, 150-му укрепленному району было присвоено почетное наименование Новгородских, некоторые другие полки и дивизии награждались орденом Красного Знамени. Большая группа бойцов и командиров, отличившихся в боях

за Новгород, удостоилась высоких правительственных наград.

В период паузы, выдавшейся после завершения первого этапа операции, командующий армией генерал-лейтенант И. Т. Коровников провел совещание, на которое были вызваны командующие артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками, начальники инженерных войск и связи, представитель тыла.

— Я собрал вас, товарищи, — начал командарм, — чтобы проанализировать те положительные и отрицательные стороны в действиях войск, которые выявились в период боев за Новгород. Начнем хотя бы... с артиллерии.— Коровников прошелся по кабинету. — Она, безусловно, сыграла главную, если даже не решающую роль в успехе пехоты и танков, обеспечила прорыв сильно укрепленной обороны врага. Но предоставим слово ее командующему. Пожалуйста, генерал Дорофеев, докладывайте.

Н. В. Дорофеев доложил, что, сосредоточив артиллерию на главном направлении нашего удара и верпо определив методы ведения огня — чередование огневого вала с последовательным сосредоточением огня по узлам сопротивления и опорным пунктам противника, — артиллеристы добились заметного влияния на ход боя. Кроме того, на решающих участках артиллерия не дробилась, а использовалась массированно, с централизованным управлением. Положительную роль сыграли орудия прямой наводки, заполнявшие паузы огневого воздействия на противника между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки пехоты. Они поражали засеченные заранее или выявленные вновь цели как в полосе переднего края, так и в ближайшей глубине обороны врага.

Генерал Н. В. Дорофеев особенно отметил хорошую работу артиллерии и минометов крупного калибра. С помощью 120-мм минометов, 122- и 152-мм гаубиц разрушались крупные оборонительные сооружения фашистов, проволочные и минные заграждения, устраивались завалы в их траншеях и ходах сообщения.

— Мне кажется полезным, — подчеркнул Николай Васильевич, — такое нововведение. При переносе огня тяжелой артиллерии и минометов в глубину обороны противника орудия прямой наводки немедленно поступали в распоряжение командиров батальонов, рот и даже стрелковых взводов и с этого момента тесно взаимодействовали с пехотой.

— Все это хорошо, — вмешался командарм в доклад Дорофеева. — Но наряду с положительным у вас были и недочеты. Вот на них-то и следует обратить особое внимание. Например, на то, что ваши артиллеристы вели огонь вначале больше по площадям, отставали при смене огневых позиций. Да и орудия прямой наводки не всегда поспевали за пехотой. Особенно при ведении боя в глубине обороны противника. Не повторится ли это на втором этапе операции?

— Не повторится, товарищ командующий, — твердо заверил Н. В. Дорофеев.

— Что же, рад это слышать, — кивнул головой Коровников. Помолчал, потом сказал уже совершенно о другом: — Прошу обратить особое внимание на батецкий узел сопротивления врага. Там вам придется изрядно потрудиться, Николай Васильевич.

Командующий артиллерией ответил, что он тоже имеет в виду этот важный узел дорог и примет все меры к тому, чтобы как следует обработать его сосредоточенным огнем.

— Ну а что скажут танкисты? — обратился генерал И. Т. Коровников к командующему бронетанковыми и механизированными войсками армии полковнику Г. М. Ленючеву.

— На первом этапе бронетанковые войска применялись с учетом замысла операции и использования их в условиях лесисто-болотистой местности, — поднявшись, начал доклад Ленючев. — Поэтому распределение танков и самоходно-артиллерийских установок, кстати по вашему решению, товарищ командующий, осуществлялось двояким способом. В первом случае мы придавали их стрелковым дивизиям и полкам, во втором — массированно применяли их на направлении главного удара. Когда, конечно, местность была танкодоступной.

Докладываю, — продолжал далее Георгий Михайлович, — что первый этап операции показал возможность успешного применения танков и в лесисто-болотистой местности, но со строгим учетом результатов разведки и тщательного изучения местности. К сожалению, именно этого в первые дни операции как раз и не доставало. Не случайно, что наши танковые части и подразделения понесли неоправданные потери, машины то и дело застревали в болотах.

Танки, — докладывал далее командующий БТ и МВ армии, — применялись в основном в варианте бригадной

организации. Эти бригады осуществляли быстрый маневр и появлялись в тех местах и на тех направлениях, где намечался наибольший успех. Так действовали, например, шестнадцатая и двадцать девятая танковые бригады. Они нанесли противнику неожиданные удары, что положительно сказалось на общем ходе операции.

— А как вы применяли танки для преодоления дефиле, при действии против небольших опорных пунктов противника? — спросил И. Т. Коровников.

— В лесисто-болотистой местности приходилось использовать танковые взводы и даже отдельные танки, чтобы блокировать небольшие опорные пункты врага. Те, например, что были созданы им в целях охраны мостов, дорог, подходов к дефиле. И танки с десантом пехоты и саперов в таких случаях приносили большую пользу. Более же крупные подразделения танков и самоходно-артиллерийских установок с десантами применялись в глубине обороны противника для обхода его опорных пунктов и перехвата отступающих фашистских колонн.

— Вот именно такие подразделения с десантниками и применяйте почаще в предстоящих боях. Нам придется обходить опорные пункты врага и еще более стремительно продвигаться в его тылы. А кто будет поддерживать этот высокий темп — чего, кстати, нам очень не хватало в первые дни наступления, — как не танкисты? — заметил И. Т. Коровников.

Полковник Г. М. Леничев принял замечание командира к сведению.

59-ю армию поддерживала 14-я воздушная армия. Но на первом этапе операции эта поддержка осуществлялась крайне редко — не позволяла погода. Я уже говорил выше, что в те дни то и дело шел сильный снег, который конечно же ограничивал действия авиации. Но когда погода благоприятствовала, летчики трудились на славу. Они бомбили скопления живой силы и техники противника, наносили удары по его отступающим колоннам, по тылам. И это, несомненно, тоже было весомым вкладом в успешное осуществление замысла операции по освобождению Новгорода.

В ходе операции значительную роль сыграли и инженерные войска. Они выполняли большую и нужную работу по устройству переправ, помогали войскам преодолеть

вать болота, восстанавливали мосты, ремонтировали дороги. Только с 14 по 20 января 1944 года, в период боев за Новгород, ими было проложено 55 километров колонных путей, отремонтировано и построено заново 100 километров дорог, восстановлены десятки мостов, 12 других типов переправ общей протяженностью 2335 погонных метров. Кроме того, разминировано 60 километров дорог, 40 населенных пунктов и т. д.

Инженерные войска в короткий срок оборудовали мостовые и паромные переправы для тяжелых танков КВ и САУ-152. Полковник Г. А. Булахов и его штаб очень оперативно влияли на подчиненные им части. Но хочется сказать, что инженерным войскам большую помощь оказывали и стрелковые части. Там по собственной инициативе были изготовлены многочисленные маты, плотики, лесенки. Специальные подразделения пехоты были в достатке оснащены волокушами, болотными лыжами, топорами, пилами, лопатами, щупами и взрывчаткой, что помогало им подчас самостоятельно преодолевать болотные топи, расчищать дороги.

Довольно устойчиво работала и паша связь. В этом, несомненно, была большая заслуга полковника Г. А. Рогова, пачальника связи армии.

На совещании, о котором говорилось выше, заслушали и заместителя командарма по тылу генерала А. И. Андреева. Ему было о чем рассказать. На первом этапе операции работники тыла армии сделали все возможное, чтобы обеспечить сражающиеся части и соединения боеприпасами, горючим, продовольствием. Четко работали в те дни, например, служба артиллерийского снабжения, автомобильная служба, медицинский персонал. Начарт вооружения полковник Г. А. Цедилин, начальник автослужбы полковник А. Г. Барсков хорошо наладили ремонт поврежденной в бою техники, оружия, пустили в эксплуатацию даже трофейные автомашины. Добросовестно выполняли свой служебный долг начальник медико-санитарной службы армии полковник медицинской службы А. Г. Парамонов, главный армейский терапевт Б. Е. Вотчал, армейский хирург А. Б. Хейфиц и многие другие врачи, сестры и санитары. В период нашего наступления медико-санитарная служба организовала оперативную эвакуацию раненых, широко используя для их перевозки возвращающиеся порожняком с фронта попутные машины, нарты с упряжками собак. В каждом ба-

тальоне кроме санинструкторов находились и так называемые «антишоковые группы» (врач и медсестра), которые оказывали квалифицированную помощь раненым, впадшим в шоковое состояние. И это значительно снизило смертность среди них.

Для того чтобы читатель мог более ясно представить обстановку, сложившуюся на нашем фронте к началу второго этапа Новгородско-Лужской наступательной операции, я, как это ни странно, должен вернуться несколько назад и хотя бы коротко поведать о боевых действиях не нашего, Волховского, а войск соседнего с нами Ленинградского фронта. Утром 14 января его 2-я ударная армия начала наступление с ораниенбаумского плацдарма. 15 января по противнику был нанесен еще один мощный удар — с Пулковских высот двинулась вперед 42-я армия. В результате упорных боев войска Ленинградского фронта 19 января освободили Красное Село и Ропшу. А к исходу этого же дня обе армии соединились северо-восточнее Ропши, отрезав от главных сил и окружив часть войск так называемой петергофско-стрельненской группировки противника. 20 января с ними было окончательно покончено.

Развивая затем наступление в западном и юго-западном направлениях, войска Ленинградского фронта 30 января вышли на лужский оборонительный рубеж, где гитлеровцы оказали им серьезное сопротивление. Наступление приостановилось.

Тем временем части и соединения Волховского фронта, пачав второй этап Новгородско-Лужской операции, 21 января вновь перешли в наступление, чтобы во взаимодействии с Ленинградским фронтом разгромить 18-ю армию противника. Войска же 2-го Прибалтийского фронта, наступая на идрицком направлении, сковали основные силы 16-й немецко-фашистской армии и не позволили ей вступить в боевые действия против корпусов и дивизий Волховского фронта.

В полосе наступления пашей 59-й армии противник имел значительные силы — до 26 пехотных батальонов и кавалерийский полк «Норд». Их поддерживали до 40 артиллерийских батарей разного калибра. А к середине третьей декады января в полосе наступления 59-й армии противник еще больше увеличил количество своих войск,

доведя их до 32 пехотных батальонов при поддержке 42 артиллерийских батарей. А если к этому прибавить еще более 10 батарей шестиствольных минометов, почти 70 танков и самоходно-артиллерийских орудий, то станет ясно, что нам противостоял очень сильный противник.

Вечером 20 января, накануне начала второго этапа операции, штаб фронта спустил нам свою очередную директиву. В ней отмечалось, что войска ударной группы Волховского фронта овладели городом Новгород и успешно развивают наступление на запад. Задача 59-й армии — нанести главный удар через Батецкую на Лугу, чтобы как можно быстрее перерезать железные дороги Батецкая — Пушкин и Луга — Красногвардейск. Затем совместно с войсками Ленинградского фронта окружить и уничтожить любанско-чудовскую и мгинско-красногвардейскую группировки противника. С этой целью 59-я армия в составе 6, 7, 14 и 112-го стрелковых корпусов со средствами усиления должна была наступать в направлении Батецкая, Луга, надежно обеспечив свой левый фланг. Уступом за левым флангом командующий фронтом предлагал иметь один стрелковый корпус¹.

Примерно часа через два в войска армии пошла уже директива нашего штаба. В ней излагалась задача армии, порядок ее оперативного построения, ставились конкретные задачи стрелковым корпусам.

В частности, 112-му стрелковому корпусу со средствами усиления вменялось в обязанность наступать в направлении Вольная Горка, Оредеж и овладеть районом Село-Гора, Вольная Горка, Большие Кусони. Правый фланг корпуса обеспечивался одной стрелковой дивизией.

6-му стрелковому корпусу тоже со средствами усиления было приказано наступать в направлении Батецкая, Луга с задачей к исходу 21 января 1944 года выйти на рубеж Большие Кусони, платформа Мойка, Воронино.

7-му стрелковому корпусу необходимо было наступать в направлении Менюши, Медведь, Великое Село и к исходу 21 января выйти на рубеж Покровка, Бодрино, Веретье, Голино.

14-му стрелковому корпусу, двигаясь в направлении Шимска, причем уступом за левым флангом 7-го стрелкового корпуса, к исходу 21 января 1944 года выйти на рубеж рек Выгодошь и Веронда.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 20, 21.

58-я стрелковая бригада, 372-я стрелковая дивизия — резерв армии. Наступление назначалось на 8.00 21 января 1944 года¹.

Командующий и штаб 59-й армии делали все от них зависящее, чтобы обеспечить успех нашего наступления на станцию Батецкая. Ведь с ее захватом отрезались пути отхода северной группировке войск противника, уже павшей на запад под ударами Ленинградского и Волховского фронтов. И дорога Оредеж — Батецкая была, по сути дела, единственной рокадой, по которой гитлеровское командование еще могло как-то маневрировать своими полками и дивизиями, входившими в любанско-чудовскую и мгинскую группировки.

Сразу скажу, что второй этап Новгородско-Лужской наступательной операции характеризовался еще более возросшим сопротивлением противника. Частью своих выведенных из-под нашего удара сил, а также вновь подброшенными резервами, снятыми с других участков фронта, он всякий раз отчаянно цеплялся за промежуточные рубежи, упорно оборонял опорные пункты, узлы дорог и межболотные дефиле. И все же под сильными ударами наших войск вынужден был отходить.

Но вернемся к непосредственному ходу боевых действий. 112-й стрелковый корпус сразу же устремился на Фипев Луг, Велегощи и Оредеж. В этих пунктах он должен был соединиться с войсками 54-й армии нашего фронта, наступавшими справа. 27 января части и соединения корпуса овладели населенными пунктами Либуницы и Вольная Горка, а 28 января вышли на значительном фронте на рубеж реки Луга, выбив противника из Вольного Загорья, Мокриц, Большого Капустино, Рождествено. При этом они форсировали реку и захватили плацдарм на ее западном берегу.

Полки и дивизии 6-го стрелкового корпуса в это же время овладевали другими важными опорными пунктами врага, прикрывавшими подступы к реке Луга. Так, в ожесточенных боях ими были взяты Люболяды, Вашково, Нехино, Жестяная Горка, Марино, Хотобужь, Подборовье и другие. В итоге к 29 января 6-й стрелковый корпус прорвал оборону противника на восточном берегу реки

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 512, л. 48, 49.

Луга, форсировал ее в ряде мест, также захватив плацдарм на западном берегу. Словом, 112-й и 6-й стрелковые корпуса к утру 29 января в основном выполнили поставленную перед ними задачу¹.

А соединения 7-го корпуса к 25 января сумели взять Мешюши, Старое и Горное Веретье. Более того, передовые отряды 7-й танковой бригады этого корпуса 26 января заняли Уномер, подошли к железной дороге Батецкая — Уторгош, частью сил завязав бои за населенный пункт Медведь.

Части 14-го корпуса 26 января вышли к городу Шимск.

Именно в этот период, когда на нашем участке наступления намечался значительный успех, в штаб армии пришла директива фронта, датированная 26 января 1944 года. Она требовала передачи наших 7-го и 14-го стрелковых корпусов в состав 8-й армии. А войска, ранее входившие в эту армию, в свою очередь переподчинялись командованию 54-й армии.

Таким образом, в группировку войск Волховского фронта по состоянию на 27 января 1944 года вошли 54-я армия в составе 111, 115 и 199-го стрелковых корпусов со средствами усиления, которая должна была действовать на правом фланге фронта, 59-я армия в составе 6-го и 112-го стрелковых корпусов, а также 8-я армия в составе 7-го и 14-го стрелковых корпусов со средствами усиления.

Чем же была вызвана такая перегруппировка войск?

Ответ на этот вопрос в своих воспоминаниях дает Маршал Советского Союза К. А. Мерецков. Он, например, объясняет это тем, что гитлеровцы, отойдя до линии железной дороги Нарва — Тосно, южнее отступать не собирались. Крупный выступ их фронта на востоке, в районе Любань, Чудово, Финев Луг, они намеревались отстаивать до конца. Фланги выступа оборонялись на севере испанским легионом, на юге — 15-й дивизией СС. А в середине были сосредоточены части 12-й и 21-й пехотных, а также 13-й авиационной дивизий. Они тоже получили приказ сражаться до последнего патрона. В этой ситуации Военный совет фронта и решил, не прерывая хода операции, провести новую перегруппировку войск фронта. Этим, как поясняет К. А. Мерецков, одновременно решались три

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 499, л. 24.

задачи. Во-первых, давалась возможность усиленной 54-й армии нанести удар по любанско-чудовскому выступу. Во-вторых, наращивалась мощь основной группировки фронта на его левом крыле, чем обеспечивалось дальнейшее развитие наступления на Сольцы. И наконец, в-третьих, стала активнее использоваться корпусная форма управления войсками.

И все же, на мой взгляд, изъятие из нашей армии сразу двух стрелковых корпусов со средствами усиления было в тот момент не совсем оправданным. Ведь их вывели из состава армии, как говорится, в самый разгар операции, в ее наиболее ответственный момент. К тому же 6-й и 12-й стрелковые корпуса, остававшиеся у нас, находились до этого (особенно 6-й корпус) длительное время в непрерывных боях, были изрядно потрепаны, понесли значительные потери. И конечно, уже не обладали той мощью, которая нужна была для выполнения дальнейшей задачи армии. А если к этому прибавить еще и такие обстоятельства, что фронт наступления 59-й армии в тот период операции достиг слишком значительной ширины, снабжение и управление войсками было затруднено, то наше положение прояснится полностью.

Думаю, что в той обстановке лучше было бы поступить так: перегруппировать нашу 59-ю армию и, прикрывшись 14-м стрелковым корпусом с юга, направить 7-й стрелковый корпус в обход Луги с юго-запада, одновременно нанося удар по противнику с фронта силами 112-го и 6-го корпусов. При этом враг мог оказаться под угрозой окружения в районе Батецкая, которую он рассчитывал удерживать всеми средствами.

Но, повторяю, это мое личное мнение, которое я не считаю единственно верным. Тогда же, в конце января 1944 года, решение командования фронта о передаче двух корпусов в другую армию мы восприняли как должное. И, приведя в порядок оставшиеся в нашем подчинении 6-й и 12-й стрелковые корпуса, приступили к выполнению теперь уже практически третьего этапа Новгородско-Лужской операции.

Третий этап начался 30 января и закончился 12 февраля 1944 года. Какие же задачи выполняла наша армия в этот период?

После вывода из ее состава двух корпусов фронт на-

шего наступления, естественно, сократился. Приказом командования фронта нам ставилась задача: по-прежнему нанося главный удар в общем направлении на Лугу, овладеть в ближайшее время рубежом Оредеж, Батецкая и уже потом городом Луга.

Первым в бой вступил 112-й стрелковый корпус. Форсировав реку Луга, он в течение двух дней освободил от врага до 50 населенных пунктов. И успехи были бы еще значительнее, если бы на северном участке, на реке Кереть и в районе Село-Гора, не топталась бы на месте 2-я стрелковая дивизия, создавая тем самым угрозу открытому правому флангу корпуса. Штабу армии пришлось срочно вмешаться в дела названного соединения, усилив его руководство за счет армейского аппарата. И лишь после этого полки дивизии пошли вперед, овладев во взаимодействии с 44-й дивизией 11-го стрелкового корпуса 54-й армии 2 февраля населенным пунктом Финсь Луг.

377-я и 310-я стрелковые дивизии 112-го корпуса тем временем довольно глубоко вклипились в оборону противника, начав приближаться к железной дороге Оредеж — Батецкая. Но гитлеровцы, поддержанные артиллерийским и минометным огнем, орудиями подошедшего бронепосада, предприняли по этим частям ряд сильных контратак и задержали их продвижение. Тогда командование корпуса решило путем посылки вперед мелких групп и отрядов выйти-таки к железной дороге и перерезать ее в нескольких местах. Но это удалось сделать лишь одной роте из 1080-го стрелкового полка 310-й дивизии. Да и то ненадолго. Гитлеровцы вскоре сбили это подразделение с полотна железной дороги.

В период этих событий 377-я стрелковая дивизия получила новую задачу: во взаимодействии с частями 54-й армии взять Оредеж. Однако наиболее благоприятная обстановка сложилась для этого в районе Заклинье, куда первыми были переброшены части 2-й стрелковой дивизии. Но гитлеровцы, опасаясь удара по Батецкой с севера, сразу же контратаковали эту дивизию, поставив ее части в довольно трудное положение. 2-я стрелковая начала отходить. И тут, к счастью, подоспела шедшая форсированным маршем 377-я дивизия. Объединенными усилиями наши соединения остановили врага, а чуть позже, получив подкрепление (по приказу командарма на этот участок была брошена еще и 239-я стрелковая дивизия, на-

ходившаяся на доукомплектовании), даже пошли вперед и восстановили прежнее положение.

В это время получил задачу на наступление и 6-й стрелковый корпус. 112-му корпусу стало значительно легче, и он, перегруппировавшись, во взаимодействии с частями 54-й армии взял-таки Оредеж.

Освобождение нашими войсками район центра Оредеж лишило противника важнейшей дороги Оредеж — Дно. Вместе с тем был отрезан путь для отхода любанско-чудовской группировки врага на Дно — Витебск.

6-й же стрелковый корпус вел наступление на левом фланге армии. Его соединения выбили гитлеровцев из нескольких населенных пунктов, а с 7 по 12 февраля ввязались в тяжелые бои за станцию Батецкая и прилегавшие к ней деревни. И вот 12 февраля 286-я стрелковая дивизия этого корпуса, обойдя своими частями станцию Батецкая с севера и юго-запада, штурмом овладела ею. Теперь у фашистов до самого города Луга не осталось практически ни одного заблаговременно оборудованного оборонительного рубежа.

А наше наступление тем временем продолжалось. На правом фланге армии 377-я стрелковая дивизия 112-го корпуса неудержимо рвалась к городу Луга. Одновременно с севера к этому городу продвигались и войска Ленинградского фронта. 12 февраля вечером передовые отряды 377-й дивизии уже вели бои на юго-восточной окраине Луги, а соединения 67-й армии Ленинградского фронта ворвались в город с севера и северо-запада. Таким образом, совместным ударом войск 59-й армии Волховского и 67-й Ленинградского фронтов в ночь на 13 февраля 1944 года Луга была освобождена.

После этого 59-я армия получила новую задачу — повернуть фронт наступления на юг и опять-таки во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта наступать в общем направлении на Большой и Малый Уторгош. Вновь завязались ожесточенные бои, в результате которых наша армия выбила врага еще из 115 населенных пунктов.

Итак, разгромом лужской группировки фашистских войск и прорывом обороны врага на реке Луга закончился третий этап нашей наступательной операции. За этот период войска Волховского и Ленинградского фронтов продвинулись вперед на 50—100 километров и вышли на рубеж река Нарва, восточный берег Чудского озера, города Луга, Шимск.

В связи с сокращением линии фронта Ставка Верховного Главнокомандования решила расформировать Волховский фронт. Входявшие в него 59, 8, 54-я общевойсковые и 14-я воздушная армии с 15 февраля 1944 года передавались Ленинградскому фронту. Управление же Волховского фронта было выведено в резерв Ставки.

Новгородско-Лужская наступательная операция имела большое военно-политическое значение. В результате совместных действий двух наших фронтов было очищено от немецко-фашистских оккупантов 20 тысяч квадратных километров советской территории, окончательно ликвидирована блокада Ленинграда и района Невы, в полном объеме восстановлено движение по железным дорогам из Ленинграда на Вологду, Рыбинск, Москву, Новгород, Батецкую, Лугу.

За месяц наступательных боев войска только нашей 59-й армии освободили от врага около 740 населенных пунктов, мы вывели из строя более 34 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, а 1652 взяли в плен¹. Таким образом, основные силы 18-й немецко-фашистской армии были разгромлены.

В ходе подготовки и последующего проведения Новгородско-Лужской наступательной операции Военный совет и штаб нашей армии, весь личный состав от красноармейца до генерала проявили высочайшую ответственность, организованность и высокие морально-боевые качества. Ведь нам пришлось действовать в сложнейших климатических условиях, на лесисто-болотистой, во многих местах труднопроходимой, а подчас и вовсе непроходимой местности, взламывать заранее подготовленную, сильно укрепленную оборону противника, а затем преследовать, окружать и уничтожать его.

Как работник штаба армии, могу заметить, что разработка операции носила творческий характер. В основе ее лежало решение о нанесении двух комбинированных ударов по сходящимся направлениям. А это привело к окружению, а затем расчленению и уничтожению значительной группировки войск противника в районе Новгорода. В дальнейшем уже в глубине вражеской обороны наши войска, наращивая удары, широко применяли обходные

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 13, л. 33.

маневры, заставляли противника то и дело свертывать свои боевые порядки.

Одной из главных причин успешно завершившейся операции, думается, следует считать правильный выбор направления для главного и вспомогательного ударов, а также связанное с этим оперативное построение армии, боевых порядков корпусов и дивизий. Направление главного удара выбиралось с тем расчетом, чтобы, найдя, образно выражаясь, ахиллесову пяту в обороне врага, ударить именно по ней, разрушить тем самым всю его систему и открыть кратчайшие пути как к Новгороду, так и к рокадной дороге Новгород—Чудово для последующего окружения всей группировки врага.

Наличие плацдарма на западном берегу реки Волхов во многом способствовало выполнению этой задачи, так как мы имели возможность без предварительного форсирования реки под огнем врага разместить на нем значительные силы для намечаемого удара.

Сыграл свою положительную роль и вспомогательный удар через озеро Ильмень. Он хотя и был связан с риском, но дал нам в руки фактор внезапности, обеспечил возможность прорыва обороны противника в наименее укрепленном месте, а затем создал условия для довольно быстрого продвижения в глубь всей вражеской обороны, соединения южной группы войск армии с северной, которым и завершилось окружение фашистской группировки.

А исходя из направления главного и вспомогательного ударов, как уже говорилось выше, было избрано и оперативное построение армии. Корпуса и дивизии на направлении главного удара действовали в два эшелона, полки и батальоны — в один. Вперед высылались группы разграбления, штурмовые группы (по одной на батальон), танки прорыва. А затем уже шла пехота, усиленная артиллерией сопровождения и саперами.

В операции умело использовались и частные успехи, прорывы, куда немедленно вводились части и подразделения вторых эшелонов, а если требовалось, то и резервы.

В условиях лесисто-болотистой местности наиболее эффективным был маневр из глубины. Я уже писал выше о том, что, как только на направлении главного удара обозначился успех, для его развития командование армии оперативно ввело в бой подвижные отряды и части 65-й стрелковой дивизии, а также танковые бригады. А когда подобное случилось на вспомогательном направлении,

южная оперативная группа войск генерала Т. А. Свикина тут же была усилена 372-й стрелковой дивизией и полком из 225-й дивизии, а также бронепатальоном.

Следует, однако, заметить, что командование некоторых соединений не проявляло порой должной инициативы, слабо использовало маневр в бою, особенно при действиях в глубине обороны противника. На втором и заключительном этапе Новгородско-Лужской операции этим недостатком особенно страдали 377, 2 и 310-я стрелковые дивизии, наступавшие, соответственно, в районах Белое, Финев Луг, Вельяшева Гора. Эти соединения атаковали опорные пункты противника, как правило, в лоб, а следовательно, несли неоправданные потери. Думается, что подобная приверженность к прямолинейным действиям исходила из слишком длительного нахождения в обороне.

Другим серьезным недостатком следует считать то, что некоторые наши соединения не совсем настойчиво вели борьбу за дороги, межозерные дефиле, тогда как захват и удержание их при слабо развитой сети дорог в лесисто-болотистой местности имело конечно же огромное значение.

Наконец, в штабе армии не был как следует разработан вопрос о своевременной смене частей и соединений, измотанных боями, что отрицательно сказывалось на силе их удара, снижало темпы наступления. Ведь только на западном берегу реки Луга нам удалось отвести на доукомплектование 239-ю и 65-ю стрелковые дивизии и дать им хоть небольшую передышку. А другие соединения и вовсе не получали подобного.

Каждому известно, что как в период подготовки операции, так и при ее проведении огромную роль играют штаб армии, штабы родов войск и тыла, являющиеся центрами оперативно-тактической мысли, организаторами боя и обеспечивающие операцию всеми необходимыми для победы средствами. И надо сказать, что штаб нашей 59-й армии проявил настоящее искусство при организации взаимодействия соединений и частей, обеспечении устойчивого управления войсками на всех этапах операции. Исходя из условий местности, КП армии максимально приближался к войскам. Командующий, члены Военного совета с работниками штаба и политотдела часто выезжали в полки и дивизии, на месте изучали состояние дел, принимали необходимые меры. На решающие участки выезжали и начальники родов войск, чтобы тоже непосред-

ственно на месте оказать сражающимся частям помощь артиллерией, гапками, инженерными средствами.

Начальник штаба армии генерал-майор Н. П. Ковальчук был постоянно в курсе всех дел, чутко реагировал на любые изменения в обстановке, тут же принимал решения и докладывал о них командующему. При одобрении решений или внесении в них каких-либо изменений начальник штаба и мы, его помощники, быстро оформляли документы и доводили их до войск.

Но случалось и так, что командующий принимал решения, будучи где-нибудь в корпусе или даже в дивизии. Тогда начальник оперативного отдела подполковник Л. М. Крылов, как правило, всегда выезжавший вместе с командармом в соединения, прямо на месте писал боевые распоряжения и передавал их в нижестоящие штабы. Или же звонил нам, и уже мы под его диктовку оформляли документы, чтобы немедленно отправить их в корпуса и дивизии.

Успеху Новгородско-Лужской наступательной операции во многом способствовала и хорошо поставленная у нас партийно-политическая работа. Военный совет и лично член Военного совета армии генерал-майор П. С. Лебедев строили свою работу в тесном взаимодействии со штабом армии, другими отделами и службами, предметно руководили политическим отделом армии, политотделами корпусов и дивизий, умело опираясь на партийно-комсомольский актив, составлявший ядро всех подразделений, частей и соединений.

Наш поарм возглавлял в то время полковник А. Г. Королев — очень скромный, поразительно трудолюбивый, дисциплинированный человек, обладающий чувством высокой партийной ответственности. Он лично показывал всем нам пример беззаветного служения Родине, партии, народу.

Военный совет, поарм, политотделы корпусов, дивизий и бригад уделяли большое внимание укреплению в частях и подразделениях партийных и комсомольских организаций. Об этом говорит хотя бы такой факт, что в период подготовки к наступательной операции они были созданы во всех ротах и батареях. А во время боевых действий заметно усилился приток заявлений от бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды Коммунистиче-

ской партии и комсомола. Коммунисты и комсомольцы находились на самых ответственных участках, являя собой пример собранности, высокой дисциплинированности, стойкости, мастерского владения оружием.

Еще задолго до начала Новгородско-Лужской наступательной операции Военный совет и политический отдел армии провели сборы политработников и партийно-комсомольских активистов, на которых подробно говорилось о формах и методах партийно-политической работы в наступлении, об опыте такой работы на участках других фронтов, во многом сходных по условиям действий с нашими. На этих сборах работники штаба читали лекции о наступлении и обороне, о тактике ведения боя. Помнится, мне тоже довелось выступить с лекцией на тему «Форсирование широкой водной преграды стрелковым батальоном, прорыв им сильно укрепленной обороны противника».

И как показали потом итоги операции, хорошо поставленная в армии партийно-политическая работа явилась важным фактором в деле успешного претворения в жизнь замыслов и планов командования. Бойцы и командиры в боях за Новгород и другие наши города и села проявили поистине массовый героизм, смелость и находчивость в борьбе с сильным и коварным врагом.

ВМЕСТЕ С ФЛОТОМ

В феврале 1944 года наша 59-я армия сосредоточилась на рубеже реки Нарва западнее Сланцев, приняв от 2-й ударной армии Ленинградского фронта участок от устья реки Муштайы до озера Чудское. Вместе с ней здесь действовали части 117-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора В. А. Трубачева и 122-го стрелкового корпуса генерал-майора П. А. Зайцева. Задача, полученная нами, заключалась в том, чтобы не только удерживать, но и расширить захваченный ранее советскими войсками плацдарм на реке Нарва, а уже затем выйти на побережье Финского залива, чтобы во взаимодействии со 2-й ударной армией окружить и разгромить нарвскую группировку врага, после чего развивать наступление в направлении Раквере, Таллин.

В этот период мне хотя и по долгу службы, но все же удалось наконец-то впервые побывать в Ленинграде. Вместе с заместителем начальника поарма мы должны были выполнить здесь одно из заданий командования армии.

Вид Ленинграда в первый момент буквально ошеломил нас. Многие из его районов довольно сильно пострадали от частых артиллерийских обстрелов и бомбежек врага, на месте целых кварталов лежали руины. Оно и понятно. Ведь за время 900-дневной блокады фашисты выпустили по Ленинграду десятки, если даже не сотни тысяч снарядов, он то и дело подвергался воздушным налетам. Но город-герой, мужественные ленинградцы выдержали все выпавшие на их долю испытания. И не только выдержали, но и вместе со всем советским народом, его доблестной Красной Армией победили ненавистного врага.

Выполнив задание, мы с заместителем начальника парма объездили почти весь город. Постояли на берегу Невы, полюбовались Зимним дворцом, Исаакиевским собором, разводными мостами. Побывали и у дома Кшесинской, с балкона которого, возвратившись в Петроград из эмиграции, в апреле 1917 года выступал В. И. Ленин...

Настроение наше еще более поднялось, когда мы впервые за долгие годы войны, как говорится, по-людски пообедали, и даже в ресторане. Значит, в Ленинграде началась уже настоящая жизнь!

Возвратившись в штаб армии, мы рассказали о своем путешествии по Ленинграду друзьям. И они откровенно позавидовали нам.

А тем временем обстановка в районе боевых действий армии на Нарве сложилась трудная. На перешейке между Финским заливом и Чудским озером противник создал свою оперативную группу войск «Нарва», в состав которой вошло до десяти пехотных дивизий, поддержанных довольно мощной группировкой артиллерии. В нее включили даже дальнобойные крепостные орудия.

Свою оборону противник строил с опорой на крепость Нарву, где еще сохранились старые форты с почти непробиваемыми стенами, подземные казематы. Кроме того, ему удалось создать многослойную систему огня, хорошо пристрелять все подступы к городу, переправы через реку Нарва.

Занимаемый армией плацдарм в то время равнялся примерно 30—35 километрам в ширину и до 15 километров в глубину. Поэтому он тоже простреливался вражеским артиллерийским огнем, как говорится, и вдоль и поперек.

Обстановка осложнялась еще и тем, что 59-я армия получила фактически новые, незнакомые нам корпуса (о них я упоминал в самом начале), к тому же в течение нескольких месяцев они непрерывно менялись. Например, кроме 117-го и 122-го стрелковых корпусов в армию последовательно входили 43, 109 и 6-й стрелковые корпуса. Это, конечно, затрудняло как планирование предстоящей операции, так и управление войсками. К тому же все эти корпуса не были как следует укомплектованы ни личным составом, ни боевой техникой.

Естественно, что командованию и штабу армии пришлось немало потрудиться, прежде чем ее войска были

приведены в порядок, организована разведка противостоявшего нам противника.

А между тем наступала весна, грозящая непереносимой распутицей. Мы знали, что в Эстонии, в районе наших будущих боевых действий, много болот, но почти нет дорог. Выходит, что мы попали, что называется, из огня да в полымя.

Штаб армии принимал все необходимые меры по восстановлению дорог, проходящих по занятой нами территории. А на участке Сланцы — Косари усилиями наших стрелковых частей и инженерных подразделений была даже построена новая дорога, которая сразу же стала главной артерией снабжения войск армии всем необходимым. Руководили ее строительством член Военного совета генерал-майор Я. Г. Поляков (он ведал в армии вопросами тылового обеспечения) и начальник автодорожной службы подполковник П. Ф. Казаков.

В этот трудный для нас период в армию приехал командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров. Вместе с ним были командарм 2-й ударной генерал И. И. Федюнинский и командующий 8-й армией генерал Ф. Н. Стариков.

Леонид Александрович Говоров познакомился с обстановкой, внимательно выслушал доклад нашего командарма генерала И. Т. Коровникова о положении в войсках. Затем спросил:

— А хорошо ли вы и ваш штаб уяснили себе задачу, изложенную в приказе фронта о наступлении?

— Задача ясна, товарищ командующий, штаб армии уже разрабатывает на этот счет директиву, — ответил Коровников.

— Однако послушайте ее еще раз, — несколько официально произнес Говоров. И, обращаясь к генералу Федюнинскому, заметил: — Вы тоже, Иван Иванович, будьте внимательны. Ведь вам придется действовать вместе с Коровниковым.

И командующий фронтом, глядя на карту, изложил задачи 59-й и 2-й ударной армий.

По замыслу наша армия должна была наступать в направлении важного опорного пункта противника Ластеколонии, перерезать дорогу Нарва — Таллин и выйти затем в тыл группировки врага, оборонявшей Нарву. Одновременно в направлении Нарвы должна была наступать и 2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского. Та-

ким образом, в замысле командующего фронтом вырисовывался комбинированный удар по городу-крепости с разных направлений, что, на его взгляд, и должно было обеспечить успех операции.

Затем Л. А. Говоров еще раз спросил командармов, все ли им понятно, и, убедившись, что они уяснили свои задачи, сел в машину и уехал в штаб фронта.

Иван Иванович Федюнинский между тем еще некоторое время оставался в нашей армии, побывал в штабе, где вместе с его начальником генералом Н. П. Ковальчуком детально обсудил предстоящие совместные действия армий.

Генерал И. И. Федюнинский произвел на всех нас благоприятное впечатление. Очень жизнерадостный человек, он, несмотря даже на то, что приобрел громкую славу еще на Халхин-Голе, да и при прорыве блокады Ленинграда, вел себя просто, непринужденно.

— Да-а, крепкий орешек нам достался, коллега, — говорил Федюнинский, обращаясь к Коровникову. — Помнишь, русские его уже не раз раскалывали. Правда, с трудом, но раскалывали.

— И теперь не легче будет, — заметил наш командарм. — Времени маловато, а войска не очень-то готовы. Это у тебя, Иван Иванович, небось все отлажено...

— Да какое там! — отрицательно покачал головой Федюнинский. — Но... — Он указал пальцем вверх: — Там сказали, что надо срочно взять Нарву. Сам товарищ Сталин приказал. Говорят, этого требует военная и политическая обстановка. Вот Леонид Александрович и торопится...

С этого момента в штабе армии началась лихорадочная работа по подготовке к наступлению. Быстро отправили боевые распоряжения в войска, оформили приказ. И уже 1 марта 1944 года наши части атаковали противника с рубежа Митретский, Разбегай, Метсавахт, что восточнее Сиргала.

Враг сразу же оказал нам упорное сопротивление. А мы из-за отсутствия времени, сил и средств, естественно, не сумели создать решающего превосходства над ним. Артиллерии было мало, боеприпасов тоже. Поэтому артподготовка длилась всего лишь 20 минут. Понятно, что система огня у гитлеровцев была подавлена не полностью и фашисты встретили нас достаточно организованно —

сильными контратаками и бомбежками с воздуха. Мы за-топтались на месте.

Не сумели прорвать оборону врага и войска 2-й ударной армии. Бои за Нарву приобрели затяжной характер и длились несколько недель. Мы понесли здесь большие потери. Но и враг был тоже изрядно потрепан. Например, с 1 марта по 8 апреля 1944 года фашисты потеряли на поле боя свыше 20 тысяч своих солдат и офицеров, 82 самолета, более 60 танков, около 400 орудий и минометов, много другой боевой техники и оружия¹.

В упорных и кровопролитных боях, длившихся весь март и начало апреля, войска 59-й армии несколько расширили свой плацдарм. Но это, как оказалось, имело лишь тактическое значение.

10 апреля 1944 года наши войска передали свой участок обороны 8-й армии, а сами заняли новый, идущий от истока реки Нарва вдоль восточного побережья Чудского озера. Здесь гитлеровцы тоже не оставляли нас в покое — то и дело применяли мощные атаки.

В этот период я не раз бывал в полку, которым командовал мой боевой друг, бывший работник оперативного отдела нашей армии уже подполковник И. А. Харичев.

Я и раньше знал, что Иван в какой-то степени тяготился штабной работой, просто мечтал уйти на командную должность. И добился-таки своего! И вот теперь его полк оборонял маленький плацдарм-пятачок, расположенный как раз в том месте, где река Нарва вытекает из Чудского озера. И хотя плацдарм, повторяю, был крохотным, полк Харичева довольно хорошо укрепил его по всем правилам инженерного искусства. Оно и понятно. Ведь Иван всегда слыл у нас грамотным штабником, умел и строить оборону, и наступать. И вот сейчас...

Полк подполковника И. А. Харичева вначале тоже наступал. Но, как и все части и соединения армии, большого успеха не добился и перешел к обороне. На его позиции гитлеровцы то и дело обрушивали шквал огня, шли в атаки, пытаясь сбросить советских храбрецов в реку. Но войны Харичева стояли насмерть. Они не только отражали атаки врага, но и сами переходили в контратаки, отбрасывая фашистов от своих позиций.

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 13, л. 38.

В одной из таких контратак мой лучший друг Иван Андреевич Харичев пал смертью героя. Не хотелось верить в эту утрату. Но что поделаешь: война есть война...

Постепенно в боях и походах боль сердца стала утихать. Но однажды, уже после войны, она вновь вспыхнула так сильно, что мне пришлось пережить этот трагический момент как бы с самого начала...

...Вступительные экзамены позади. Я — слушатель первого курса Военной академии имени М. В. Фрунзе. Радости моей, естественно, не было предела. Но когда она несколько поутихла, стали одолевать житейские проблемы, в частности нерешенный вопрос с жильем. Тогда, в первые послевоенные годы, с этим делом было довольно туго.

Пошел искать частную квартиру. Для начала решил зайти в дом, стоящий рядом с академией. Позвонил в одну из первых же квартир. Мне открыли дверь. Вошел, огляделся. И... обмер. Со стены, с портрета, прямо на меня смотрел... Иван Харичев.

Хозяйка, открывшая дверь, конечно, сразу не поняла причины моей растерянности. Даже вроде бы испугалась моего мелового лица. Но потом, перехватив взгляд, обращенный на портрет, почти крикнула: «Да это же он, мой Ваня!»

Придя в себя, я рассказал Харичевой все, что знал о гибели своего боевого друга. Затем мы вместе перебирали скромные фронтовые фотографии, снимки юных Ивановых лет. Его жена все время всхлипывала. Я тоже никак не мог сглотнуть запечатавший горло тугой комок...

Но все это ждет меня впереди. А пока...

Войска Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л. А. Говорова после нескольких месяцев оборонительных боев в июне вновь перешли в наступление и во взаимодействии с кораблями Балтийского флота довольно успешно провели Выборгскую операцию. Так, к 20 июня 1944 года они овладели городом Выборг и отбросили противника на рубеж река Вуокси, Репола, Аутио. Одновременно балтийские моряки освободили от врага часть прибрежных островов Финского залива. 21-я армия Ленинградского фронта к середине июня очистила от гитлеровцев полуостров Койвисто. Однако противник вскоре начал оказывать столь упорное сопротивление, что войска

21-й и 23-й армий вынуждены были остановиться и вновь перейти к обороне.

Вот в этот-то период наша 59-я армия и получила новую задачу по овладению островами Выборгского залива и созданию для фронта исходного положения для броска на побережье Финляндии.

К 29 июня, передав войска и полосу обороны на реке Нарва и Чудском озере снова 8-й армии, полевое управление с армейскими частями и тылом сосредоточилось в районе Ниемеля, что на восточном побережье Выборгского залива. Вскоре в состав армии были включены из резерва Ленинградского фронта 124-я стрелковая дивизия под командованием полковника М. Д. Панченко и 224-я стрелковая дивизия полковника Ф. А. Бурмистрова.

Мне с группой работников штаарма некоторое время пришлось еще оставаться на прежнем месте, чтобы проследить порядок передачи наших войск и полосы обороны 8-й армии. Здесь-то меня и застало письмо моего однокашника по училищу.

... Читал его, и в памяти оживали картины прошлого, дни и годы неповторимой юности. Вспомнилось, как весной 1936 года в нашей Железной дивизии, что дислоцировалась на Украине, начался отбор кандидатов для учебы в Московской школе имени ВЦИК. Комиссия была придирчивой, очень строго следила за тем, чтобы среди отобранных было как можно больше выходцев из рабочих и крестьян. Обращалось внимание и на рост — в кандидаты на учебу зачислялись те, кто имел не менее 175 сантиметров.

Мы знали, что школа эта размещается на территории самого Кремля, что курсанты несут почетный караул и у Мавзолея В. И. Ленина. Естественно поэтому, что каждый из нас стремился стать «кремлевцем» — так в народе любовно называли курсантов этой школы.

Мне повезло: комиссия включила меня в список кандидатов на учебу. Но это было еще не все. Предстояло сдать предварительные вступительные экзамены.

Выдержали их немногие, всего лишь несколько человек из дивизии, в их числе и я. И сразу же отправились в Москву, в Серебряный бор, где в то время размещались лагеря этой школы. И там снова держали экзамены.

Вначале у меня все шло хорошо. Но вот на последнем испытании «срезался», получил двойку по русскому язы-

ку. Расстроился неимоверно. Значит, мечта моя стать командиром Красной Армии не осуществится.

Начал уж было собирать вещички, чтобы вернуться в Железную дивизию. Но тут вмешалась мандатная комиссия: парень-то, мол, из шахтеров, крепкий, видимо, и упорный, наверстает пробелы в своих знаниях, надо бы зачислить.

И зачислили.

Так в июле 1936 года я стал курсантом Московской пехотной школы имени ВЦИК, которая в марте 1937 года приказом Народного комиссара обороны СССР была переименована в Московское военное училище имени ВЦИК. А в декабре 1938 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР стала называться Московским училищем имени Верховного Совета РСФСР. Сейчас же, как известно, училище носит наименование Московского высшего общевойскового командного ордена Ленина, Краснознаменного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Каждый курсант школы знал, что наше военное учебное заведение в свое время окончил и прославленный герой войны в Испании А. И. Родимцев. Мы даже встречались с Александром Ильичом, когда он только что получил за участие в испанских событиях высокое и очень еще редкое тогда звание Героя Советского Союза. Но могли кто-нибудь из нас знать в те дни, что А. И. Родимцев отличится затем и на полях Великой Отечественной войны, что Родина наградит его, участника Сталинградской битвы, второй Звездой Героя!

Вместе со мной, но только в артиллерийском дивизионе, учился и сын выдающегося героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева — Александр Чапаев. Это был очень скромный, обаятельный человек, никогда не стремившийся подчеркнуть, что принадлежит к такой известной и популярной в стране семье.

Война застала капитана А. В. Чапаева в Подмоскowie. Артиллерийский полк, где он служил, почти сразу же направился на фронт. И в Белоруссии принял первый бой. Артдивизион под его командованием около суток удерживал очень важную дорогу. И отступил только по приказу.

Позже, уже под Юхновом, капитан А. В. Чапаев принял на себя командование полком и снова отличился. Об этом я прочитал на фронте в газете, в сообщении Советского информационного бюро и искренне порадовался за своего однокашника.

После войны мы встретились с Александром Васильевичем уже на службе в Московском военном округе. К тому времени он стал генерал-майором артиллерии и занимал должность заместителя командующего ракетными войсками и артиллерией округа. И лишь в семидесятих годах ушел на заслуженный отдых.

Очень хотелось бы рассказать и еще об одном моем товарище. Я имею в виду Рубена Ибаррури. Правда, он закончил наше училище уже в 1940 году, когда я командовал там курсантским взводом, но мы часто встречались с Рубеном, и я с волнением слушал его рассказы о том, как он участвовал в боях с фашистами в республиканской Испании, не раз смотрел смерти в глаза. Помнится, он очень часто повторял, что наша страна стала для него второй родиной.

И эту родину он защищал до последней капли крови. В бою у Борисова Рубен, командуя пулеметным взводом, был тяжело ранен. Но, вылечившись, снова попросился на фронт. Уже в должности командира роты защищал Сталинград. Там и погиб, до конца выполнив свой долг перед своей второй родиной — Союзом Советских Социалистических Республик. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Назову имена и других бывших курсантов моего родного училища, которые также прославили своим героизмом нашу Родину и ее Вооруженные Силы. К ним с полным правом можно отнести Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, маршала артиллерии К. П. Казакова и многих, многих других.

Помнится, еще в мою бытность командиром курсантского взвода на одном из тактических учений, в котором участвовал и личный состав нашего училища, мне довелось встретиться с Маршалами Советского Союза К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным.

Учение было двусторонним. Мы оборонялись, а на нас наступали. И вот в самый разгар событий к позициям моего взвода подкатило несколько легковых автомашин. Из них вышли Ворошилов и Буденный, которых сопровождали начальник училища, начальник политотдела и другие наши командиры. Все направилось к окопам.

Заметив высокое начальство, я было выскочил из своей ячейки и бросился навстречу маршалам, чтобы доложить как положено. Но Климент Ефремович махнул рукой, что означало — оставайтесь на месте.

Группа подошла к моему окопу.

— Что, и на войне вот так докладывать побежите? — сказал Ворошилов, ловко спрыгивая в соседний со мной окоп. — Неразумно. Так ведь и голову потерять немудрено.

И, заметив мое замешательство, тут же перевел разговор на другое. В частности, очень подробно расспросил, какие рубежи пристреляны взводом, из какого оружия, выделены ли пулеметы для ведения флангового огня.

Я, волнуясь, все же довольно четко отвечал на вопросы. А Семен Михайлович Буденный стоял наверху и, поглаживая усы, улыбался. Когда же Ворошилов, выслушав меня, собрался вылезти из окопа, чтобы направиться к другому взводу, Буденный неожиданно задал вопрос:

— А вы откуда родом, товарищ командир взвода?

— Донбасский, товарищ маршал.

Услышав это, Ворошилов с удовольствием кивнул головой и сказал:

— Мой земляк, значит, шахтер...

— Так точно, шахтер, товарищ маршал, — ответил я. — Из Пролетарска.

— Ну, поздравляю, земляк, — крепко пожал мне руку К. Е. Ворошилов. — Оборону ты подготовил крепкую. Видимо, шахтерская закалка и здесь пригодилась. Дерзай и дальше. Других уча, учись и сам.

Собственно говоря, я всегда поступал именно так.

Курсантским взводом мне пришлось командовать полтора года. За это время стал кандидатом, а потом и членом ВКП(б). Партийный билет мне вручал генерал А. А. Лобачев, начальник политического управления столичного округа.

Однажды нас, группу молодых командиров-коммунистов, неожиданно вызвали в Центральный Комитет партии. Провели сначала в приемную, а затем и в кабинет к одному из секретарей ЦК ВКП(б). Мы вошли недоумевающие, взволнованные.

Из-за стола навстречу нам поднялся среднего роста, полноватый, довольно крепко сложенный человек в полувойенной форме. Поздоровался с каждым в отдельности за руку, предложил сесть. Поинтересовался, как мы живем,

как работаем, когда вступили в партию, откуда родом. Выслушав, удовлетворенно кивнул и сказал:

— Выходит, что все вы, товарищи, из рабочих и крестьян, народ боевой, надежный. Именно о таких командирах из народа и мечтал в свое время Владимир Ильич Ленин. А пригласил я вас вот по какому поводу. По решению ЦК партии мы организуем курсы по подготовке и усовершенствованию руководящих партийных работников. Вам придется обучать их военному делу. Предупреждаю, что люди там соберутся почтенные, иные в отцы вам, пожалуй, годятся. Но ничего не поделаешь. Обстановка требует заранее готовить партийные военные кадры. Так что беритесь за дело. Надеемся, что вы оправдаете оказанное вам доверие.

Так я простился с родным училищем и отбыл на эти, честно говоря, малопонятные мне курсы. Но приказ есть приказ.

Люди, которых нам предстояло обучать, были действительно почтенными. И не только в смысле возраста. На курсы были собраны секретари горкомов, обкомов и даже ЦК компартий республик. В петлицах они носили, как правило, по две-три шпалы и даже по ромбу. А мы... У меня, к примеру, было всего три кубаря — звание старшего лейтенанта. Но что поделаешь, приказ есть приказ. Поставили преподавателем — учи.

Работали мы на курсах очень много и напряженно. Здесь-то нас и застало известие о начале войны.

Естественно, что каждый из нас горел желанием немедленно попасть на фронт. Но не тут-то было! Нам приказали на время забыть об этом и продолжать готовить для фронта кадры политсостава. Пришлось смириться, тем более что вскоре к нам прибыли на кратковременную переподготовку политработники специальных строительных частей. Это внесло некоторую специфику, нужно было к ней подстраиваться. А за делами и заботами — не до рапортов.

И все-таки вскоре мы снова принялись донимать свое начальство прежними просьбами. Довод был один: пожилые едут на фронт, а мы, молодые, торчим в тылу. Обучать людей на курсах смогут и командиры из запаса.

Вскоре нас, группу наиболее нетерпеливых, буквально засыпавших начальство своими рапортами, вызвали в Москву. Попали на прием к армейскому комиссару

Б. А. Щаденко. Тот, окинув нас вначале строгим взглядом, спросил:

— Значит, на фронт захотели?

— Так точно, товарищ армейский комиссар, па фронт! — твердо заявили мы в один голос.

— Что ж, хвалю за храбрость. — Глаза Щаденко заметно потеплели. — Сам воевал в гражданскую, понимаю. Где уж тут усидеть, когда такая драка идет. Хотя мы и отбросили врага от нашей столицы, но он еще силен, его бить и бить надо... — Щаденко замолчал, прошелся по кабинету. И неожиданно закончил: — Я одобряю ваше решение. Получите предписание и, как говорится, — в добрый путь.

Так я оказался на фронте.

...Вот о чем напомнило мне письмо однокашника. Но вскоре нахлынувшие было воспоминания как-то отошли на второй план, потесненные сиюминутными заботами. Нужно было как можно скорее кончать работу на старом месте и добираться в район новой дислокации штаба армии.

Итак, войска нашей 59-й армии готовились к новой операции. После соответствующей подработки в штабе фронта их задача сводилась к следующему: во взаимодействии с моряками Кронштадтского оборонительного района, который возглавлял вице-адмирал Ф. Ю. Ралль, овладеть островами Выборгского залива Раван-Сари, Суоинон-Сари, Тейкар-Сари и другими, тем самым создав благоприятные условия для высадки советских войск на финское побережье. А те уже, ударив с тыла по выборгской группировке противника, должны были обеспечить успех наступающим корпусам и дивизиям 21-й армии.

Операцию командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров планировал начать не позднее 4 июля 1944 года. Выходит, что на подготовку к ней нам отводилось всего лишь несколько дней.

С чего же начал штаб армии свою работу в этих необычных для нас условиях? Конечно же с выяснения сложившейся на этом участке фронта обстановки, хотя бы краткого анализа ее, с оценки противостоящего нам противника.

Перед нами оборонялись подразделения и части финской армии, которые, как нам было уже известно, по

своим боевым качествам почти не уступали немецко-фашистским. Оборона противника базировалась на использовании труднодоступных естественных рубежей. Все не только крупные, но и мелкие острова, запиравшие вход в Выборгский залив и прикрывавшие побережье Финляндии, были превращены в укрепленные форты с хорошо развитой системой огня, которая к тому же дополнялась еще и огнем артиллерии с суши. В узких проходах и в заливах противник применял подводные минные и стальные сетевые заграждения. На мелководье использовались донные мины и мины-ловушки. Как мы потом выяснили, только за период с 21 по 28 июня 1944 года финны установили на подходах к островам Тейкар-Сари, Суонион-Сари, а также к островам северного побережья Выборгского залива четыре ряда минных заграждений, использовав для этого несколько тысяч мин.

На крупных островах размещались вражеские гарнизоны силой от роты до батальона, на мелких — взводы или боевые группы. Словом, если внимательнее оценить силы противостоявшей нам финской армии, особенно на противоположном побережье залива, то станет ясно, что мы должны были иметь дело с серьезным и очень хорошо оснащенным противником, к тому же прекрасно укрепившимся на своих позициях.

Подтвержу это фактами. Группировка финских войск в районе Выборгского залива включала в себя следующие соединения. Побережье залива южнее Нисалаhti занимала 2-я бригада береговой обороны. На северо-запад от Нисалаhti оборонялись соединения 5-го армейского корпуса, а именно: усиленная 1-я кавалерийская бригада этого корпуса, которая находилась на островах; его 17-я пехотная дивизия, которая обороняла мыс Тиенхара и Кивасиллансалми; сухопутный участок фронта от Сайменского канала до озера Вентелянселькя занимала 3-я пехотная бригада. В резерве же командира 5-го армейского корпуса находилась 10-я пехотная дивизия, которая дислоцировалась недалеко от Тиенхара, а также 11-я пехотная дивизия и 20-я пехотная бригада, располагавшиеся в районах Ховинма и западнее Юустила.

На этом же направлении находился и резерв верховного главнокомандования финской армии — немецкая 122-я пехотная дивизия, которая была срочно переброшена сюда из Эстонии.

В Финском заливе (в восточной его части) противник

сосредоточил и значительные военно-морские силы, в его распоряжении находилось немало боевых самолетов.

А что же представляла собой вражеская оборона на островах? Это — цепь стрелковых окопов и пулеметных гнезд, прикрытых огнем артиллерии и минометов, расположенных как тут же, на островах, так и на материке.

Проволочных заграждений на островах было мало, но зато взрывных — хоть отбавляй: минные поля устанавливались не только в прибрежной полосе, но и на мелководье. Они также прикрывались пристрельным огнем пехоты и артиллерии.

Действия гарнизонов островов поддерживали 31-я артиллерийская батарея, минометные средства 1-й кавалерийской бригады и 2-й бригады береговой обороны. Всего — 130 орудий и минометов калибра от 75 до 220 миллиметров.

Здесь следует уточнить, что времени на ведение разведки у нас, естественно, почти не было, поэтому все приведенные выше данные штаб нашей армии заполучил в основном от командований как фронта, так и Кронштадтского морского оборонительного района.

В период подготовки к операции на КП нашей армии приехал командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц. Здесь он встретился с командармом 59 генералом И. Т. Коровниковым.

После обмена приветствиями Коровников спросил Трибуца:

— Владимир Филиппович, какими силами будут располагать моряки адмирала Ралля в предстоящей операции?

— Немалыми, — ответил В. Ф. Трибуц. — В десантной операции будут участвовать морские бронекатера с танковыми башнями, бронированные катера-охотники, тоже имеющие артиллерию, торпедные катера, катерные тральщики, десантные тендеры, то есть все, без чего невозможно вести боевые действия в шхерах. Авиация флота — а это около трехсот бомбардировщиков и штурмовиков — надежно прикроет десант с воздуха, обеспечит его высадку и последующее продвижение на островах. С берега будет действовать гвардейская морская артиллерийская железнодорожная бригада, включающая в себя девять батарей с калибром орудий сто тридцать — сто восемьдесят миллиметров.

А для десантирования войск 59-й армии, как тут же пояснил В. Ф. Трибуц, будут выделены два парома, 32 тендера, 30 катеров.

— Кроме того, — вставил присутствующий при этом разговоре начштаба 59-й армии Н. П. Ковальчук, — наши инженерные войска тоже изготовили несколько десятков плотов и лодок. Да часть переправочных средств мы перевезли сюда с Невы и Ладожского озера. В итоге имеющиеся плавсредства можно будет в один рейс поднять до одного стрелкового полка.

Словом, оперативно-тактические задачи с командованием Краснознаменного Балтийского флота были согласованы. И штаб армии на основе директивы фронта от 2 июля 1944 года и решения командарма приступил к непосредственному планированию операции.

Из многих десятков островов Выборгского залива нам прежде всего нужно было захватить, что называется, опорные, крупные острова, такие, как Тейкар-Сари, Суопиоп-Сари и Раван-Сари, которые запирали вход в него. А овладев ими, можно было затем очищать от противника и более мелкие острова, превращая их в своеобразные «пролеты моста», ведущего к северному побережью Выборгского залива.

По решению командарма операция должна была проходить в четыре этапа. На первом этапе 124-я и 224-я стрелковые дивизии совместно с силами флота должны были захватить главные острова Выборгского залива, на втором, используя освобожденные острова для исходного положения, подготовить плавсредства и воинские части для переправы на материк в целях захвата там плацдарма. Захват плацдарма и развитие наступления на Тиенхара, то есть выход в тыл выборгской группировке противника и соединение там с 21-й армией Ленинградского фронта, — задачи третьего и четвертого этапов операции.

Предполагалось, что при выполнении этой задачи 59-я армия будет усилена сначала одним, а затем и еще одним-двумя стрелковыми корпусами.

В ограниченное время командование и штаб армии провели соответствующую работу по тренировке личного состава для действий в условиях десанта. В этом деле нам большую помощь оказали моряки-балтийцы. Они делились с красноармейцами и младшими командирами своим личным опытом участия в десантных операциях, показывали, как нужно занимать свое место на тендере, пароме, ка-

ким образом пользоваться стрелковым оружием на случай морского боя, как высаживаться на берег и занимать место в боевом порядке. А командиры подразделений и политработники, представители штабов разъясняли бойцам, что операция будет интенсивно поддерживаться авиацией и артиллерией, боевыми кораблями, а им нужно только как следует подготовиться, настроить себя, чтобы, высадившись на острова, действовать там, как в обычном наступательном бою.

Противник, естественно, в это время тоже не дремал. И таким-то образом определив, куда мы планируем нанести свой главный удар, он срочно перебросил часть своих сил с материка на остров Тейкар-Сари и отразил нашу первую попытку овладеть этим островом.

А ее мы предприняли в ночь на 1 июля. Тогда отряд десантников из 185-го стрелкового полка 224-й дивизии и группа разведчиков из 260-й бригады морской пехоты под покровом темноты высадились на Тейкар-Сари. Они сразу же овладели южной частью острова. Но противник, предприняв ряд яростных контратак, в конце концов вынудил десантников покинуть Тейкар-Сари.

Таким образом, наш десант на этот крупный остров не удался. Но он помог лучше выявить огневую систему на Тейкар-Сари, силы противника, оборонявшиеся там. Словом, это была своеобразная разведка боем, после которой наступила небольшая пауза.

Она продлилась до 4 июля. А на рассвете этого дня было решено высадить десант сразу на три острова — Тейкар-Сари, Суонион-Сари и Раван-Сари. Силы — 143, 160 и 185-й стрелковые полки 224-й дивизии, по полку на каждый остров. Причем на Тейкар-Сари и Суонион-Сари десант намечалось высадить средствами флота, а на остров Раван-Сари — на армейских переправочных средствах.

В плане артиллерийского обеспечения операции предусматривалась 75-минутная артиллерийская подготовка, которая распределялась так: пятиминутные огневые налеты по островам в начале и в конце артподготовки, между налетами — методический огонь. Для этой цели привлекалась артиллерия как нашей армии, так и кораблей, кроме того, береговая и железнодорожная артиллерия. Всего около 250 орудий калибра от 85 до 180 миллиметров.

Для авиационного обеспечения операции были сосре-

доточены почти все самолеты авиации Краснознаменного Балтийского флота и 13-й воздушной армии. Только в первый день боевых действий предусматривалось произвести около 1000 самолето-вылетов.

В целях обеспечения внезапности форсирования залива сосредоточение и подготовка десантных средств производились в бухте Макслаhti, а уже оттуда корабли были скрытно переведены прибрежными шхерами в залив Иоханнес, в район посадки войск.

Предусматривалась и дымомаскировка.

... 7 часов утра 4 июля. Катера и тендеры, взяв на борт боевую технику и людей, начали движение к островам. С воздуха их прикрывали истребители. А чуть раньше наши артиллерия и авиация нанесли мощные удары по противодесантной обороне островов и финского побережья.

Противник, однако, сразу же оказал нам упорное сопротивление. Он обстрелял десанты еще на подходах к островам, умело применил минные заграждения, на которых вследствие не совсем удачно поставленной дымовой завесы подорвалось несколько наших катеров. Но несмотря на это, к 11 часам утра десантные отряды уже совершили высадку на острова Раван-Сари и Суонион-Сари, а к вечеру они были полностью очищены от противника.

Развивая успех, 143-й и 185-й стрелковые полки, которыми командовали соответственно подполковник А. И. Гришин и подполковник Ф. И. Демин, захватили еще несколько островов. Здесь стрелковым подразделениям большую помощь оказала не только артиллерия, но и танки, доставленные на острова на спаренных паромках.

Десантирование же на остров Тейкар-Сари, которое производил 160-й стрелковый полк майора С. Н. Ильина, проходило тем временем не совсем гладко. Дело в том, что полк высадился на остров на час позже других, потерял связь со штабом и поэтому не смог вызвать на помощь ни артиллерию, ни авиацию. Более того, тендер, на котором находились работники штаба полка, подорвался на mine и затонул. Штаба не стало. И все-таки майор Ильин не растерялся. Полк под его командованием сумел занять значительную часть острова — южную и центральную. И это без всякой огневой поддержки! Но вскоре противник, подтянув резервы, контратаковал 160-й стрелковый полк. И не только остановил его дальнейшее продвижение, но и потеснил на южную оконечность острова. Завязались жестокие бои. Наши бойцы и командиры муже-

ственно дрались за каждый метр земли. Но уж слишком неравными были силы...

Штаб армии все время пытался установить связь с полком на Тейкар-Сари. На остров с группой связистов был направлен на катере майор В. К. Шакера, работник нашего отдела. Он сумел-таки добраться туда и доложил по радию, что противник оттеснил наш полк на южную оконечность острова, непрерывно атакует десантников крупными силами, наши бойцы дерутся теперь с врагом почти у самой кромки воды. И вдруг... «Все, друзья, и погибаю...» Это были последние слова майора В. К. Шакеры. Связь со 160-м полком снова прервалась.

Послали на Тейкар-Сари еще одну группу. Но она погибла еще на подходе к острову.

И все-таки связь с полком майора С. Н. Ильина вскоре восстановилась. Наладил ее один из связистов из группы погибшего майора В. К. Шакеры.

Обстановка на острове прояснилась. Командарм И. Т. Коровников и начштаба Н. П. Ковальчук, оценив ее, пришли к решению, что пора вводить в дело резерв.

— Николай Прокофьевич, что у нас там в резерве? — спросил Коровников начальника штаба.

— Два стрелковых батальона и несколько танков.

— Маловато. И все-таки готовьте распоряжение для высадки их на Тейкар-Сари. Кстати, как с паромами для танков?

— Есть два парома, танки выдержат. Ну а пехоту... Ее отправим на подручных средствах.

Это решение командарм принял ровно в полночь с 4 на 5 июля 1944 года. А к 11 часам 5 июля батальон 406-го стрелкового полка при поддержке четырех танков (группу возглавил командир 124-й стрелковой дивизии полковник М. Д. Панченко) высадился на остров. Высадка прикрывалась огнем артиллерии и ударами авиации.

Помощь подоспела как раз вовремя. Вскоре объединенными усилиями остатков 160-го стрелкового полка и группы полковника М. Д. Панченко, которых поддерживали огнем и корабли, Тейкар-Сари был взят. Об этом 5 июля в 23 часа Военный совет доложил командованию Ленинградского фронта.

Следует заметить, что финское командование предприняло несколько энергичных попыток оказать помощь сво-

им островным гарнизонам. Утром 4 июля, например, из Хапасарских шхер в Выборгский залив пытались прорваться четыре канонерские лодки и шесть десантных барж в сопровождении сторожевых катеров. Но на этот караван сразу же обрушили огонь наши железнодорожные батареи, штурмовая авиация и торпедные катера. Корабли противника, понеся ощутимые потери, вынуждены были повернуть обратно и скрыться в шхерах.

Затем последовала еще одна попытка. На этот раз два вражеских транспорта, три десантные баржи, канонерская лодка и группа больших катеров попытались помочь гарнизону на острове Тейкар-Сари. Но и здесь противника постигла неудача. Комбинированным ударом групп торпедных катеров, бронекатеров, железнодорожной артиллерии, самолетов-штурмовиков и истребителей был разгромлен и этот караван.

В период операции настоящее мужество и героизм проявили и военные моряки. Особенно подчиненные капитана 2 ранга В. Н. Герасимова и капитана 3 ранга В. С. Сиротинского. Но в бою за остров Тейкар-Сари Герасимов погиб. Тогда Сиротинский приказал взять на буксир своего катера оставшийся без хода тендер друга и попытался повести его за собой. Но тут на тендере раздался взрыв, начался пожар. Сиротинский сблизился с горящим кораблем и пересадил десантников с тендера на свой катер. Вскоре они были доставлены на остров.

Итак, Тейкар-Сари к исходу 5 июля был взят. Вслед за ним противник оставил и острова Хиэта-Сари и Кюстерин-Сари. А ночью свежие батальоны 406-го стрелкового полка 124-й стрелковой дивизии вышибли финнов с Мелан-Сари и Куолан-Сари.

В последующие дни части 224-й и 124-й стрелковых дивизий заняли еще свыше пятнадцати островов, примыкающих к западному и северо-западному побережью Выборгского залива, в том числе и несколько таких, которые были связаны дамбами и мостами с финским побережьем. Казалось, приложи еще одно усилие — и наши войска выйдут на северо-западное побережье Выборгского залива, а оттуда нацелят свой удар в тыл выборгской группировке противника, что, собственно, и являлось конечной целью операции.

Но силы наступающих полков и соединений армии были на исходе. А обещанные фронтом стрелковые корпуса все еще не поступали. Больше того, 10 июля 1944 года

мы вдруг получили шифротелеграмму из штаба Ленинградского фронта, в которой предлагалось десантные операции по очистке островов от противника в северо-западной части Выборгского залива временно прекратить¹.

Во исполнение этой шифротелеграммы наш штаб ут-ром 11 июля отдал командирам 124-й и 224-й стрелковых дивизий соответствующую директиву. В ней предлагалось немедленно приступить к организации жесткой противодесантной и противокатерной обороны на занятых островах. Районы возможной высадки десантов противника рекомендовалось прикрыть инженерными заграждениями и минными полями, причем наиболее плотную оборону рекомендовалось создать на ключевых островах залива — Раван-Сари, Суонион-Сари и Тейкар-Сари.

В директиве обращалось особое внимание на то, чтобы создаваемая система огня на островах обеспечивала взаимную фланкирующую огневую связь между ними. Всю полковую и батальонную артиллерию было решено использовать на прямой наводке для организации противокатерной и противодесантной обороны островов по наиболее вероятных направлениях действия противника. Придавалось большое значение и укреплению флапговых островов, обеспечению стыков между ними.

В этой же директиве на командиров соединений возлагалась персональная ответственность за оборону островов, ставилась задача на выделение подвижных резервов для борьбы с предполагавшимися десантами противника. Их рекомендовалось создавать из такого расчета: на роту — одно-два отделения, на батальон — один-два стрелковых взвода, на полк — одна-две усиленные стрелковые роты. Эти резервы необходимо было обеспечить переправочными средствами — лодками и плотами.

Помнится, когда командарм И. Т. Коровников ознакомился с проектом этой директивы, то, прежде чем утвердить ее, он сделал весьма существенную приписку: «Требую от командиров соединений организовать непрерывную разведку с целью выяснения сил и средств противника, системы его обороны, огня, заграждений, чтобы быть готовыми перейти в наступление и успешно разгромить группировку финнов на северо-западном побережье Выборгского залива»². И это указание было, конечно,

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 514, л. 21.

² Там же, л. 23.

очень важным, оно нацеливало войска и штабы на то, чтобы быть в готовности в самое ближайшее время выполнить задачу фронта — переправиться на финское побережье и выйти в тыл Выборгской группировке противника.

В эти же дни мне пришлось участвовать и в разработке другой директивы штаарма, датированной 15 июля 1944 года. Она была отправлена командирам 43-го стрелкового корпуса и 224-й стрелковой дивизии. В ней, в частности, 43-му стрелковому корпусу предлагалось принять в свое оперативное подчинение 224-ю дивизию и, до 16 июля произведя перегруппировку частей, перейти к жесткой обороне занимаемых рубежей как на островах, так и на юго-восточном побережье Выборгского залива.

В директиве штаарма указывалось, что справа, в междуозерном дефиле севернее и северо-восточнее Выборга, обороняется 21-я армия, а слева группу островов занимают 125-й и 289-й ОПАБ. Подходы к ним со стороны моря охраняются кораблями Краснознаменного Балтийского флота. Северо-восточное побережье Выборгского залива приказывалось оборонять двумя батальонами из 80-й стрелковой дивизии.

224-я стрелковая дивизия согласно директиве меняла части 124-й дивизии. Последняя же после сдачи обороны островов должна была подготовиться к отражению возможных десантов противника, провести тренировки как для действий в десантной операции, так и для ведения боя в лесисто-каменистой местности.

Следовательно, штаб армии, разрабатывая планы по обороне захваченных в Выборгском заливе островов, одновременно нацеливал свои войска и на то, что они должны быть готовыми в любое время перейти в решительное наступление.

Вторая половина июля и август 1944 года прошли, однако, в оборонительных боях. Работники штаба армии тоже занимались сугубо повседневным делом — выезжали в войска для контроля за исполнением приказов и директив, проводили рекогносцировку местности в отдельных районах, на островах.

Наступило 4 сентября. В этот день к нам поступили сведения, что противник, по всей видимости, готовит массовый отвод своих войск с еще не занятых нами остро-

вов и с северо-западного побережья Выборгского залива. Штаб армии тут же отдал боевое распоряжение командиру 43-го стрелкового корпуса, в котором говорилось, что в случае начавшегося отхода противника корпусу следует немедленно перейти к активным действиям по его преследованию, отрезая врагу пути отхода с помощью подвижных отрядов. Рекомендовалось окружать колонны противника и предлагать разоружиться, в случаях отказа сложить оружие и сдаться в плен — беспощадно уничтожить.

В боевом распоряжении еще раз подчеркивалась необходимость ведения круглосуточной разведки, дабы не прозевать начало отхода врага с островов. Требовалось держать в постоянной готовности автомашины и плавсредства в целях быстрой переброски подвижных отрядов и штурмовых батальонов на побережье Финляндии, которые должны были тут же перерезать шоссе Тиенхара — Нисалахти.

Но это боевое распоряжение было вскоре отменено. Дело в том, что еще 25 августа 1944 года Финляндия запросила у Советского Союза мира, а 4 сентября наши радио и газеты сообщили о том, что она порвала всякую связь с фашистской Германией и подписала перемирие с СССР. Поэтому в другом боевом распоряжении, подписанном в 4 часа 20 минут 5 сентября начальником оперативного отдела штаба армии полковником Л. М. Крыловым, указывалось, что командующий армией приказал с 8.00 5 сентября боевые действия против финской армии прекратить.

В войсках это известие было воспринято с огромным подъемом и ликованием. Еще бы! Ведь сделан еще один шаг к нашей окончательной победе.

После заключения перемирия 21-я армия Ленинградского фронта была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования, а ее полосу на Карельском перешейке приняла наша 59-я армия, которая и заняла здесь оборону. Она проходила по устью реки Салменкойто, западному берегу Вуокси, Ряйкеля, побережью Финского залива с передним краем по линии государственной границы.

Северо-восточное и северо-западное побережье Финского залива, а также подходы к нему со стороны моря охранялись пограничниками и дозорными кораблями Краснознаменного Балтийского флота. С ними взаимодействовали и подвижные резервы полевых войск на самом побережье. Справа, по линии государственной границы с

Финляндией, заняла оборону 23-я армия, разграничительная линия с которой у нас проходила по Вуокси.

Емкость главной полосы обороны 59-й армии была рассчитана на четыре стрелковые дивизии, мы занимали ее на широком фронте с использованием бывших вражеских укрепленных районов и узлов сопротивления. Некогда здесь проходила так называемая линия Маннергейма. Мы конечно же осмотрели ее. Она действительно представляла собой крепкий орешек — мощные бетонированные сооружения, которые можно было разрушить разве что орудиями большого калибра, да и то ведя огонь прямой наводкой.

Во второй эшелон армии выделялись две стрелковые дивизии, а одна дивизия составляла резерв. Наибольшую насыщенность войсками мы имели на своем правом фланге. Для прикрытия же подступов к Выборгу с моря создавалась жесткая круговая оборона.

Предусматривались также тыловой оборонительный рубеж, отсечные позиции, прикрытия всей полосы обороны армии инженерными сооружениями.

Следует заметить, что в течение тех нескольких месяцев, что мы находились в обороне, командование, штабы и Военный совет армии уделяли неослабное внимание поддержанию в войсках высокой боевой готовности, укреплению воинской дисциплины и порядка. Штаб периодически проводил проверки готовности оборонительных полос, принимал от войск инженерные районы. В тех дивизиях, где работы по созданию надежной обороны были закончены, организовывались тактические учения. Словом, мы, как говорится, держали порох сухим.

И вот поступил долгожданный приказ — штабу армии можно разместиться в городе, в самом Выборге! Наконец-то за долгие годы войны мы впервые расположимся в более или менее благоустроенном месте. А то ведь до этого приходилось работать в разрушенных подвалах, блиндажах да землянках.

Заняли несколько сохранившихся домов, привели себя в порядок — попарились в бане, побрились и почистились. И конечно же, осмотрели город. Выборг нам понравился — типичный северный городок, на вид суровый, но чем-то все же к себе манящий.

И снова работа, работа, работа...

Еще 4 августа 1944 года, в период нашей обороны захваченных островов, командование, Военный совет и штаб армии уже подводили предварительные итоги операции в Выборгском заливе. В специальном приказе, в частности, указывалось, что, несмотря на некоторые успехи, достигнутые в боях, войска и штабы в то же время допустили и целый ряд серьезных просчетов, особенно в организации взаимодействия между сухопутными частями и подразделениями, кораблями и авиацией.

Не все в порядке было и с управлением войсками. Нередко случалась потеря управления вследствие плохой организации связи. Штабы подчас очень поверхностно знали обстановку, оборонительную систему противника и его боевые возможности. И это ни в коем случае нельзя было оправдывать лишь тем, что нам на подготовку к операции было отведено слишком ограниченное время. Ведь и его можно и нужно было использовать разумно.

И вот сейчас мы еще более глубоко и всесторонне анализировали все этапы проведенной операции. Наряду с недочетами выявляли и положительный опыт, который тут же становился достоянием всех, от рядового красноармейца до генерала.

Общую же оценку боевых действий нашей армии в период проведения Выборгской операции вскоре дал и Военный совет Ленинградского фронта. В своем приветствии к войскам по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции он отмечал, что 59-я армия, наряду с другими объединениями фронта, внесла достойный вклад в дело разгрома врага на этом театре войны. Ее воины сделали все от них зависящее, чтобы навсегда обезопасить северо-западную границу нашей Родины.

В СОСТАВЕ 1-го УКРАИНСКОГО

26 ноября 1944 года штаб 59-й армии, размещавшийся, как уже говорилось, в городе Выборге, получил директиву командующего Ленинградским фронтом о сдаче занимаемой нами полосы обороны 23-й армии. Одновременно этой же армии передавалась и часть наших войск. После этого мы поступили в резерв Ставки Верховного Главнокомандования с указанием о передислокации в новый район боевых действий.

Итак, в армию теперь входили два стрелковых корпуса — 43-й и 115-й, включающие в себя шесть стрелковых дивизий — 13, 80 и 314-ю (43-й стрелковый корпус); 92, 135 и 286-ю (115-й стрелковый корпус). А воевать нам предстояло, как вскоре выяснилось, в составе 1-го Украинского фронта.

Чтобы заблаговременно подготовить новый район дислокации армии, наш штаб тут же создал оперативную группу, в которую вошли работники нашего отдела, разведчики, представители артиллерии, связи, инженерных войск. Я тоже попал в эту группу.

А накануне нас — подполковников Т. М. Бударина, З. А. Корнилова и меня — пригласил к себе начальник оперативного отдела полковник Л. М. Крылов и сказал:

— Вы все трое включаетесь в оперативную группу штаба. Старший — подполковник Катышкин. Ваша задача — к моменту нашего прибытия в новый район провести рекогносцировку местности, наметить пункты для размещения штабов армии и корпусов, а также районы дислокации соединений. Свои соображения доложить лично мне. Напоминаю, что все сведения необходимо держать в строжайшей тайне.

13 декабря 1944 года оперативная группа штаба армии прибыла в большое село Ненадувка Дольня, что севернее Жешува. Здесь мы, что называется, облавили всю

округу, выбирая подходящие районы для размещения войск и штабов. В период нашей работы я старался держаться как можно ближе к начальнику войск связи армии полковнику Герману Антоновичу Рогову. И вот по какой причине. Герман Антонович обладал большим фронтовым опытом, умел, как говорится, каким-то шестым чувством выбирать такие места для размещения штабов и пунктов управления, что приходилось лишь диву даваться: действительно лучшего места и не найдешь. Здесь все прикрыто, имеются прекрасные подступы, работать удобно.

Соединения армии перебрасывались по железной дороге. Маршрут — Выборг, Лихославль, Торжок, Вязьма, Брянск, Коростень, Львов, Жешув. Первым эшелоном 19 декабря в новый район дислокации прибыл Военный совет. А два дня спустя и штаб армии.

Затем мы стали принимать на станциях разгрузки и войска. Выгрузка и передвижение их производились только ночью, со строжайшим соблюдением мер светомаскировки.

В конце декабря к нам прибыл 24-й отдельный штурмовой батальон, вошедший в состав нашей армии. Кроме того, из резерва фронта к нам поступила и закончившая переформирование 245-я стрелковая дивизия. Словом, к началу января 1945 года мы уже полностью закончили сосредоточение своих войск на восточном берегу Вислы, в районе Жешува.

А вскоре командующий фронтом Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев поставил перед армией боевую задачу, которую командарм генерал-лейтенант И. Т. Коровников и начальник штаба генерал-майор Н. П. Ковальчук тут же довели, правда, до узкого круга штабных работников. Из нее мы узнали, что 1-й Украинский фронт, куда теперь входила и наша армия, готовится к очень важной и довольно сложной Висло-Одерской операции.

На первом этапе этой операции 1-й Украинский фронт планировал осуществить с сандомирского плацдарма, что находился на западном берегу Вислы и имел по фронту около 75 и в глубину до 60 километров, прорыв шириной до 40 километров, затем наступать в общем направлении на Бреслау (Вроцлав) через Радомско и Ченстохов, а ча-

стью сил — через Краков. Во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта он впоследствии должен был окружить и уничтожить кельце-радомскую группировку противника, угрожающую стыку обоих фронтов, а позже, перейдя довоенную германо-польскую границу, форсировать главными силами реку Одер, одновременно войсками своего левого крыла овладев Силезским промышленным районом.

Как видим, это была действительно грандиозная по целям и масштабам операция. И для ее успешного осуществления нужно было собрать в единый кулак довольно крупные силы. И они у 1-го Украинского фронта имелись. Например, к началу Висло-Одерской операции в его состав входило восемь общевойсковых армий, в том числе и наша 59-я армия, две танковые и одна воздушная армии. Фронт к тому же имел четыре отдельных танковых и механизированных корпуса, один кавалерийский корпус, артиллерийские корпуса прорыва, несколько арtdивизий прорыва и другие специальные соединения и части.

Свой главный удар с сандомирского плацдарма в общем направлении на Радомско, Бреслау фронт планировал нанести силами 13, 52 и 5-й гвардейской армий, а также частью сил 3-й гвардейской и 60-й армий. И основную тяжесть при прорыве обороны противника должна была взять на себя 5-я гвардейская армия, так как она уже располагалась на сандомирском плацдарме.

— Наша пятьдесят девятая армия, — говорил нам командарм, — по плану операции фронта будет вначале находиться во втором эшелоне. Но после прорыва армиями первого эшелона тактической обороны противника ее немедленно введут в прорыв на стыке 5-й гвардейской и 60-й армий. Рубеж ввода — река Нида. Цель — развитие успеха наступления в направлении Мехув, Олькуш, Катовице.

В связи с тем что погода, как вы сами видите, сейчас стоит неважная, — подчеркнул далее И. Т. Коровников, — действие авиации, по всей вероятности, будет ограниченным. Поэтому командование фронта делает главную ставку на использование танков и, конечно, на мощный артиллерийский удар. С этой целью на плацдарме сосредоточены не только танковые соединения, предназначенные для развития прорыва, но и танки непосредственной поддержки пехоты для участия в боевых действиях в составе ее первых эшелонов.

В заключение командарм и начальник штаба поставили перед нами задачу — без раскачки включиться в подготовительную работу к Висло-Одерской операции.

Мы сразу же взялись за дело. А оно, конечно, было пелегким, имело немало особенностей. Во-первых, армии предстояло действовать, как уже говорилось, во втором эшелоне фронта. А мы не имели достаточного опыта введения в бой такой массы войск непосредственно в ходе наступления. Во-вторых, нашим соединениям предстояло наступать совершенно в других условиях местности. А она, сравнительно открытая и равнинная, да к тому же при паличии большого количества танков, диктовала высокие темпы наступления, что для войск нашей армии тоже было не совсем привычно. Ведь раньше мы, как известно, буквально «прогрызали» вражескую оборону, двигаясь вперед километр за километром. А сейчас высокие темпы наступления требовали от командиров и штабов всех степей более гибкого, оперативного и в то же время устойчивого управления войсками.

При планировании армейской операции нам необходимо было учесть и то обстоятельство, что в ходе наступления в оперативной глубине обороны противника возможны встречные бои и контрудары его резервов, а в итоге — быстрая смена обстановки, влекущая за собой принятие оперативных решений, мгновенных ответных мер, искусного маневра подвижными силами и огневыми средствами, точной разведки.

И наконец, нам предстояло воевать уже не на своей территории, а в Польше. С одной стороны, это было положительным фактором: Красная Армия несла освобождение от фашистского ига дружественному нам польскому народу и активно поддерживалась им. Но, с другой стороны, нашим бойцам и командирам, конечно, придется встретиться и с теми, пусть и немногочисленными, представителями местного населения, которые довольно враждебно относятся к приходу нашей армии и могут если не оказать вооруженное сопротивление, то, во всяком случае, сделать какую-нибудь пакость в тылах советских войск. И не учитывать этого при планировании было нельзя.

Разрабатывая план Висло-Одерской операции, командующий и штаб 59-й армии самым тщательным образом изучили противника, с которым нам предстояло столкнуться в ходе наступления. Так, мы узнали, что против войск 1-го Украинского фронта действуют основные силы

группы вражеских армий «А», а именно: 4-я танковая и 17-я армии, а это при раскладке 16 пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, 14 отдельных полков и столько же отдельных батальонов. Как видим, силы значительные. И для их разгрома требовались большое умение и самая тщательная подготовка операции.

Гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало удержать за собой как город Краков, так и Силезский промышленный район. А командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев, а вслед за ним и командарм 59-й армии генерал-лейтенант И. Т. Коровников как раз нацеливали наш штаб на то, чтобы при планировании операции мы имели в виду и такое развитие событий, когда при наступлении нам, возможно, придется участвовать в освобождении как древнего Кракова, так и Силезского промышленного района.

Правда, по плану операции Краков входил в полосу действий 4-го Украинского фронта. Но Иван Степанович Конев не раз повторял, что еще при рассмотрении замысла фронтовой операции 1-го Украинского фронта в Москве И. В. Сталин назвал Силезский промышленный район «золотом», а это означало, что Верховный Главнокомандующий придавал ему особое значение и мог произвести любое перенацеливание фронтов.

При разработке плана операции мы довольно подробно изучили оборону противостоящего нам противника. Его первый оборонительный рубеж, который должна была встретить на пути своего наступления 59-я армия, проходил по западному берегу реки Нида. На глубину 3—5 километров враг оборудовал здесь три ряда траншей полного профиля, соорудил надежные укрытия для техники и личного состава. Траншеи соединялись между собой ходами сообщения, что позволяло врагу совершать маневр как по фронту, так и в глубину.

Оборона гитлеровцев была усилена проволочными заграждениями и другими различными препятствиями, в том числе и противотанковыми, плотно опоясана минными полями. Села и деревни гитлеровцы тоже превратили в укрепленные пункты и узлы сопротивления, большинство из них приспособили для круговой обороны. А бронированные колпаки и врытые в землю танки еще больше усиливали ее огневую мощь.

Ход нашего наступления могло осложнить и то обстоятельство, что западный берег реки Нида заметно господствовал над восточным.

Другой рубеж вражеской обороны проходил по западному берегу реки Шренява. Он был также оборудован системой траншей, противопехотных заграждений. Здесь тоже имелись доты.

Нельзя было не учитывать и того факта, что в полосе нашего наступления находились такие крупные населенные пункты, как Сломники, Вольбром, Пилица, Тшебиня. Их гитлеровцы, конечно, тоже подготовили к долговременной обороне.

Оценивая местность, по которой нам придется наступать, мы испытывали чувство обоснованной тревоги. В общем-то равнинная, она одновременно была и довольно пересеченной: некоторые высоты возвышались над общим рельефом до 70 метров. Больше того, наш путь должен был проходить и по предгорьям Карпат, что еще больше усложняло дело.

Встречались и реки — Нида, шириной до 60 метров, Шренява и Пшемша, шириной до 20 метров, и, наконец, Одер, самая крупная водная преграда. Беспокоили и поймы этих рек, тоже довольно-таки широкие. Приходилось гадать: проходимы ли они для танков и другой тяжелой боевой техники? Ведь мягкая в этих краях зима могла привести к тому, что поймы промерзли недостаточно, а переправлять танки и машины по тонкому льду рискованно.

Правда, на территории Польши имелись хорошие как шоссейные, так и грунтовые дороги, что, конечно, облегчило бы наш маневр. Но и противник возлагает, безусловно, на них надежды, постарается использовать для переброски своих резервов, а попутно на наиболее важных перекрестках разместит сильные заслоны, которые нам придется сбивать.

Словом, вырисовывалась задача со многими неизвестными, которую все же во что бы то ни стало нужно было решить. И мы ее решали.

В период подготовки к операции наша армия значительно пополнилась как боевой техникой, так и личным составом. Но бойцы прибывшего пополнения были в основном уроженцами Средней Азии или призваны с освобожденных от немецко-фашистских оккупантов территорий Украины и Белоруссии. Учитывая эту особенность,

Военный совет, политический отдел и штаб армии делали все от них зависящее, чтобы как можно действеннее вести с новичками политико-воспитательную работу, быстрее ввести их в боевой строй.

Вспомню, как в эти дни член Военного совета армии генерал-майор П. С. Лебедев и начальник политотдела полковник А. Г. Королев довольно часто собирали у себя войсковых политработников и нас, коммунистов штаба, чтобы еще и еще раз обсудить меры по подготовке к боям нового пополнения, оказать необходимую помощь.

— Вы знаете, товарищи, что в нашу армию влился большой контингент бойцов и младших командиров из Средней Азии, — говорил уже на первом таком сборе П. С. Лебедев. — Многие из них довольно плохо владеют русским языком. Поэтому в ротах, батареях и взводах нужно срочно создать группы по изучению русского языка и, пока есть время, научить их хотя бы понимать команды и приказы командиров. Руководителями групп, думается, следует назначать тех, кто, владея русским, в то же время может изъясняться с обучаемыми и на их родном языке. А вам, товарищи, — обратился уже к нам, работникам штаарма, П. С. Лебедев, — при выездах в войска тоже нужно оказывать помощь в создании таких групп, контролировать их работу.

— Среди пополнения есть бойцы, которые прибыли к нам из освобожденных областей Украины и Белоруссии, — добавил полковник А. Г. Королев. — И нам нельзя забывать о том, что они довольно длительное время испытывали на себе воздействие лживой вражеской пропаганды. Вот почему сейчас нужно как можно чаще и предметнее проводить с ними политбеседы, разъяснять политику нашей партии, присягу и уставы, священную миссию нашей Красной Армии. Одновременно привлекать и их к рассказам о том, как бесчинствовали гитлеровские оккупанты на землях Украины и Белоруссии.

И мы прилагали все силы к тому, чтобы как можно лучше подготовить молодое пополнение к предстоящим боям.

Итак, разработка плана операции закончена. В основу его штаарм вложил следующую идею: после прорыва армиями первого эшелона тактической обороны противника мы должны были с рубежа реки Нида на стыке 5-й

гвардейской и 60-й армий последовательно вводить в создавшийся промежуток и свои войска. А этот промежуток должен был образоваться за счет изменения названными армиями направлений наступления, а следовательно, и передвижки их разграничительных линий.

Вначале планировалось ввести наш 43-й стрелковый корпус со средствами усиления. Затем, уже после расширения полосы наступления, из-за его левого фланга выдвинуть и 115-й стрелковый корпус. В резерве армии намечалось оставить 245-ю стрелковую дивизию.

Здесь следует подчеркнуть, что наша армия вводилась в сражение через довольно узкую горловину, не превышающую по ширине 5—6 километров. Поэтому для развития успеха в направлении Мехув, Олькуш и Катовице от нас требовалась очень тщательная организация боя. Вот почему и командарм, и работники штаба неоднократно выезжали на сандомирский плацдарм, в штабы 5-й гвардейской и 60-й армий, чтобы непосредственно на месте еще и еще раз изучить рубеж ввода наших войск в сражение. Здесь мы встречались с командующими названных армий генералами А. С. Жадовым и П. А. Курочкиным, с работниками их штабов. Тщательно увязывали вопросы взаимодействия как по времени, так и по рубежам, уточняли порядок ввода соединений в бой, обеспечение их артиллерийской поддержкой, связью, инженерными и другими средствами. Кстати, командармы Жадов и Курочкин, а также начальники штабов этих двух армий давали нам много полезных советов, так как уже имели опыт ведения боев на Украине.

Одновременно в наших частях и соединениях тоже шла кропотливая подготовка к предстоящей операции. В тылу, в скрытых от воздушного противника местах, командиры и штабы полков и дивизий проводили с личным составом занятия по изучению материальной части оружия и боевой техники, а также тактические учения. На них взводы и роты отрабатывали вопросы взаимодействия с танками и артиллерией, а в батальонах и полках прошли учения на темы: «Стрелковая рота на марше в предвидении встречного боя», «Наступление па открытой местности во взаимодействии с танками», «Атака стрелковой ротой населенного пункта», «Использование огневого вала в наступательном бою», «Усиленный стрелковый батальон в наступлении на противника, поспешно перешедшего к обороне» и другие.

В эти же дни штабс армией организовал и армейскую командно-штабную игру с привлечением к ней штабов 115-го и 43-го стрелковых корпусов, а также штабов всех стрелковых дивизий. Тема ее была следующая: «Ввод армии в прорыв и развитие успеха». Игра прошла хорошо, в соответствии с требованиями предстоящего боя. Разбор ее сделал командарм генерал И. Т. Коровников.

В период подготовки к операции в целях сохранения военной тайны в масштабе фронта была проведена немалая работа по дезинформации, дезориентированию противника. Так, по ночам «армады» наших танков с грохотом двигались на левый фланг фронта, в армию генерала П. А. Курочкина. И утром в полосе ее обороны появлялись «новые» танковые и артиллерийские части, а на поверку — масса макетов, к тому же небрежно замаскированных. Следует сказать, что все это сыграло впоследствии весьма положительную роль.

Начало Висло-Одерской операции было первоначально назначено на 20 января 1945 года. Но потом в ход ее подготовки командование фронта срочно внесло коррективы. Это было связано с тем, что 6 января 1945 года премьер-министр Англии У. Черчилль неожиданно обратился к Советскому правительству с просьбой об оказании срочной помощи англо-американским войскам, попавшим в катастрофическое положение в Арденнах. И. В. Сталин пообещал выручить союзников. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования тут же пересмотрела сроки начала нашей наступательной операции. 1-й Украинский фронт должен был вступить в дело не 20, как планировалось ранее, а 12 января 1945 года.

Конечно, сокращение срока начала операции на целых восемь суток в какой-то мере отразилось на нашей подготовке к ней. Но 59-я армия да и фронт в целом приложили все усилия для того, чтобы начать операцию точно в назначенное время и провести ее на высоком уровне. Наше мощное наступление, как потом станет известно, спасло англо-американские войска от разгрома в Арденнах. Это признал и сам Черчилль в своем очередном письме к И. В. Сталину.

Но это еще впереди. А пока до начала нашего наступления оставалось целых десять дней, которые мы, конечно, использовали в полной мере. Так, 2 января 1945 года

в войска армии была отправлена оперативная директива, в которой указывалось, что в течение 4—7 января нашим корпусам и дивизиям следует выйти ночными маршами на рубеж Вислы с последующим броском к реке Нида. В директиве говорилось, что командующий решил сосредоточить войска армии первоначально на правом берегу реки Висла, в районе Войкув, Глины Вельски, Воля Плавска, Тшеснь и Дурды. При этом предлагалось строго соблюдать меры предосторожности: не допускать движения войск в светлое время, на дневках и привалах людей и материальную часть тщательно укрывать в лесах, костров в дневное и ночное время не разводить, а также не допускать скопления людей на открытых полянах и других наблюдаемых с воздуха участках. Командарм потребовал организовать на марше, в местах сосредоточения войск противоздушную оборону и службу регулирования движения. Марш войск предполагалось начать с 18 часов 4 января 1945 года и закончить к утру 7 января¹.

4 января 1945 года 59-я армия начала скрытное выдвижение в указанный район. Он находился примерно в 60 километрах от будущего рубежа ввода войск армии в сражение.

Марш совершался по шести маршрутам, поэшелонно. Сначала выдвигался 43-й стрелковый корпус генерала А. И. Андреева — 13, 80 и 314-я стрелковые дивизии. Во втором эшелоне шел 115-й стрелковый корпус генерала С. Б. Казачка. В его составе были 92, 286 и 135-я стрелковые дивизии. Армейские части, подразделения тыла и 245-я стрелковая дивизия, находившаяся в резерве армии, замыкали марш.

И вот мы уже в указанном районе сосредоточения. Здесь 8 января командующий провел с командирами корпусов и дивизий провешивание маршрутов выдвижения к району предстоящих боевых действий. А в ночь на 9 января на западный берег реки Висла вышли 80-я и 314-я дивизии 43-го стрелкового корпуса. Переправа туда других наших соединений проводилась в течение 10 января. Одновременно на западный берег были переброшены некоторые части артиллерии. Словом, исходное положение для наступления 59-я армия заняла в целом организованно и в срок.

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 5—6.

10 января в соответствии с поставленной фронтом задачей войскам армии был отдан боевой приказ. В нем, в частности, указывалось, что 59-я армия, двигаясь за боевым порядком войск 5-й гвардейской и 60-й армий, обязана с рубежа реки Нида развить стремительное наступление в общем направлении на Дзялошице, Мехув. Задача — разгромить противостоящего здесь нам противника, а также его подходящие резервы и тем самым обезопасить главную группировку войск 1-го Украинского фронта с юго-запада, впоследствии, охватывая Краков с севера и северо-запада силами стрелкового и танкового корпусов и тесно взаимодействуя с 60-й армией, овладеть этим древним польским городом.

Справа должен был наступать 34-й стрелковый корпус 5-й гвардейской армии, слева — 15-й стрелковый корпус 60-й армии. Вперед вырывался 4-й гвардейский танковый корпус.

В приказе были поставлены задачи и стрелковым корпусам 59-й армии, а также 4-му гвардейскому танковому корпусу, приданному нам с 13 января. С рубежа западнее реки Нида он ударом в направлении на Дзялошице и Мехув во взаимодействии с 43-м стрелковым корпусом должен был уничтожить противника в районе Шипов, Дзялошице, Гродзоновице и к исходу второго дня операции выйти в район Лебедзь, Дзялошице, Квашин. В последующем опять же во взаимодействии с 43-м стрелковым корпусом танкистам предписывалось развить наступление на Мехув, овладеть районом Витовице Жежусьня, Паркотовице, Мехув и не допустить отхода противника и его закрепления на рубеже реки Шренява.

В дальнейшем 4-й танковый корпус должен был находиться в готовности продолжить наступление и уже совместно с 115-м стрелковым корпусом обойти Краков с севера и северо-запада и овладеть им.

Резерв армии — 245-я стрелковая дивизия с 24-м отдельным штурмовым батальоном — должен был следовать за 115-м стрелковым корпусом и к исходу третьего дня выйти на рубеж Дзялошице, Дрожеевице, Куявки в готовности к наступлению на Ксенж-Вельки, Мехув или Сломники¹.

В приказе строго определялись время, рубежи и порядок ввода в сражение соединений 59-й армии, что затем

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 11—13.

довольно положительно сказалось на выполнении стоящей перед ней задачи.

Заметим, что штаб верно предусмотрел и возможность обхода Кракова с севера и северо-запада, с тем чтобы создать наиболее благоприятные условия для его взятия.

Ровно в 5 часов утра 12 января 1945 года после короткой, но мощной артиллерийской подготовки войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Армии первого эшелона довольно успешно преодолели тактическую оборону противника и, продолжая наступать в глубину, принялись расширять прорыв в сторону флангов.

Вскоре в полосу предстоящих действий 59-й армии был введен 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова. К тому времени он был очень хорошо укомплектован как боевой техникой, так и людьми. В состав корпуса входили три танковые и одна мотострелковая бригады, он насчитывал более 180 танков (из них 19 тяжелых), около 40 самоходно-артиллерийских установок, несколько десятков бронемашин и восемь реактивных установок «катюша». Что и говорить, внушительная сила!

Танкисты 4-го гвардейского корпуса с боями вышли в районе Кобыльники к реке Нида и частью сил даже переправились на ее западный берег. Здесь противник выставил было против них сильные артиллерийско-противотанковые заслоны. Но и это не удержало гвардейцев. Они сбили заслоны, принудили гитлеровцев к поспешному отходу.

13 января командующий 59-й армией приказал 43-му стрелковому корпусу двумя дивизиями — 80-й и 314-й — форсированным маршем выдвинуться к рубежу реки Нида и наступать в полосе Непровице, Юркув в направлении на Дзялошице, взаимодействуя при этом с частями 4-го гвардейского танкового корпуса. В боевом распоряжении подчеркивалось, что командиры дивизий должны иметь в голове колонн самоходно-артиллерийские полки и противотанково-артиллерийские подразделения для отражения возможных контратак противника.

115-му стрелковому корпусу приказывалось форсированным маршем, не отставая от частей 43-го корпуса, приступить к выполнению ранее поставленной ему задачи. Получил боевое распоряжение и командир 245-й стрелковой дивизии, находившейся в резерве армии.

В ночь на 14 января наш первый эшелон — 43-й стрелковый корпус — вышел к реке Нида. И уже с утра того же дня мы начали последовательно вводить в бой его соединения — вначале 80-ю стрелковую дивизию, затем из-за ее левого фланга 314-ю стрелковую дивизию. 13-я же дивизия корпуса оставалась пока во втором эшелоне. Используя мощный удар артиллерии нашей армии, артиллерии 5-й гвардейской и 60-й армий, а также успех 4-го гвардейского танкового корпуса, эти две дивизии 43-го корпуса, вступив в бой, к исходу дня уже полностью выполнили поставленную перед ними задачу. Громя остатки 304-й пехотной дивизии противника, его охранный полк «Остланд», строительные и охранные батальоны, артиллерийские подразделения, они вышли на рубеж Дзялошице, Скальмеж, продвинувшись уже в первый день наступления на 20 километров. При этом от врага было освобождено свыше 60 больших и малых населенных пунктов. И это — в чрезвычайно трудных погодных условиях, при почти полном бездорожье.

59-я армия, как видим, выполнила задачу дня. Однако наше командование и Военный совет все же не были удовлетворены результатами. В боевом распоряжении, спущенном в войска, командиру 43-го стрелкового корпуса указывалось на то, что темпы наступления подчиненных ему соединений были недостаточно высоки, оно развивалось с излишней осторожностью, без достаточной разведки, артиллерия подчас отставала от боевых порядков пехоты.

Эти недостатки следовало устранить в последующих боевых действиях.

15 января 80-я и 314-я дивизии 43-го стрелкового корпуса, развивая наступление на Мехув, к исходу дня овладели рубежом Ксенж-Вельки, Калина-Мала и, несмотря на яростные контратаки врага, сумели удержать его.

В этот же день в бой вступила и 92-я стрелковая дивизия полковника М. В. Виноградова из 115-го стрелкового корпуса. К исходу 15 января она уже вышла на рубеж Насеховице, Лентковице. Следом за ней выдвинулась и 286-я стрелковая дивизия того же корпуса под командованием генерал-майора М. Д. Гришина. А 135-я дивизия оставалась пока во втором эшелоне 115-го стрелкового корпуса.

Таким образом, развивая наступление в общем направлении на Мехув и Сломники, соединения 59-й армии снова продвинулись вперед на 20—25 километров. Однако противник продолжал с отчаянием обреченного наращивать силу своего сопротивления. Так, на мехувском направлении он вскоре ввел в действие свежие силы 75-й пехотной дивизии, до полка из 369-й пехотной дивизии, которые при поддержке двух танковых батальонов сразу же начали контратаки. Гитлеровцы также попытались восстановить утраченное положение и на рубеже Дзялошице, Скальмеж. Здесь они тоже контратаковали наши части довольно значительными силами, бросив в бой до 30 танков и пехотный полк из 75-й пехотной дивизии. Но успеха все же не добились.

А наша армия, последовательно вводя в сражение основные силы, ломая сопротивление врага, отражая его контратаки, продолжала быстро продвигаться вперед. Высокие темпы наступления во многом обуславливались наличием в корпусах подвижных отрядов разграждения, а в дивизиях — отрядов обеспечения движения, а также за счет своевременного маневра танковыми частями и соединениями. В этот период, например, особенно дерзко и стремительно действовал танковый корпус генерала П. П. Полубоярова, который уже к исходу 15 января своими главными силами вышел к реке Шренява и овладел важными опорными пунктами Орлув и Сломники.

А 16 января 59-я армия окончательно сломала сопротивление противника на заранее подготовленном оборонительном рубеже по реке Шренява и овладела важным узлом дорог — городом Мехув, а также крупными населенными пунктами Хлина, Ельча, Тчица, Пшисека и другими.

Небезынтересно будет отметить, что еще утром 16 января в боях за город Мехув части нашей армии впервые установили боевой контакт с польскими партизанами. Это не без их помощи 314-я стрелковая дивизия 43-го стрелкового корпуса сумела в короткий срок обойти город с северо-запада и овладеть им.

Успешно действовал и 115-й стрелковый корпус нашей армии. Введя в бой свою 286-ю дивизию, он к 16 января тоже вышел к реке Шренява. После короткой артподготовки эта дивизия первой форсировала реку и овладела рубежом Кремпа, Чапле-Вельки. Одновременно 92-я дивизия, используя успех танкистов генерала Полубоярова,

форсировала реку Шрепяву в районе населенного пункта Сломшники и к исходу дня вышла на рубеж Целины, Ивановице.

Здесь следует сказать, что на западном берегу реки Шрепява противник имел довольно сильную оборону, состоящую из четырех рядов траншей, двух рядов проволочных заграждений и противотанкового рва. Бои своих аррьергардов он плотно прикрывал артиллерийским огнем и частыми контратаками танков. Но и это не смогло остановить нашего продвижения вперед. В частности, танкисты 14-й и 13-й бригад 4-го гвардейского танкового корпуса, обходя опорные пункты и узлы сопротивления врага, вскоре достигли местечка Нова Весь и уже отсюда нацелили свой главный удар на Скала и Кшеновице, чтобы отрезать тем самым путь отхода противника из района Кракова.

Продолжая развивать наступление, наша армия 17 января своими передовыми частями сумела прорвать внешний обвод обороны противника крепости Краков и завязать бои на северных подступах к городу. На других направлениях войска 59-й армии тоже успешно продвигались вперед, выбив фашистов не только из Вольброма, но и из 200 других населенных пунктов.

Итак, за три дня наступления 59-я армия продвинулась вперед в среднем на 62 километра и заняла довольно выгодное положение по отношению к Кракову — крупнейшему промышленному и политическому центру Польши. Она как бы нависла над этим городом.

Одновременно войска 5-й гвардейской армии, наступавшие справа, вырвались далеко вперед. А вот сосед слева — 60-я армия, обеспечивавшая 1-й Украинский фронт от контрударов противника с юга, из-за отставания войск 4-го Украинского фронта была вынуждена растянуть фронт своего наступления, что и задержало на некоторое время ее продвижение на краковском направлении. Словом, обстановка сложилась так, что именно войскам 1-го Украинского фронта, и в частности 59-й и 60-й армиям, предстояло освободить от фашистов древний город Краков, причем не позднее 20—22 января 1945 года.

В планы советского командования не входило окружение города, хотя соблазн создать вокруг него кольцо и был велик, и сил для этого у нас было достаточно.

Почему же тогда мы не стали смыкать кольцо вокруг Кракова? Дело в том, что перед нашим командованием стояла задача во что бы то ни стало сохранить целым и невредимым этот древнейший и красивейший город Польши. Потому-то планом и предусматривался охват Кракова лишь с запада и юго-востока. Мы намеренно оставляли противнику путь отхода на юг, в горы, чтобы именно здесь окружить и уничтожить его.

Рано утром 18 января 1945 года Маршал Советского Союза И. С. Конев прибыл на наш наблюдательный пункт, с которого уже хорошо просматривались не только предместья, но и центр Кракова. Вместе с командармом И. Т. Коровниковым командующий фронтом на месте оценил обстановку и принял решение. В соответствии с ним приданный нашей армии 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова направлялся для обхода Кракова с запада. В совокупности с действиями войск 60-й армии, которые уже подходили к юго-восточным и южным окраинам города, этот маневр танкового корпуса грозил противнику окружением.

Войскам же 59-й армии ставилась задача ворваться в Краков с севера и северо-запада, овладеть мостами через Вислу, чтобы тем самым лишить противника свободы маневра, а следовательно, и возможности налаживать организованное сопротивление в самом городе. Кстати, наше командование отказалось даже от ударов по городу артиллерией и авиацией, а делало ставку на стремительность и дерзкие действия своих войск, которые должны были ошеломить противника и заставить его оставить Краков. Правда, вражеские укрепленные рубежи, опоясывавшие город, было решено обработать артогнем основательно.

С чем же могли столкнуться войска 59-й армии при штурме Кракова? Как нам было известно, гитлеровцы создали вокруг города три оборонительных обвода. Внешний обвод проходил в 10—12 километрах от центра Кракова, внутренний — по его окраинам. Все три обвода были связаны между собой отсечными позициями, противник буквально начинил их дотами и дзотами, системой траншей, противотанковыми и противопехотными препятствиями — падолбами, противотанковыми рвами и минными полями. Все это, в свою очередь, прикрывалось многослойным огнем из различных видов оружия — от стрелкового до танкового.

На обводах оборонялись и довольно внушительные силы фашистов. Как установила разведка, наряду с краковским гарнизоном здесь заняли оборону и отошедшие под нашими ударами некоторые части 4-й танковой и 17-й армий врага. Так что нам предстояло иметь дело с сильным противником, отлично вооруженным и, несмотря на прежние поражения, еще довольно-таки стойко обороняющимся.

Вскоре директивой Военного совета перед войсками 59-й армии была поставлена задача на штурм Кракова. 4-му гвардейскому танковому корпусу предписывалось с рубежа Скала, Ивановице нанести стремительный удар по городу и во взаимодействии со 115-м стрелковым корпусом овладеть им. Одновременно 115-й корпус должен был частью своих сил прикрыть действия ударной группировки армии с направлений Олькуш и Хжанув. 43-му стрелковому корпусу ставилась задача продолжать наступление в прежнем направлении, на Славкув, обеспечивая, в свою очередь, фланг 115-го корпуса от ударов противника с севера¹.

Для усиления ударной группировки армии в ее состав были включены 17-я артиллерийская дивизия прорыва и некоторые другие артчасти. Но им, однако, вменялось в обязанность обрабатывать лишь укрепления оборонительных обводов, но ни в коем случае не вести обстрел самого города.

245-я стрелковая дивизия — резерв армии — тоже получила задачу на участие в штурме Кракова. О том, как воевало это соединение, я расскажу несколько позже и более подробно, так как во время штурма мне приходилось неоднократно бывать в городе.

Таким образом, для удара по Кракову нами был сконцентрирован довольно мощный кулак — 92-я и 135-я стрелковые дивизии 115-го корпуса, 245-я стрелковая дивизия из резерва армии, 4-й гвардейский танковый корпус и сильная артиллерийская группировка. И он, этот кулак, ранним утром 18 января обрушился на оборону врага.

Враг сопротивлялся ожесточенно. И все же в середине дня, прорвав мощные оборонительные обводы (при

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 13, л. 65.

этом хорошо поработали паша артиллеристы), части 4-го гвардейского танкового корпуса и 92-й стрелковой дивизии завязали уличные бои на северных и северо-западных окраинах Кракова.

И вот тогда-то, чтобы повысить темпы нашего продвижения непосредственно в городе, командарм и решил ввести в бой 245-ю стрелковую дивизию. Ей ставилась следующая задача: частью сил, отрезав пути отхода противника на запад, с ходу форсировать Вислу и ударом с юго-запада овладеть южной частью города.

Это распоряжение командующего армией было поручено довести до комдива 245-й мне. Тут же собравшись, я на машине выехал в штаб этой дивизии. Ознакомив генерал-майора В. А. Родионова с решением командарма, я остался в 245-й стрелковой, чтобы проследить, как оно будет выполняться.

Комдив Родионов, очень умный и собранный человек, сразу же через своего начальника штаба отдал распоряжение в полки. Было решено первым ввести в дело 24-й отдельный штурмовой батальон. И он вскоре успешно форсировал Вислу, захватил на противоположном берегу плацдарм и тем самым обеспечил переправу другим частям дивизии.

Это случилось на рассвете 19 января. А через несколько часов 245-я стрелковая дивизия при поддержке 13-й гвардейской танковой бригады ворвалась в западную и южную части Кракова.

Итак, в Краков уже ворвались части 92-й дивизии 115-го стрелкового корпуса, 245-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора В. А. Родионова и танкисты полковника С. К. Куркоткина, командира 13-й гвардейской танковой бригады. Кстати, с этим комбригом я уже встречался, когда прибыл на командный пункт 245-й стрелковой дивизии. Он сразу же произвел на меня впечатление смелого и решительного человека. Несмотря на свою молодость, С. К. Куркоткин, как мне рассказали, довольно успешно командовал танковой бригадой, которая под его руководством уже совершила немало доблестных дел.

Забегая вперед, скажу, что и после войны судьба еще не раз сводила меня с этим интереснейшим человеком. Правда, тогда уже С. К. Куркоткин стал генералом армии, начальником Тыла Вооруженных Сил СССР, заместителем Министра обороны СССР. Но всякий раз при

встречах мы будем вспоминать с ним свою боевую молодость, фронтовые дороги, которые пришлось вместе пройти.

Вспоминали, конечно, и про штурм Кракова, и про тех, кто отличился при его взятии. В частности, про парторга одного из батальонов старшего лейтенанта Н. А. Кондакова, который одним из первых ворвался на своем танке в город и водрузил над одной из его площадей красное знамя.

Вспоминали и героический подвиг гвардии майора В. С. Пелипенко, заместителя командира 24-го отдельного штурмового батальона по политической части. За храбрость и мужество, проявленные при освобождении Кракова, ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Кстати, я рассказал Семену Константиновичу о том, что уже после войны мне пришлось некоторое время служить вместе с В. С. Пелипенко. Случилось это в Группе советских войск в Германии, где я командовал дивизией, а начальником политотдела к нам пазначили Владимира Спиридоновича Пелипенко. И он, ставший уже полковником, с жаром прежних лет помогал мне, комдиву, воспитывать личный состав соединений в духе беззаветной преданности нашей социалистической Родине, крепить дружбу между советскими воинами и трудящимися ГДР.

Но вернемся снова к январским дням 1945 года.

19 января части 4-го гвардейского танкового корпуса, 92-й и 245-й стрелковых дивизий 59-й армии во взаимодействии с войсками 60-й армии, наступавшими с востока, полностью освободили Краков. «Благодаря умелым действиям войск Коровникова, Курочкина, Полубоярова древнейший и красивейший город Польши был взят целым и невредимым», — вспоминал позднее Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Мне с группой работников нашего штаба довелось провести несколько часов в Кракове сразу же после его освобождения. Не успели наши войска пройти его, как говорится, насквозь, как саперы-герои уже приступили к разминированию улиц, домов. Всюду видпелись таблички с подписями: «Разминировано», «Мин нет».

Мы поехали па скалистый холм над Вислой — Вавель, на котором стоят королевский замок и кафедральный со-

бор, опоясанные крепостными стенами. Это интереснейший памятник древней архитектуры, сокровищница польской национальной культуры. На склоне Вавеля некогда стоял памятник Тадеушу Костюшко, но гитлеровские изверги все же успели его уничтожить. Но и то, что мы увидели, осталось в нашей памяти навсегда.

В городе советских воинов радушно встречали местные жители, благодарили за освобождение от гитлеровской тирании. То и дело возникали стихийные митинги. Наши командиры и политработники рассказывали краковчанам о Советском Союзе, об освобождении Красной Армией и польскими частями их столицы Варшавы. А она была взята 17 января войсками 1-го Белорусского фронта, то есть двумя днями раньше, чем мы выбили гитлеровцев из древнего Кракова.

Поляки в свою очередь поведали нашим воинам о злодеяниях фашистов, массовом уничтожении ни в чем не повинных людей, еще и еще раз благодарили их за свое освобождение.

Здесь же, в Кракове, нас застал приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В нем говорилось, что в результате умелого обходного маневра в сочетании с атакой с фронта войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Краковом — мощным узлом обороны фашистов, прикрывающим подступы к Домбровскому угольному бассейну. В честь этой победы столица нашей Родины салютовала нам 24 артиллерийскими залпами из 325 орудий. Это явилось ярким свидетельством того, как высоко оценивало Верховное Главнокомандование воинское искусство участников штурма Кракова, их беспримерную доблесть и мужество.

Но впереди нас ждали новые бои. И, как мы все понимали, не менее ожесточенные. Ведь нам предстояло освободить один из главных индустриальных центров Польши — Силезский промышленный район, за который гитлеровцы, конечно, будут отчаянно цепляться,

---

НА ПУТИ К ОДЕРУ

В результате освобождения Кракова на левом крыле 1-го Украинского фронта сложилась довольно благоприятная обстановка для нашего нового рывка вперед, к Силезскому промышленному району, которому, как уже говорилось выше, исключительно важное значение придавало как советское, так и немецко-фашистское командование. Ведь именно здесь, в Силезском промышленном районе, одном из крупнейших в Западной Европе, находилось индустриальное сердце Польши, которое сейчас вынуждено было работать на «тысячелетний» гитлеровский рейх. А здесь находились значительные запасы угля, были сосредоточены важные отрасли промышленности.

Мне, как бывшему шахтеру, было приятно сознавать, что и на мою долю выпала почетная задача по освобождению Силезии от гитлеровских захватчиков. До войны у нас, донецких шахтеров, поддерживалась самая тесная связь с польскими горняками. А если бросить взгляд еще дальше, то можно узнать, что развитию угольной промышленности в Польше во многом способствовал и спрос на уголь еще в старой царской России. Ведь домбровский уголь использовался тогда на таких ее железных дорогах, как Москва — Курск, Москва — Воронеж...

После первой мировой войны Верхне-Силезский угольный бассейн, как известно, был разделен на несколько частей и одна из них отошла к Германии. 1 сентября 1939 года немецко-фашистские войска напали на Польшу и оккупировали ее. Началась новая полоса в разграблении богатств Силезского промышленного района. И хотя за годы второй мировой войны ни одна из шахт здесь не была разрушена (этому во многом способствовало и наше быстрое наступление в январе 1945 года), их производ-

ственная мощность все-таки довольно сильно упала вследствие безжалостной эксплуатации пластов гитлеровскими оккупантами.

Силезский промышленный район — это, однако, не только уголь. На севере Силезской возвышенности имелись громадные залежи железной руды. Вот почему Силезско-Домбровская агломерация была важнейшим центром польской металлургии. Здесь шло производство как черного металла, так и цинка, свинца.

К 1945 году на территории Силезии насчитывалось несколько сот промышленных предприятий, в том числе и военных — авиационные, танковые, автомобильные заводы. Кстати, именно сюда фашистская Германия перебазировала и часть своих предприятий из Рура, намереваясь спасти их от налетов авиации наших западных союзников.

Таким образом, Силезский промышленный район был очень важен для гитлеровской Германии, так как увеличивал ее военно-экономический потенциал. А это в условиях ведения такой тяжелой войны — жизненно важный фактор. Потому-то гитлеровское командование и стремилось любой ценой удержать за собой этот богатый промышленный район, сосредоточив здесь, на сравнительно небольшой территории, довольно значительные военные силы. Сюда по его приказу были стянуты остатки разбитых советскими войсками частей и соединений 4-й танковой и 17-й армий, а также резервные пехотные дивизии. Всего же в Силезском промышленном районе враг имел девять полнокровных пехотных и две танковые дивизии, несколько так называемых боевых групп, две отдельные бригады, шесть отдельных полков, 22 отдельных батальона и многие другие части и подразделения. Кроме того, можно было ожидать и прибытия сюда из резерва еще двух-трех пехотных и одной танковой дивизии.

Как же строился нашим командованием план освобождения Силезского промышленного района и какая роль отводилась в нем 59-й армии?

Чтобы лучше понять его, остановимся вначале, хотя бы и коротко, на замысле командования 1-го Украинского фронта. Перед его войсками стояло три задачи: первая — разгромить силезскую группировку противника; вторая — сделать это в самые кратчайшие сроки; третья — по возможности сохранить от разрушений промышленность Силезии. Из этих задач исходило и принятое командованием

фронта решение — глубокий охват Силезского промышленного района танковыми соединениями, чтобы затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступавшими на Силезию с севера, востока и юга, вынудить гитлеровские войска под угрозой окружения выйти в открытое поле и уже там разгромить их.

Как видим, план включал в себя смелый маневр танковыми соединениями во фланг и тыл противника. Для осуществления его решено было использовать 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко.

Одновременно фронтовое командование поставило задачи и перед общевойсковыми армиями. Так, 21-я армия генерала Д. Н. Гусева, усиленная 31-м танковым и 1-м гвардейским кавалерийским корпусами, должна была нанести удары на Беутен (Бытом), охватывая Силезский промышленный район с севера и северо-запада. 60-я армия генерала П. А. Курочкина, наступая вдоль Вислы, охватывала его с юга. Наша 59-я армия, по-прежнему усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, должна была продолжать наступление на Катовице. Короче говоря, нас ожидали большие события.

Чем же пришлось заниматься штабу 59-й армии в этот ответственный период подготовки к операции? Прежде всего, естественно, требовалось досконально вскрыть состав группировки противника, которая будет противостоять войскам в полосе наступления армии. Поэтому, как только представилась возможность, командующий армией генерал И. Т. Коровников пригласил к себе начальника штаба генерала Н. П. Ковальчука, командующих родами войск, начальника оперативного отдела полковника Л. М. Крылова и в их присутствии попросил начальника разведотдела армии доложить все имеющиеся у него сведения о противостоявшей нашей армии группировке противника.

От оперативного отдела на этом докладе присутствовали подполковник В. А. Хлынин и я.

Начальник разведотдела доложил, что против 59-й армии в настоящее время действуют части 75-й пехотной, 97-й легкопехотной дивизий врага, 20-й мотодивизии, боевой группы из 10-й мотодивизии, 2-го охранного полка «Остланд», 8-й армейской саперной бригады, остатки разбитых ранее 68-й и 304-й пехотных дивизий, а также

более 10 отдельных батальонов. Всего же нашей армии противостоят более 30 батальонов вражеской пехоты, до 200 танков и самоходных орудий, свыше 400 орудий разных калибров и минометов. Немецко-фашистское командование имеет, кроме того, и несколько частей в резерве, которые, конечно, использует в ходе сражения.

— А как размещены эти части противника? — спросил И. Т. Коровников Л. М. Крылова.

Леонид Михайлович, которого просто невозможно было застать врасплох, так как он всегда имел при себе все необходимые сведения, прежде чем ответить на конкретный вопрос командарма, сказал, что в данный момент нам нужно учитывать и еще одну важную особенность: если наши соседи — справа 21-я армия и слева 60-я армия — будут совершать охватывающие маневры, то нам, естественно, придется наступать на Силезский промышленный район фронтально. В этом случае мы, конечно, всегда сможем произвести обходные маневры. А они были бы крайне необходимы, так как противник в полосе действия нашей армии имеет позиции с двумя-тремя траншеями, между которыми размещены многочисленные огневые точки, блиндажи и укрытия, а подступы к траншеям прикрыты густыми минными полями, проволочными заграждениями и противотанковыми рвами. Более того, берега речек, которые встретятся на нашем пути, в большинстве своем эскарпированы.

Особенно сильно враг укрепил населенные пункты, а города, сливающиеся здесь в целую систему, превратил в узлы сопротивления. Здесь противник возвел многочисленные баррикады, все каменные постройки приспособил к круговой обороне, усилил их дотами. Сильно укреплен и город Катовице, который нам предстоит брать.

Выслушав начальников оперативного и разведывательного отделов, а также командующих родами войск, генерал И. Т. Коровников на основании их докладов принял следующее решение на наступление: 59-я армия должна прорвать оборону противника на рубеже рек Бяла Пшемша и Пшемша, нанося главный удар смежными флангами 43-го и 115-го стрелковых корпусов и силами 4-го гвардейского танкового корпуса в общем направлении на Мысловице, Катовице; разгромив противостоявшую нам здесь группировку войск врага, овладеть затем рубежом Бендзин, Сосновец, Мысловице. В дальнейшем, развивая удар на Катовице, Глейвиц (Гливице), соединениям армии

следовало овладеть городами Хожув и Катовице, выйти на рубеж Гинденбург (Забже), Николаи (Миколув), а в последующем, развивая удар в общем направлении на Козель (Козле), подойти к реке Одер и попытаться захватить плацдарм на ее западном берегу.

Время, отведенное на проведение этой операции, — примерно десять суток. Оперативное построение армии — в один эшелон, а стрелковые корпуса — в два эшелона. Наступление ведут 43-й и 115-й стрелковые корпуса. 245-я стрелковая дивизия, как и прежде, — резерв армии.

Такое оперативное построение армии и корпусов во многом диктовалось тем обстоятельством, что противник после нашего сильнейшего удара под Краковом, конечно, еще не успел как следует закрепиться (хотя по докладу начальника оперотдела и многое сделал) на новых рубежах. И мы могли, следовательно, прорвать его оборону, не особенно эшелонируя свои боевые порядки в глубину.

Штабу армии все же пришлось немало потрудиться, чтобы в связи с новыми задачами своевременно довести их до корпусов и дивизий, восстановить или заново наладить взаимодействие между общевойсковыми и танковыми корпусами, а также и с нашими соседями — 21-й и 60-й армиями. К тому же нужно было подготовить и новые пункты управления, организовать устойчивую связь, обеспечить войска всем необходимым в материальном отношении.

А решить последний вопрос оказалось не так-то просто. Дело в том, что в первые дни Висло-Одерской операции темпы наступления армии были достаточно высокими и тыловые части и подразделения не всегда поспевали за передовыми соединениями. В итоге армейский тыл растянулся, отстал, и это затрудняло снабжение войск. Штаб арму совместно со штабом тыла пришлось приложить немало усилий, чтобы решить и эту задачу.

Помнится, в период подготовки к новому наступлению начальник штаба армии генерал-майор Н. П. Ковальчук обратил наше внимание на следующие два обстоятельства. Он, с одной стороны, потребовал от нас как можно детальнее разработать задачи стрелковым корпусам, поскольку армия наносила главный удар их смежными

флангами, с другой — приказал направить группу работников оперотдела в штабы корпусов, чтобы непосредственно на месте изучить обстановку, условия местности, оценить наши возможности для успешного выполнения поставленной перед армией задачи.

Разработку задач корпусам и составление проекта приказа было поручено произвести подполковнику В. А. Хлынину и мне. В войска же отправились Т. М. Бударин, З. А. Корнилов, В. Т. Сиротенко и некоторые другие наши товарищи.

Проект приказа был разработан довольно быстро. Этому способствовало то обстоятельство, что наша армия продолжала наступление, по существу, без паузы. Подписанный почти без поправок командующим Коровниковым, начальником штаба Ковальчуком и членом Военного совета Лебедевым, этот приказ 18 января уже ушел в войска. 43-му корпусу, куда входили 80, 314 и 13-я стрелковые дивизии с двумя самоходно-артиллерийскими полками, истребительно-противотанковым артиллерийским и минометным полками, а также с пушечной артиллерийской бригадой, ставилась следующая ближайшая задача: уничтожить противника западнее Олькуш и к исходу 19 января овладеть рубежом Лосень, Славкув, Бур Бискули, имея 314-ю стрелковую дивизию во втором эшелоне. В последующем ударом с севера во взаимодействии со 115-м стрелковым корпусом ему предстояло овладеть Силезским промышленным районом.

115-му корпусу в составе его 286, 92 и 135-й стрелковых дивизий с одним гвардейским минометным полком и артиллерийской дивизией приказывалось продолжать наступление в направлении Острержница, Явожно, Гишовец с задачей уничтожить противника в районах западнее Хжанув и к исходу 19 января овладеть рубежом Ценжковице, Хжанув, в последующем, имея одну стрелковую дивизию во втором эшелоне, развивать удар на Катовице и во взаимодействии с 43-м стрелковым и 4-м гвардейским танковым корпусами овладеть Силезским промышленным районом.

Командарм И. Т. Коровников при этом обратил особое внимание на необходимость до выхода 60-й армии в свою полосу западнее Кракова обезопасить левый фланг нашей армии от возможных контрударов противника, для чего приказал командиру 115-го стрелкового корпуса вы-

делить из состава подчиненных ему войск специальные силы и средства.

Надо сказать, что это было очень своевременным предостережением, так как в связи со сложившейся обстановкой 59-я армия должна была какое-то время прикрывать с юга и весь левый фланг 1-го Украинского фронта.

Довольно четкая задача доводилась и до танкистов. Так, 4-му гвардейскому танковому корпусу необходимо было к исходу 19 января выйти в район Воля Филиповска, Груец, Заляс, Новойева Гура, в последующем, наступая в общем направлении на Явожно и Катовице, во взаимодействии со 115-м стрелковым корпусом ударом с юга овладеть Силезским промышленным районом¹.

Правда, в ходе боевых действий Военному совету и штабу армии то и дело приходилось вносить в приказ изменения и дополнения, так как наступление с самого начала развивалось медленно и не слишком-то организовано: войска, продвинувшись вперед всего лишь на несколько километров, затоптались на месте.

Это, естественно, грозило срывом всей задуманной операции. Поэтому, чтобы исправить создавшееся положение, войскам армии было приказано действовать не только днем, но и ночью. Причем эта задача ставилась прежде всего танкистам, и в частности 4-му гвардейскому танковому корпусу, которому командарм приказал под покровом темноты действиями усиленных передовых отрядов обеспечить к утру 21 января захват плацдарма на западном берегу реки Пшемша, а к 9 часам того же дня выйти на ее западный берег всем корпусом и в течение 21 января концентрированным ударом овладеть городом Николаи (Миколув).

Таким образом, 21 января 1945 года рано утром войска нашей армии возобновили наступление. Они с ходу захватили несколько населенных пунктов. Но вот на реке Бяла Пшемша, на участке Щакова, Явожно и в районе Славкув противник начал оказывать нам довольно сильное сопротивление. Выручили танкисты из 4-го гвардейского корпуса, которые в ночь на 21 января своими передовыми отрядами, обходя опорные пункты врага, вышли-таки к реке Пшемша, захватили мосты в районах

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 28.

Бжезинки и Елены и оказались в тылу у гитлеровцев. Те, конечно, сразу дрогнули.

В те дни всей армии стало известно имя отважного гвардейца лейтенанта Н. И. Агеева. Это под его командованием три танка первыми переправились на западный берег Пшемши. Гитлеровцы отрезали героические экипажи от основных сил. Но танкисты Агеева не дрогнули. Двое суток они отражали яростный натиск врага. И выстояли-таки до подхода подкрепления!

За мужество и отвагу лейтенанту Н. И. Агееву и одному из его подчиненных старшему сержанту Г. Ф. Чехлову было присвоено звание Героя Советского Союза. Другие танкисты этой группы также удостоились высоких правительственных наград.

Но вот тревожные сведения поступили из 43-го стрелкового корпуса. Некоторые его части были остановлены на реке Бяла Пшемша сильными контратаками противника.

В корпус срочно отправился командующий артиллерией армии генерал Н. В. Дорофеев. Оценив на месте обстановку, он приказал выдвинуть на прямую наводку артиллерию всех калибров и почти в упор бить по укреплениям врага. И это возымело действие. 22 января части и соединения 43-го корпуса снова пошли вперед и с боем овладели городами Славкув, Стшемешнице-Вельке и многими другими населенными пунктами.

В этот же день частям 286-й стрелковой дивизии 115-го стрелкового корпуса удалось захватить местечко Мачки, а 23 января после упорных уличных боев и города Щаков и Явожно.

В период боевых действий в целях усиления удара по противнику штабом на основе решения командующего армией отдал войскам целый ряд боевых распоряжений, которые по нашему замыслу должны были сыграть положительную роль при освобождении от гитлеровцев Силезского промышленного района. Так, 24 января 1945 года 43-му стрелковому корпусу было приказано перенацелить главные силы на свой левый фланг, с тем чтобы нанести как можно более мощный удар по противнику в направлении города Катовице и, прорвав его оборону, овладеть рубежом Домброва-Гурне, Сосновец. 115-му стрелковому корпусу ставилась такая задача: силами 286-й и 92-й стрелковых дивизий во взаимодействии с частями 4-го гвардейского танкового корпуса нанести удар с рубежа

Явочно, Бычина в направлении на Костов, прорвать оборону противника по реке Пшемша и к исходу 24 января овладеть рубежом Мысловице, Холдунув. А 4-му гвардейскому тапковому корпусу, в свою очередь, было приказано развивать наступление в направлении на Костов и Катовице и во взаимодействии со 115-м стрелковым корпусом к исходу 24 января овладеть последним¹.

Однако, к сожалению, наши надежды не оправдались. Противник вскоре перешел к более активным действиям, предприняв только за один день 24 января 13 яростных контратак. Гитлеровцы вводили в бой все новые и новые батальоны, поддержанные крупными силами артиллерии. По боевым порядкам частей 59-й армии начала наносить чувствительные удары и вражеская авиация. Поэтому в тот день лишь 135-я дивизия во взаимодействии с частями 60-й армии ценой больших усилий смогла освободить Хжанув — один из крупных городов Домбровского угольного бассейна.

Но более успешно действовал наш сосед — 21-я армия. Ее войска не вступали в затяжные бои за отдельные укрепления, а вели их маневренно, по возможности обходя крупные населенные пункты, и, охватывая Силезский промышленный район с севера, уже 25 января освободили город Глейвиц (Гливице), который, кстати, входил в полосу наступления 59-й армии.

Решительно продвигались вперед и войска 60-й армии, охватывая Силезский промышленный район с юга. И это, как подсказали последующие события, во многом облегчило и нашу задачу, так как противостоящий нам противник очень скоро забеспокоился, почувствовав нависшую над ним угрозу окружения.

Однако 25 января гитлеровцы попытались ликвидировать наш плацдарм на западном берегу Пшемни. Они ввели в бой дополнительно части 371-й пехотной дивизии, батальон «фольксштурма» и один из сводных батальонов. Но 92-я и 286-я дивизии 115-го стрелкового корпуса нашей армии отбили все контратаки врага и уже на следующий же день овладели городом Мысловице. А части 43-го корпуса тем временем уже вплотную подошли к городу Сосновец.

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 41, 42.

В те дни, обобщая поступающие из войск допесения, мы в штаарме все больше и больше сходились во мнении, что штабы корпусов недостаточно настойчиво претворяют в жизнь наш первоначальный замысел — наносить удар по противнику смежными флангами корпусов. Поэтому-то действия войск и носят такой разрозненный характер.

Кстати, создавшееся мнение подкрепляли и донесения наших товарищей из оперативного отдела, которые, как говорилось выше, работали в войсках, непосредственно на местах контролируя ход выполнения приказа штаарма.

Доложили об этом Коровникову и Ковальчуку. Командарм тут же связался с 43-м и 115-м стрелковыми корпусами, а также с командиром 4-го гвардейского танкового корпуса. Я сам слышал, как он разговаривал по телефону с комкором 43 генерал-майором А. И. Андреевым.

— Анатолий Иосифович, — спросил командарм, — почему так вяло действует ваше соединение?

— Стараемся, товарищ генерал, но противник очень уж сильно контратакует...

— Ведь Военный совет указывал вам, что надо сосредоточить усилия на левом фланге, чтобы вместе с соседом прорвать оборону противника на достаточную глубину и выполнить затем задачу, — напомнил Коровников.

— Перегруппировка заняла много времени...

— Вот что, — уже тоном приказа прервал Андреева командарм. — Сейчас в ваш штаб будет отправлено боевое распоряжение. А пока примите меры к усилению своего левого фланга и берите пункт С. (имелся в виду город Сосновец. — *И. К.*).

В 43-й стрелковый корпус и в самом деле тут же пошла шифрограмма штаарма. В пей предлагалось следующее: корпусу, выполняя замысел штаба армии, иметь группировку войск на своем левом фланге и наносить ею удар в направлении Сосновец, Кенигсхютте, с тем чтобы выйти на реку Черна Пшемша и к исходу дня овладеть рубежом Михалковец, (иск.) Катовице. Другой шифрограммой уже командиру 115-го стрелкового корпуса предлагалось расширить плацдарм на западном берегу реки Пшемша и, прорвав там оборону противника, во взаимодействии с 4-м гвардейским танковым корпусом овладеть районом Гишовец. К исходу же дня 26 января соединения 115-го стрелкового и 4-го гвардейского танкового корпу-

сов должны были освободить город Катовице, нанося по нему удар с юго-запада.

В течение 26 и 27 января соединения нашей армии вели трудные бои за Сосновец, Бендзин, Домброва-Гурница, Челядзь—крупные центры Домбровского угольного бассейна. Постепенно расширялся плацдарм на западном берегу Пшемши. С него-то наши войска и начали обход Катовице с севера и юга. В бой по приказу командарма была введена и 245-я стрелковая дивизия—резерв армии.

Удар по противнику нарастал с каждым днем. 27 января войска армии форсировали-таки реку Черна Пшемша и устремились в глубь вражеской обороны. Гитлеровцы были выбиты из Сосновца, Бендзина, Домброва-Гурница, Челядзи. В тот день Верховный Главнокомандующий в своем приказе объявил благодарность всему личному составу нашей армии, а многим частям и соединениям было присвоено почетное наименование Домбровских.

Таким образом, перед нами открылся путь на Катовице. Но легко пройти его нам не удалось. Противник не хотел сдавать этот важный город Верхней Силезии, оказывал упорное сопротивление, цепляясь за каждый маломальски пригодный для обороны рубеж.

Особенно трудно пришлось в эти дни танкистам генерала П. П. Полубоярова. Против них противник применял многочисленную артиллерию, использовал в ближнем бою фаустпатроны. Части корпуса начали нести ощутимые потери. Наступление 4-го гвардейского танкового корпуса застопорилось.

В самый разгар этих событий на КП 59-й армии прибыл командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Так уж вышло, что именно мне довелось встречать и сопровождать маршала на армейский КП. Мы ехали с И. С. Коневым в машине. Дорогой он начал расспрашивать меня, давно ли я работаю в штабе, нравится ли мне штабная работа. Я рассказал маршалу, что прошел с 59-й армией Волховский и Ленинградский фронты, по стечению обстоятельств все время служу в армейском штабе, дело оператора освоил, штабная работа по душе. Не удержался, чтобы не сказать И. С. Коневу о том, что службу свою начинал под его началом, в Самаро-Ульяновской Железной дивизии. Более того, в 72-м стрелковом полку, которым Иван Степанович в свое время командовал.

Маршал оживился, начал рассказывать о дивизии, из которой вышло немало замечательных командиров. А потом спросил, помню ли я ее послужной список, составленный еще комдивом Гая Дмитриевичем Гаем. Я ответил, что конечно же помню. Тогда Иван Степанович, повернувшись ко мне с переднего сиденья, сказал:

— А вот мы сейчас проверим, знаешь ли ты этот список.

И он начал быстро задавать вопросы:

— Имя дивизии?

— Двадцать четвертая, — ответил я.

— Фамилия?

— Железная.

— Отчество?

— Симбирская.

— Специальность?

— Стрелковая.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот восемнадцатый.

— Кем рождена?

— Великой Октябрьской социалистической революцией.

— Место рождения?

— На реке Волге, под Симбирском.

— Происхождение?

— Из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губерний.

— Образование?

— Окончила университет гражданской войны...

Отвечая на вопросы маршала, я и не заметил, как мы проехали нужный поворот и оказались на незнакомой местности. Я сидел в машине ни жив ни мертв. «Ну, — думаю, — пропал».

Маршал, остановив машину, посмотрел на меня сердитыми глазами. Потом сказал:

— Молись богу, подполковник, что ты мой однополчанин по Железной. А то бы...

И приказал ехать на командный пункт армии.

Теперь-то я смотрел на дорогу, как говорится, в оба. Наперед указывал шоферу каждый поворот, каждый куст и доставил высокое фронтовое начальство на КП генерала И. Т. Коровникова уже без происшествий.

Командарм встретил маршала И. С. Конева, доложил обстановку. А она, как уже говорилось, была не очень-то радостной. Особенно в корпусе генерала П. П. Полубоярова. Там противник жег наши тапки фаустпатронами, немало их застряло в поймах рек. В этой связи И. Т. Коровников попросил маршала дать ему время для приведения танкового корпуса в порядок и уже затем продолжить наступление на Катовице.

Конев слушал командарма хмурясь. Было видно, что он недоволен докладом и с трудом сдерживает раздражение. Потом спросил:

— У вас все?

— Да, все, товарищ командующий.

— Тогда послушайте меня, и повнимательнее. Передайте Полубоярову, что к вечеру 28 января Катовице должен быть взят! Сил и средств у него предостаточно. И еще... Если для взятия Катовице потребуются его личное участие, пусть садится в танк и управляет своими подчиненными непосредственно из боевых порядков. Я жду его доклада из Катовице.

— Вас понял, товарищ командующий. Город будет взят!

И действительно, вскоре танкисты генерала П. П. Полубоярова ворвались в Катовице. Первыми уличный бой завязали две танковые роты—передовые отряды танковых бригад. Они-то и расчистили путь главным силам корпуса. Командовали этими ротами старшие лейтенанты И. П. Петров и С. В. Храмцов. За мужество и отвагу, проявленные при взятии Катовице, им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Кстати, бои за этот город шли два дня. Вслед за ротами Петрова и Храмцова туда вскоре ворвались 13-я и 12-я гвардейские танковые бригады. Они повели бои на юго-восточной окраине города. А уже во второй половине дня 27 января на восточную окраину Катовице вступили части 245-й стрелковой дивизии—армейского резерва. Вместе с танкистами наши пехотинцы начали теснить противника, отвоевывая у него одну улицу за другой, и к 17 часам 28 января полностью очистили город. Генерал П. П. Полубояров лично доложил маршалу И. С. Коневу: «Город Катовице взят!»

Дальнейшие события развивались следующим образом. Повернутая по приказу фронта на юг 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко совершила дерзкий

рейд по тылам врага и заставила его во избежание окружения начать поспешный отход на запад. Успешно продвигались вперед и наши соседи — 21-я и 60-я армии. Под их ударами гитлеровское командование начало отвод своих уцелевших частей на Ратибор (Рацибут). Правда, фашисты еще пытались кое-где контратаковать наши наступающие войска. Но это уже не могло остановить советских воинов. Они беспощадно громили отступающих из Силезского промышленного района гитлеровцев.

Таким образом, замысел командования 1-го Украинского фронта был выполнен — наши войска не только освободили Силезский промышленный район, но и спасли его от разрушения.

28 января 1945 года столица нашей Родины — Москва снова салютовала доблестным воинам 1-го Украинского фронта. На этот раз в честь освобождения ими города Катовице — центра Домбровского угольного бассейна — и других промышленных районов Верхней Силезии. Многие части и соединения фронта, отличившиеся в этих боях, получили почетное наименование Катовицких.

28 января нас всех срочно вызвали к командарму. Генерал И. Т. Коровников тепло поздравил с победой и тут же сказал, что создавшаяся на сегодняшний день обстановка просто-таки благоприятствует нашему дальнейшему наступлению.

— По-моему, надо смелее развивать наступление на запад, — сказал он. — Противник сейчас морально падломлен, это видно по тому, что его сопротивление потеряло былую силу. Поэтому я и предлагаю выйти на плечах отступающих гитлеровских частей на рубеж реки Одер.

По указанию командарма и начштаба мы в короткий срок разработали соответствующую директиву, в которой, в частности, говорилось: 59-я армия, продолжая преследовать противника, к исходу 29 января должна достичь рубежа реки Одер. В связи с этим 43-му стрелковому корпусу ставилась задача с ходу овладеть плацдармом на его западном берегу. 115-й корпус наряду с ликвидацией вражеских групп и отрядов в полосе своего наступления и выходом к исходу дня 28 января на рубеж реки Одер главной своей задачей должен считать содействие соседу слева в продвижении на запад и, ни в коем случае не оставляя без внимания стык с 60-й армией, обеспечить фланг ударной группировки своей, 59-й армии¹.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 55.

29 января 59-я армия своими главными силами действительно вышла к Одеру. И тут же получила новую задачу — с ходу форсировать его, нанести удар в направлении на Обер-Глогау (Глогувек) и, развивая наступление, к исходу 2 февраля выйти на рубеж реки Нейсе¹.

Вечером 30 января части 115-го стрелкового корпуса форсировали реку Одер и начали вести разведку на ее западном берегу. 245-я стрелковая дивизия, совершив 25-километровый марш, вышла к Одеру на участке южнее Козель, Одервальде, Фюрстенвизе, и ее передовые отряды тоже форсировали реку. 92-я дивизия также приблизилась к Одеру. 286-я стрелковая дивизия овладела рубежом Клейн, Гросс-Рауден.

К 31 января армия уже имела два плацдарма на западном берегу Одера. И хотя противник предпринимал отчаянные попытки спихнуть наши части в реку, это ни к чему не привело. Более того, силами 115-го стрелкового корпуса через Одер вскоре были наведены две переправы (в районах Одервальде и Веллен), через которые уже неудержимым потоком устремились советские войска.

Таким образом, к концу января войска 1-го Украинского фронта во всей своей полосе наступления вышли к Одеру и на некоторых участках даже форсировали его, захватив плацдармы на западном берегу. Этим (плюс освобождение Силезского промышленного района) и закончилась Висло-Одерская операция — одна из крупнейших в Великой Отечественной войне.

В итоге Висло-Одерской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта освободили от противника всю южную часть Польши с ее древней столицей Краковом, а также Силезский промышленный район, захватили на западном берегу Одера оперативные плацдармы и, ступив на территорию уже собственно Германии, создали благоприятные условия для нанесения последующих ударов по врагу на берлинском и дрезденском направлениях.

За 23 дня боевых действий войска фронта разгромили 23 пехотные, 5 танковых дивизий, 27 отдельных пехотных, 10 артиллерийских и минометных бригад, большое число различных специальных подразделений и отдельных батальонов. Противник только убитыми потерял более 150 тысяч своих солдат и офицеров, 43 тысячи было

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 57.

взято в плен. Свыше 5 тысяч орудий и минометов, более 300 танков, свыше 200 самолетов — таков урон врага в боевой технике.

Здесь следует добавить, что еще к 1 января 1945 года четвертая часть Польши с населением в 6 миллионов человек была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. А днем раньше, 31 декабря 1944 года, на пленарном заседании Крайовой рады народной в Люблине Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство. Народ многострадальной Польши с удовлетворением встретил рождение своего первого демократического правительства.

4 января 1945 года Советский Союз первым признал Временное правительство Польской Республики и установил с ним дипломатические отношения.

Временное правительство республики делало все от него зависящее, чтобы помочь советским войскам как можно скорее изгнать гитлеровцев из западных районов Польши и выволочь остальных своих соотечественников из фашистской неволи.

А нужно сказать, что гитлеровские захватчики с самого начала оккупации ими в 1939 году польской территории установили на ней поистине средневековые порядки. Лучшие земли были отданы в руки немецких помещиков, вся промышленность и торговля также находились под полным контролем оккупантов. Более того, немецко-фашистские захватчики вообще старались вытравить из поляков все польское. Так, служебная переписка и все переговоры велись здесь только на немецком языке. Польские школы оккупанты закрыли. Тысячи поляков были брошены в тюрьмы или угнаны в рабство в Германию. Вся территория Польши была покрыта сетью концентрационных и трудовых лагерей, в которых томились не только польские антифашисты, прогрессивные деятели, ученые, писатели, работники искусства, но и советские военнопленные, представители других народов Европы.

Кстати, в период проведения операции некоторые подразделения нашей армии участвовали в освобождении одного из таких лагерей. Это был лагерь смерти Освенцим, расположенный близ Кракова. Здесь, как поведали нам его бывшие узники, одновременно содержалось от 180 до 200 тысяч человек.

Мне с группой товарищей представилась возможность около часа побыть на территории этого лагеря. Перед на-

ми, а также перед журналистами, тоже прибывшими сюда, предстала ужасная картина гитлеровских преступлений перед человечеством. Фашисты расстреливали в лагере тысячи ни в чем не повинных людей, сжигали их заживо, проводили над ними всевозможные опыты, заражали инфекционными болезнями. В душегубках, газовых камерах и крематориях Освенцима ежегодно погибали сотни тысяч человек, а всего за годы войны в этом ужасном лагере смерти было истреблено свыше 4 миллионов польских, советских и других граждан из поработанных гитлеровцами стран Европы. Помнится, нам рассказали, что всех поступающих в Освенцим начальник лагеря эсэсовец Фрич обычно встречал такой циничной фразой: «Предупреждаю, что вы приехали сюда не в санаторий, а в немецкий концлагерь, из которого существует один только выход — через дымоход».

В Освенциме мы увидели истощенных до неузнаваемости людей. Большинство из них не могли даже самостоятельно передвигаться. Тут были поляки, русские, французы, бельгийцы, чехи, словаки, венгры, румыны...

А рядом с этими полуживыми трупами находились горы человеческих волос, детских ботиночек и женских туфель, ящики с порошком из человеческих костей, зубные протезы... И орудия пыток, которым позавидовали бы даже средневековые инквизиторы.

А каков же вклад нашей 59-й армии в общий успех Висло-Одерской операции? Прямо скажем — немалый. За период с 14 и по 31 января ее войска прошли с боями 220 километров, освободили от гитлеровцев около 1700 населенных пунктов. Армия участвовала в освобождении Кракова, Катовице, Силезского промышленного района. Ее корпуса и дивизии уничтожили в боях около 17 тысяч солдат и офицеров противника, а также большое число орудий, танков и самоходок. Они пленили 1400 гитлеровцев, захватили в качестве трофеев 174 орудия, 361 пулемет, 31 танк, 10 самолетов, свыше 1500 мотоциклов, более 16 тысяч винтовок, 1002 автомашины, свыше 300 паровозов, почти 1600 вагонов и платформ¹.

Трудно переоценить значение Висло-Одерской операции и в смысле оказания нами помощи западным союз-

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1086, л. 63.

пикам. Стремительное наступление советских соединений в междуречье Вислы и Одера буквально спасло английские и американские экспедиционные войска от полного разгрома их в Арденнах, что затем положительно сказалось и на последующих боевых действиях союзников на западе. И как бы сейчас ни пытались фальсификаторы истории второй мировой войны умалить этот выдающийся исторический факт, поставить его под сомнение, им никогда не удастся скрыть от народов мира того, что именно Красная Армия сорвала зимнее наступление фашистского командования на западе, имевшее своей целью захват Бельгии и Эльзаса, и дала возможность армиям наших союзников в свою очередь перейти в наступление и добиться успехов в борьбе с гитлеровскими захватчиками.

Об этом же говорят и такие вот высказывания. В те дни Черчилль писал И. В. Сталину: «Мы очарованы Вашими славными победами над общим врагом...»

А лондонская газета «Таймс» сообщала 20 января 1945 года: «Немцы бегут из Южной Польши... На карту поставлено дальнейшее существование рейха».

И даже западногерманский военный историк, бывший гитлеровский генерал Меллентин позже констатировал: «...Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи».

Комментарии к этому, как говорится, излишни.

ИЗ БОЯ В БОЙ

В этой главе мне хочется рассказать о том, как проходила Верхне-Силезская операция, в которой самое активное участие принимала и наша 59-я армия. Но к рассказу о ней, конечно, нельзя перейти, не посвятив читателя, хотя бы вкратце, в предшествующие ей события, в частности, не упомянув о Нижне-Силезской операции, которая была спланирована в самом конце января 1945 года и проводилась как непосредственное продолжение Висло-Одерской операции.

Нижне-Силезская операция длилась семнадцать суток, с 8 по 24 февраля 1945 года. За это время войска 1-го Украинского фронта своим правым крылом прорвали вражескую оборону на Одере, преодолели промежуточные рубежи по рекам Бобер и Квейс и вышли к Нейсе. Именно выход на реку Нейсе, на уровень линии войск 1-го Белорусского фронта, и был главным итогом февральского наступления, который имел большое оперативно-стратегическое значение: армии двух наших крупнейших фронтов заняли наиболее выгодные рубежи для последующего нанесения завершающего удара па берлинском направлении.

Одновременно войска 1-го Украинского фронта угрожающе нависли над верхне-силезской группировкой противника — создалась возможность ее окружения и разгрома.

В Нижне-Силезской наступательной операции главный удар планировалось нанести с двух наших крупных плацдармов на реке Одер, расположенных севернее и южнее Бреслау. В результате успеха этот сильно укрепленный врагом город необходимо было или окружить, а затем взять, или обойти и оставить в нашем тылу, естественно, блокированным частью сил, дабы исключить любые воз-

возможные помехи основной группировке фронта при наступлении на Берлин.

Одновременно войскам левого крыла 1-го Украинского фронта предстояло разгромить противника на дрезденском направлении. При этом фронт рассчитывал на помощь своего соседа слева — войск 4-го Украинского фронта.

Что же получилось на деле? А вот что. Фактически к 24 февраля армии нашего фронта выполнили лишь часть поставленной перед ними задачи: окружили вражеские гарнизоны в Бреслау и Глогау и продвинулись вперед на главном направлении почти на сто пятьдесят километров, выйдя на реку Нейсе, на уровень правого крыла 1-го Белорусского фронта. И здесь закрепились.

Почему же Нижне-Силезская операция была осуществлена лишь на такую глубину? Причин тому несколько. Но главные из них следующие. Когда планировалась эта операция, командование нашего фронта исходило из предположения, что одновременно с 1-м Украинским будут продолжать наступление 1-й Белорусский и 4-й Украинский фронты. Однако как раз в этот период 1-му Белорусскому фронту пришлось подготавливать и проводить Восточно-Померанскую операцию, крайне необходимую для того, чтобы сорвать планировавшийся немецко-фашистским командованием контрудар по правому крылу 1-го Белорусского фронта группой своих армий «Висла». А 4-й Украинский фронт, в свою очередь, встретив сильное сопротивление противника, вперед почти не продвинулся.

Второй причиной было то, что командование 1-го Украинского фронта, по признанию самого И. С. Конева, явно недооценило силы противника, его возможность в столь короткий срок восстановить боеспособность своих разгромленных на Висле и Одере частей и соединений.

И, наконец, третья причина. Наступление в запланированных масштабах было затруднено огромной растяжкой коммуникаций, отрывом тылов от первых эшелонов фронта.

Однако, несмотря на эти и другие трудности, 1-й Украинский фронт все же добился, как мы видим, в ходе Нижне-Силезской наступательной операции определенных успехов.

59-я армия в Нижне-Силезской операции наступала на вспомогательном направлении. И, прямо скажем, серьез-

ного успеха не имела, так как нами не было создано достаточное превосходство над врагом в силах и средствах. Так, соотношение сил с противником у нас было почти равное, тогда как в группировке, действовавшей севернее и южнее Бреслау, фронт имел значительное превосходство над гитлеровцами в пехоте, артиллерии и танках.

Итак, не добившись, как уже говорилось, серьезного успеха в наступлении, 59-я армия получила приказ перейти с 10 февраля 1945 года к обороне. Правда, активные боевые действия мы продолжали вести вплоть до 18 февраля, улучшая свои позиции, особенно на левом фланге армии. И лишь 19 февраля прекратили наступательные действия, перейдя к жесткой обороне на достигнутых рубежах.

В результате февральских боев южное крыло 1-го Украинского фронта достигло предгорий Судет и угрожающе нависло над верхне-силезской группировкой противника. Создались благоприятные условия для удара по Чехословакии, где в то время было еще немало немецко-фашистских войск.

Но командование фронта в то время волновали иные заботы. После потери Силезского промышленного района гитлеровцы постоянно держали против нас довольно-таки сильную группировку своих войск, продолжая неустанно наращивать ее. Они вынашивали планы как можно скорее деблокировать Бреслау и вернуть назад Силезский промышленный район. И с этим нельзя было не считаться.

Вот тогда-то, чтобы обезопасить от возможных неприятностей левый фланг 1-го Украинского фронта, советское командование и решило провести частную операцию, которая получила название Верхне-Силезской. На осуществление ее нам отводилось примерно полмесяца — с 15 по 31 марта. Цель операции заключалась в том, чтобы разгромить оппельско-ратиборскую группировку противника, выравнять линию фронта и тем самым создать необходимые условия для последующего перехода в наступление на главном, берлинском направлении.

Для достижения этой цели в масштабе фронта были созданы две ударные группировки войск — северная и южная. Северная включала в себя 21-ю армию, один корпус из 5-й гвардейской армии, 4-ю гвардейскую танковую ар-

мию и 4-й гвардейский танковый корпус. Южная, или ратиборская, группировка состояла из нашей 59-й и 60-й армий, которым из резерва фронта передали 93-й стрелковый, 7-й гвардейский механизированный, 31-й танковый корпуса и 152-ю отдельную танковую бригаду.

Обе группировки получили и солидное артиллерийское обеспечение.

Перед проведением Верхне-Силезской наступательной операции в составе нашей армии произошли некоторые изменения. Мы, в частности, приняли от 21-й армии ее прежний участок, проходивший по рубежам Оппельн (Ополе), Краппитц (Краковице). Кроме того, наша 286-я стрелковая дивизия была передана в состав 60-й армии, а 11-я отдельная истребительно-противотанковая бригада — в резерв фронта. Вместо этого к моменту начала наступления в армию прибыл 93-й стрелковый корпус под командованием генерала Я. С. Шарабурко. Начальником штаба корпуса был полковник А. Н. Крыловских.

Вскоре нам придали и 7-й гвардейский механизированный корпус в составе 24, 25 и 26-й гвардейских механизированных и 57-й гвардейской танковой бригад. Корпусом командовал генерал И. П. Корчагин, начальником штаба у него был генерал Д. М. Баринов. К нам также прибыли артиллерийская дивизия, артиллерийская пушечная бригада, минометный и артиллерийский полки, гвардейская минометная бригада и гвардейский минометный полк, две истребительно-противотанковые артиллерийские бригады.

Правда, как стрелковый, так и механизированный корпус не был как следует укомплектован ни техникой, ни личным составом. Но вот артиллерийское усиление было внушительным: 170 стволов на километр фронта прорыва! И это — без учета 45-мм орудий, 82-мм минометов и зенитной артиллерии. Словом, воевать было чем.

Замысел Верхне-Силезской операции сводился к следующему: северная и южная группировки наших войск, одновременно нанося удары с севера на юг и с востока на запад, должны были в итоге соединиться, окружить противника на оппельском выступе и разгромить его.

59-я армия, как уже указывалось выше, входила в состав ратиборской группировки наших войск. Ей ставилась задача: наступая с плацдарма южнее Козеля (Козле), во взаимодействии с частями и соединениями 60-й ар-

мии прорвать здесь оборону противника и овладеть городом Обер-Глогау (Глогувек), затем выйти на рубеж Погуже, Зюльц (Бяла), Нейштадт (Прудник), соединиться с войсками 21-й и 4-й гвардейской танковой армий и уже совместно с ними уничтожить вражескую группировку на оппелънском выступе.

Наше наступление обеспечивалось ударом войск 60-й армии в направлении на Люобшютц (Глубчице), Тромешна.

Как только командование 59-й армии получило приказ на наступление, в штабе сразу же развернулась большая подготовительная работа. Помню, как командарм И. Т. Коровников дотошно выспрашивал у начальника оперативного отдела Л. М. Крылова о противостоявшем нам противнике, его резервах — тактических и оперативных. Рассматривая карту, которую мы, штабисты, только что обновили, нанеся на нее группировку врага, Л. М. Крылов докладывал командарму о том, что нам предстоит иметь дело не только с уже знакомыми фашистскими частями и соединениями, но и с совершенно новыми.

— Так какие же это соединения? — спросил Коровников и тоже склонился к карте.

— Перед фронтом армии, как выяснилось, противник обороняется частями сто шестьдесят восьмой, семьсот двенадцатой и триста сорок четвертой пехотных дивизий, восемнадцатой моторизованной дивизии СС, пятисотым штрафным полком, отдельным штурмовым полком резерва главного командования, фузелирным батальоном из первой легкой егерской дивизии, батальоном полицейского полка и шестью сводными охранными батальонами «Фольксштурма», — перечислил начальник оперативного отдела. — Всего же перед фронтом армии в первой линии (на переднем крае и в тактическом резерве) действуют до тридцати пяти батальонов пехоты противника при поддержке тринадцати артиллерийских дивизионов, двадцати двух минометных батарей и семидесяти танков и самоходных установок.

— А каковы его тактические резервы и где они находятся? — поинтересовался командарм.

Леонид Михайлович Крылов доложил:

— В тактическом резерве противник имеет кавалерийский дивизион, батальон «Фольксштурма» и один полк из сто шестьдесят восьмой пехотной дивизии, находящийся, по нашим сведениям, в стадии формирования. В опе-

ративном резерве в районе Бладен, что в восьми километрах южнее Люобшютца, дислоцируется пехотная дивизия не установленной нами нумерации.

Командарм уточнил также и состав авиационной группировки противника. Оказалось, что перед фронтом армии гитлеровцы имеют до 130 боевых самолетов, которые базируются на аэродромах Ламсдорф, Нейсе и Троппау.

— Да-а, силы немалые,— покачал головой И. Т. Коровников и еще ниже склонился над картой.

Следует сказать, что штаб имел довольно полные сведения и о состоянии обороны противника. Нам, например, было известно, что особенно сильно гитлеровцы укрепили участок южнее Козеля. Здесь они возвели три линии траншей, соединенных между собой ходами сообщения. Траншеи прикрывались проволочными заграждениями и миппами полями.

В целях усиления своей обороны противник, как всегда, использовал и многочисленные населенные пункты, высоты. Дома, кирхи и другие каменные сооружения он приспособил для жесткой круговой обороны, улицы перегородил баррикадами. Более того, чтобы ввести в заблуждение наступающих, особенно танкистов, гитлеровцы оборудовали так называемые безбрустверные траншеи, которые издали не очень-то и заметишь.

Нельзя не отметить и того факта, что соединениям армии предстояло наступать в пределах Судетских гор, по которым раскинулось немало крупных населенных пунктов. К тому же и сами Судеты имели крутые, подчас обрывистые склоны.

Выгодными для врага рубежами обороны являлись и реки Хотценплотц (Особлага) и Нейсе (Ныса). Ширина их достигала 30—50 метров, а глубина — до 5 метров. В полосе наступления имелись и леса, которые противник постарается использовать для целей обороны.

Мешала делу и наступившая распутица. Ведь пришла уже весна, а она в Германии слякотная, дождливая. Поля и дороги развезло так, что по ним ни пройти, ни проехать.

Конечно, все это нами при подготовке данных для принятия командармом решения было учтено, особенно при выборе направления для главного удара армии, а также для ее оперативного построения.

Генерал И. Т. Коровников, оценив обстановку, главный удар решил нанести левым флангом армии и, уничтожив противостоящего нам здесь противника, развивать наступление дальше, в общем направлении на Люобшютц, Обер-Глогау и Зюльц; в течение трех суток разгромив оборонявшихся в этих населенных пунктах гитлеровцев, выйти на рубеж Рогау, Несельвитц, Рингвитц, Визенгрунд и Нейштадт, где соединиться с войсками 21-й и 4-й гвардейской танковой армий и уже совместными усилиями уничтожить окруженную группировку противника на оппельском выступе¹.

Учитывая силы врага, характер его обороны, местность, а также наши возможности, штаб 59-й армии определил и фронт прорыва. На направлении главного удара он равнялся 5 километрам. Глубина операции — 42 километра. Средний темп наступления для пехоты — 14 километров, для механизированных войск — 21 километр в сутки.

Прорыв обороны противника предполагалось осуществлять силами 92-й и 135-й стрелковых дивизий 115-го стрелкового корпуса, а также 98-й дивизии 93-го стрелкового корпуса. 115-й корпус должен был иметь во втором эшелоне 245-ю стрелковую дивизию, а 93-й стрелковый корпус — одну дивизию во втором и одну стрелковую дивизию в третьем эшелонах.

Боевые порядки дивизий и полков строились в два эшелона.

В резерве армии находился всего лишь один стрелковый полк.

7-й гвардейский механизированный корпус должен был вводиться в бой через боевые порядки 93-го стрелкового корпуса в целях развития успеха.

Почему же было принято решение наступать на направлении главного удара именно в таком построении боевого порядка? Объяснялось это несколькими причинами. Во-первых, при данной системе обороны противника, по мнению некоторых операторов нашего штаба, основная тяжесть боев должна была лечь на плечи стрелковых корпусов и дивизий. Во-вторых, такое построение, по их взглядам, позволяло не только прорвать оборону противника, но и непрерывно наращивать силу удара на всю глубину операции, достигая тем самым быстроты дейст-

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1235, л. 11.

вия войск в создании прочного внешнего кольца окружения и последующего уничтожения группировки врага. В-третьих, якобы возрастала сила нашего удара по противнику, оборонявшемуся на промежуточных рубежах.

Оперативное построение армии было в один эшелон. И этому тоже находилось объяснение. Дескать, глубина операции небольшая, всего 42 километра, да и по времени операция непродолжительная — три дня. Так что...

Кстати сказать, в штабе имелось и другое мнение. Его сторонники предлагали построить боевые порядки армии в два эшелона, увеличить фронт пробыва, создать на направлении главного удара мощную артиллерийскую группировку. Они ратовали и за более массивное применение танков на этом направлении, и, конечно, за выделение сильного армейского резерва, с помощью которого можно было бы влиять на ход боя. Такое оперативное построение армии, утверждали сторонники второго мнения, будет в полной мере соответствовать замыслу командующего — сильным одновременным ударом прорвать оборону противника, подвижными соединениями выйти в его тылы, чтобы соединиться затем с войсками 21-й и 4-й гвардейской танковой армий и окружить противника на оппельском выступе. Наравивать же силу удара можно будет за счет второго эшелона и резервов.

Но восторжествовало, повторяю, первое мнение, на основе которого 10 марта был разработан и направлен в войска боевой приказ. В нем определялись задачи армий и соседей, было изложено решение, поставлены задачи стрелковым и механизированному корпусам. Подробно говорилось в нем и об артиллерийском и инженерном обеспечении операции, указывались время готовности к переходу в наступление, пункты управления, порядок обеспечения войск связью.

Подходила решающая минута.

Справа от нашей армии должны были наступать 21-я и 4-я гвардейская танковая армии, держа направление на Нейсе, слева — 60-я армия, получившая задачу двигаться на Любшютц. Не могу не сказать, что командующие этими объединениями были нашими старыми знакомыми. Так, 21-й армией командовал генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев, которого мы знали еще по Ленинградскому фронту. Правда, тогда он был начальником

штаба фронта и лишь позднее принял 21-ю армию. По своему характеру Дмитрий Николаевич был человеком очень собранным и активным, отличался глубиной мышления и трезвой рассудительностью. В проведении в жизнь принятых решений был тверд и непреклонен, умел широко осмыслить всю обстановку и найти в ней главное.

60-й армией командовал генерал-лейтенант П. А. Курочкин, тоже дальновидный, опытный генерал. Словом, на соседей можно было вполне положиться. Такие не остаются в беде.

В период подготовки к наступлению мне пришлось принять участие в составлении таблицы взаимодействия нашей армии с авиацией. На первый день операции мы спланировали 150 самолето-вылетов бомбардировщиков, 180 самолето-вылетов штурмовиков и 90 самолето-вылетов истребителей. На второй день — 100 самолето-вылетов бомбардировщиков, 150 самолето-вылетов штурмовиков и 70 самолето-вылетов истребителей¹. Как видим, особое внимание мы уделили бомбардировочной и штурмовой авиации, которая должна была нанести мощные удары по противнику, засевшему в укрепленных пунктах и узлах сопротивления, а также по его резервам и отступающим колоннам.

Артиллерийское наступление планировалось построить следующим образом: артиллерийская подготовка, огонь на разрушение по разведанным целям, огневые налеты, а в период подготовки атаки — подавление огневых средств и уничтожение живой силы противника на переднем крае и в ближайшей глубине. Предусматривалось и сопровождение пехоты артогнем.

К началу наступления артиллерийская группа нашей армии состояла из 17-й артиллерийской дивизии, 127-й армейской пушечной артиллерийской бригады, 127-го минометного полка, 70-го гвардейского минометного полка, 11-й и 18-й истребительно-противотанковых бригад, 883-го истребительно-противотанкового полка, 1-й гвардейской бригады реактивных установок М-13 и других артчастей и подразделений. Всего — 1198 стволов². Это было довольно внушительной силой.

В плане артобеспечения предусматривалось насыщение боевых порядков пехоты орудиями прямой наводки,

---

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 951, л. 90.

² ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 1235, л. 17.

что давало возможность использовать огневую мощь артиллерии для разрушения укреплений противника, уничтожения его огневых средств и живой силы в полосе прорыва, а затем и при бое за населенные пункты и высоты.

При подготовке к проведению Верхне-Силезской наступательной операции штаб армии уделял большое внимание и ее инженерному обеспечению. Так, приказом штаба было определено исходное положение для наших войск оборудовать не далее как в 150 метрах от переднего края обороны противника. Предлагалось особенно тщательно оборудовать траншеи и ходы сообщения на направлении главного удара, замаскировать их. Для этих целей рекомендовалось использовать на открытых участках местности маскировочные сети. Серьезнейшее внимание обращалось на создание условий для сосредоточения на плацдарме 7-го гвардейского механизированного корпуса и артиллерии усиления, для чего требовалось навести через реку Одер две переправы грузоподъемностью по 60 тонн каждая.

Наиболее трудным моментом в подготовке к операции явилось занятие исходного положения для наступления. Почему? Да потому, что плацдарм, на котором находились наши войска, составлял по территории чуть больше 20 квадратных километров. К тому же он был разделен пополам между нашей и 60-й армией. И выходило, что стрелковые дивизии первого эшелона из 115-го и 93-го корпусов, а также 7-й гвардейский мехкорпус должны были располагаться буквально на небольшом пятачке. А насколько сложно было незаметно для противника перебросить туда войска, можно судить хотя бы по тому, что дорожная сеть на подходах к реке была очень слабо развита. Но все же ценой огромных усилий, благодаря хорошо организованной комендантской службе, высокой личной ответственности командиров корпусов и дивизий ударная группировка 59-й армии в течение двух ночей полностью перебазировалась на пятачок.

Времени на подготовку к операции было, как говорится, в обрез. Но использовалось оно очень продуктивно, и не только для организации боя, но и для ведения действенной партийно-политической работы с личным составом. В ней участвовали как Военный совет армии, так и командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы частей и подразделений.

Здесь следует сказать, что уже в первые месяцы 1945 года в партийно-политической работе с личным составом появился совершенно новый элемент. Он заключался вот в чем. Войска Красной Армии вступили уже на территорию собственно Германии. В сердцах наших бойцов и командиров горела люта я ненависть к фашистам. И задачей номер один стало неустанный разъяснение личному составу сущности гуманной, освободительной миссии наших Вооруженных Сил. В советской печати в этот момент появились материалы, ориентирующие командный и рядовой состав Красной Армии на то, чтобы наши воины высоко держали честь и достоинство советского гражданина за рубежом родной страны. В статье газеты «Правда» говорилось, что нашим людям и, конечно, вооруженным защитникам Страны Советов нельзя смешивать в одну кучу всех немцев. Ведь среди немецкого населения есть и коммунисты, которые в глубоком подполье вели активную борьбу с фашизмом, и демократические элементы, не разделявшие взглядов нацистов. С этими-то здоровыми силами немецкого народа нам и надо сотрудничать, даже опираться на них.

В статье указывалось, что советский воин не воюет с местным населением, он громит фашистскую армию, которая является лютым врагом и немецких трудящихся.

Об этом же говорили в беседах и на собраниях личного состава член Военного совета армии генерал-майор П. С. Лебедев, начальник поарма полковник А. Г. Королев, другие командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы. И их проникновенные слова находили живой отклик в сердцах слушателей.

15 марта в 7 часов 30 минут по всему фронту началась артиллерийская подготовка, после которой соединения 59-й армии перешли в наступление. К исходу дня они прорвали первую полосу обороны врага и даже продвинулись вглубь на несколько километров. И все же темп наступления был весьма незначительным, если сравнить его, скажем, с началом Висло-Одерской операции.

Правда, теперь мы действовали в совершенно иных условиях. В период Висло-Одерской операции, как известно, наша армия вводилась в сражение из второго эшелона, когда оборона врага была уже в основном преодолена войсками первого эшелона. А здесь мы с первых же

минут столкнулись с хорошо организованным сопротивлением гитлеровцев, с их обороной, укрепленной в глубину на 20—25 километров. Кроме того, противник насытил ее фаустниками, которые в ближнем бою являлись настоящей грозой для наших танкистов. К тому же и войска — танковые, механизированные да и стрелковые — из-за распутицы были буквально привязаны к дорогам. Вследствие этого и несли подчас неоправданные потери как от артиллерийского огня, так и от ударов авиации.

Словом, осуществив в первый день операции прорыв обороны противника, мы тем не менее не выполнили задачу дня.

Естественно, командующий 1-м Украинским фронтом был весьма недоволен темпами наступления как нашей, так и 60-й армии и поэтому принял меры, чтобы, если можно так выразиться, взбодрить нас. Так, вечером 15 марта был получен приказ И. С. Конева, в котором он потребовал вести активные наступательные действия не только днем, но и ночью. «Приказываю, — говорилось в этом документе, — боевые действия продолжать всеми силами вести и ночью. Ввести в бой вторые эшелоны полков, дивизий. Обязательно заставить наступать ночью Корчагина (имелся в виду командир 7-го гвардейского механизированного корпуса. — *И. К.*). Обязываю более оперативно и распорядительно строить мосты через ручьи. На каждый маршрут движения артиллерии и танков назначить ответственных офицеров. Энергичными мерами расширять пробки на маршрутах»¹.

Получив такое строгое указание, командующий и штаб 59-й армии, конечно, тут же предприняли все меры для его претворения в жизнь. В войска оперативно было спущено боевое распоряжение, в котором тоже указывалось на неудовлетворительные темпы наступления, формулировалась задача — в ночь на 17 марта не прекращать наступление, а продолжать вести его с полной активностью, специально выделив для этого усиленные передовые отряды. В их составе следовало иметь артиллерию и минометы, способные как поддержать боевые действия пехоты, так и отразить возможные контратаки противника.

Однако, несмотря на все принимаемые меры, положение у нас не очень-то улучшилось. Не случайно поэтому Маршал Советского Союза И. С. Конев и отдал 17 марта

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 949, л. 11.

два новых приказа, переданных на имя И. Т. Коровникова. В них командующий фронтом требовал от командарма 59 «решительней разворачивать свой правый фланг, усилив его артиллерией и самоходно-артиллерийскими полками армии». Маршал приказал также и командиру 80-й стрелковой дивизии, находящейся на плацдарме южнее Оппельна, немедленно перейти в наступление.

«Примите все меры, — требовал от нашего командарма И. С. Конев, — чтобы сегодня же захватить Зюльц и соединиться с Лелюшенко на рубеже Зюльц, Нейштадт. К 19.00 17.3.45 г. части Лелюшенко овладели Штейнау, Ригерсдорф. Противник бежит. Во что бы то ни стало сегодня окружить оппельскую группировку противника»¹. А вскоре поступило новое распоряжение от командующего фронтом, в котором говорилось: Из-за вашей нерешительности и нераспорядительности противник безнаказанно отходит с оппельского выступа на Нейштадт. Корпус Корчагина расплыли и тем лишили его ударной силы. Приказываю:

1. По всему фронту перейти в решительное наступление.

2. Корчагину наступать ночью, 17.3.45 г. к рассвету соединиться с 61-й танковой бригадой Лелюшенко, ведущей бои у Нейштадта.

3. Задача армии к утру 18.3.45 г. выйти на рубеж Зюльц, Нейштадт и там завершить окружение оппельской группировки противника и соединиться с частями 21-й и 4-й танковой армий.

4. Решительно поднять всех на выполнение задачи. Конев»².

Не будем во всех подробностях описывать ход дальнейших боевых действий 59-й армии. Отметим лишь наиболее интересные моменты, которые, кстати, и склонили в этой операции чашу весов в нашу пользу.

Это, во-первых, решительные действия 314-й дивизии 43-го стрелкового корпуса, вскоре поставившие противника в районе Козеля под угрозу флангового удара с юга, а также выход 135-й дивизии на рубеж юго-западнее Ко-

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 949, л. 15.

² ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 949, л. 16.

зеля, что в свою очередь угрожало единственной дороге Козель — Любшютц (Глубчице), питавшей козельскую группировку противника. Более того, 98-я дивизия вскоре овладела городом Госьценцин. Это еще больше осложнило и без того трудное положение вражеских войск. Их сопротивление начало заметно слабеть.

К вечеру 17 марта 13-я дивизия 43-го стрелкового корпуса, наступая частью сил вдоль восточного берега Одера, ликвидировала здесь последние опорные пункты гитлеровцев. Теперь оставалось лишь овладеть городом Козель, чтобы полностью очистить приодерские районы от врага. Это и было сделано 18 марта.

Важная роль в окружении противника на оппельском выступе отводилась, как уже было сказано, 93-му стрелковому и 7-му гвардейскому механизированному корпусам. 17 марта части последнего вышли на берег реки Хотценплотц (Особлага) юго-западнее Обер-Глогау. Воспользовавшись успехом мехкорпуса, командир 93-го стрелкового корпуса генерал Я. С. Шарабурко этой же ночью организовал форсирование названной реки своими передовыми батальонами. Более того, один из полков 391-й стрелковой дивизии сумел захватить переправу у населенного пункта Рассельвитц. Темпы форсирования удвоились. И вот уже танкисты 26-й гвардейской механизированной бригады с десантом на броне устремились на Нейштадт.

В 16 часов 18 марта 1945 года наши войска встретились здесь с передовыми отрядами 4-й гвардейской танковой армии и тем самым завершили окружение оппельской группировки противника. Затем, частью сил повернув на запад, они создали и внешний фронт окружения. Гитлеровцы оказались в двойном кольце.

Началось уничтожение окруженных войск противника. Несмотря на яростные контратаки, особенно в районе Рассельвитц, где враг пытался деблокировать свои попавшие в беду части, соединения 59-й армии успешно справились с поставленной перед ними задачей. К вечеру 20 марта дивизии 43-го и 115-го стрелковых корпусов полностью закончили ликвидацию окруженных войск противника. Оппельский котел прекратил свое существование.

ПРОРЫВ ЧЕРЕЗ СУДЕТЫ

В начале апреля 1945 года в войсках 1-го Украинского фронта, куда по-прежнему входила и наша 59-я армия, развернулись самые, пожалуй, волнующие за всю войну события — подготовка к Берлинской операции.

Ставка Верховного Главнокомандования поторапливала. Да и нам, низовому звену, было, конечно, понятно — надо как можно быстрее подготовить и провести эту крупнейшую стратегическую операцию Великой Отечественной войны, овладеть столицей фашистской Германии, чтобы уже через несколько дней выйти к реке Эльба.

Директивой Ставки, датированной 3 апреля 1945 года, непосредственный захват Берлина возлагался на 1-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Его войскам предписывалось, взяв штурмом Берлин, уже на 12—15-й день операции выйти к Эльбе.

1-му же Украинскому фронту ставилась следующая задача: разгромив группировку противника в районе Котбуса и южнее Берлина, не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг, частью сил двигаясь вдоль Эльбы к Дрездену. В дальнейшем, уже после взятия советскими войсками Берлина, фронт должен был наступать на Лейпциг.

Главный свой удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий 1-й Украинский фронт наносил из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг. На участок, намеченный для прорыва, привлекали, кроме того, и шесть артиллерийских дивизий прорыва, чтобы создать здесь плотность не менее 250 стволов на один километр фронта.

Здесь следует сказать, что в одном из пунктов директивы Ставки ставилась и такая задача: 1-му Украинскому

фронту своим левым крылом перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на бреславльское направление. И он, этот пункт, в первую очередь относился к нашей 59-й армии, которая теперь как раз находилась на левом фланге фронта, так как 60-я армия генерала П. А. Курочкина незадолго до начала операции была передана в состав 4-го Украинского фронта.

Начало операции Ставка Верховного Главнокомандования назначала на 16 апреля. Как видим, срок на ее подготовку был чрезвычайно мал. Но это решение исходило из реальных возможностей фронтов, из соотношения как наших сил, так и сил противника. Кроме того, оно диктовалось и еще одной очень важной необходимостью: советскому командованию стало известно, что англо-американское командование тоже ускоренными темпами готовит операцию по взятию Берлина, ставя перед своими войсками задачу во что бы то ни стало захватить его раньше Красной Армии.

Помнится, уже после войны бывший командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев рассказывал нам, как его и Г. К. Жукова 1 апреля 1945 года вызвали в Кремль. Там после зачитания телеграммы, в которой и говорилось о намерениях англо-американского командования первым захватить Берлин, И. В. Сталин обратился к ним с таким вопросом: «Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?»

Первому пришлось отвечать И. С. Коневу. И он сказал:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников!

— А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас же главные силы находятся на южном фланге. По-видимому, придется производить большую перегруппировку? — спросил И. В. Сталин.

И. С. Конев и здесь заверил Верховного:

— Можете быть спокойны, товарищ Сталин, фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана своевременно!

Вторым отвечал Г. К. Жуков. Он доложил И. В. Сталину, что войска 1-го Белорусского фронта готовы взять Берлин, фронт уже нацелен на столицу Германии, при этом с кратчайшего расстояния.

Сталин, выслушав командующих фронтами, приказал

им в течение нескольких дней подготовить свои соображения по Берлинской операции, что они вскоре и сделали.

Как видим, в задачу 1-го Украинского фронта не входил захват Берлина. Она для него в общих чертах сводилась к следующему: наступая южнее Берлина, своими ударами расцечь фронт немецко-фашистских войск надвое, изолировать одну их часть от другой, а уже потом соединиться с американскими войсками. Однако следует сказать, что в плане операции все же с самого начала была заложена идея широкого маневра в целях возможного поворота нескольких соединений фронта на север для удара по Берлину с юга.

Почему же командование нашего фронта вынашивало эту идею? А вот почему. 1-й Белорусский фронт действительно наступал на Берлин по кратчайшему пути. Но он, этот путь, был наиболее сильно укреплен противником. Здесь проходили его оборонительные полосы, буквально напичканные дотами и дзотами, с большим количеством войск, артиллерии, другой боевой техники. Общая глубина оборонительной системы врага достигала на этом направлении 40 километров. Она опиралась не только на мощные инженерные сооружения, но и на многочисленные водные преграды.

На пути войск 1-го Украинского фронта тоже была довольно сильная оборона врага. Но в случае ее прорыва они сразу же имели возможность выйти на оперативный простор, совершить глубокий маневр в обход Берлина и ударить по нему с юга. Недаром поэтому И. В. Сталин, по рассказам того же И. С. Конева, проводя на карте разграничительную линию между фронтами, довел ее лишь до города Люббен. Из этого можно было предположить, что Ставка намеренно создавала нашим двум фронтам условия для проявления их собственной инициативы, то есть при определенной обстановке 1-й Украинский фронт не то чтобы мог, а был прямо-таки обязан принять непосредственное участие в штурме Берлина.

Это же подтвердил и ход последующих событий. 1-му Украинскому фронту пришлось, и не частью своих сил, а несколькими армиями (3-я и 4-я гвардейские танковые армии, 28-я армия, а также отдельные части 3-й гвардейской и 13-й армий), повернуть на Берлин и ударить по нему с юга.

Но это еще будет. А пока, как говорится, вернемся в день сегодняшний и познакомим читателя с событиями,

которые развивались в войсках непосредственно нашей, 59-й армии.

Естественно, что нам очень хотелось принять самое активное участие в Берлинской операции. И весь личный состав, несмотря на огромную усталость и трудности, деятельно готовился к наступательным боям.

Но вместо наступления армии вдруг приказали перейти к жесткой обороне на левом крыле фронта. А до этого всю последнюю декаду марта наши корпуса и дивизии довольно-таки успешно теснили противника. Именно о мартовских событиях и хочется рассказать более детально.

...Сменив после разгрома оппельнской группировки врага соединения и части 4-й гвардейской танковой и 21-й армий, действовавших в районе Нейсе (Ныса), Нейштадт (Прудник), наша армия продолжала наступать в юго-западном направлении с целью овладеть участком дороги Нейсе (Ныса) — Крнов. Но в это время на подступах к городу Люобшютц (Глубчице), который входил в полосу наступления 60-й армии, завязались особенно трудные бои. Там противнику удалось остановить части этой армии и удержать Люобшютц.

23 марта на наблюдательный пункт 59-й армии прибыл маршал И. С. Конев. Оценив обстановку, он приказал войскам теперь уже нашей армии взять Люобшютц и тем самым обрубить лапы «пауку» — так командующий фронтом назвал образно этот важный узел железных дорог.

Задача была не из легких. Мы знали, что Люобшютц довольно сильно укреплен. А под руками у командарма И. Т. Коровникова как раз не оказалось сколько-нибудь значительных сил для выполнения задачи, поставленной командующим фронтом. Правда, в резерве армии была одна дивизия — 314-я стрелковая. Ее-то Коровников и решил бросить на Люобшютц.

Но и этих сил было мало. Тогда на помощь командарму пришел начальник оперативного отдела полковник Л. М. Крылов. Он предложил срочно создать сводный отряд примерно из 400 человек и послать его в помощь 314-й дивизии. Людей для этого взять из подразделений, обслуживавших штабы дивизий и корпусов. Это предложение командующий и начштаба армии одобрили.

Дивизии и сводному отряду было приказано совершить обход Люобшютца (Глубчице) с северо-запада, атаковать город и овладеть им.

Первым в дело вступил сводный отряд. Под покровом темноты он совершил смелый маневр и еще до рассвета 24 марта атаковал Люобшютц с севера, в районе кладбища, где противник укрепился довольно основательно. Но сыграли свою роль неожиданность удара и удачно выбранное для него время. Гитлеровцы дрогнули и начали отступать. Отряд ворвался в Люобшютц.

Вскоре подошли и части 314-й стрелковой дивизии. Они отрезали пути отступления фашистам на юго-запад. Завязался ожесточенный уличный бой. И к исходу дня 24 марта Люобшютц был полностью очищен от врага как нашими частями, так и частями соседней, 60-й армии.

Но это было в марте. А в начале апреля войска нашей армии, как уже говорилось, перешли к жесткой обороне на рубеже Коршувек, Нейсе (Ныса), Нейштадт (Прудник), (иск.) Крнов.

Понятно, что нашему штабу сразу же пришлось приложить максимум усилий для организации надежной обороны, учтя при этом опыт, приобретенный еще на Волховском и Ленинградском фронтах. Исходя из него, а также из характера местности, положения соседних с нами армий, мы свою оборону решили построить следующим образом: в первый эшелон выдвинуть восемь стрелковых дивизий — из 43, 115 и 93-го стрелковых корпусов. Боевой порядок дивизий — в два эшелона. Второй эшелон армии — 314-я и 239-я стрелковые дивизии.

Такой боевой порядок строился с учетом того, что мы находились в непосредственном соприкосновении с противником. Потому-то и нужно было так глубоко эшелонировать оборону, имея в виду атаки и даже контрудары врага.

Предполагалось, что противник может нанести свои удары на таких направлениях, как Мюнстенберг (Зембице), Гроткау (Гродкув); Отмахау (Отмахув); Нейсе (Ныса); Цингенхальс (Глухолазы); Нейштадт (Прудник); Крнов, Люобшютц (Глубчице). Здесь-то мы и создавали наиболее плотную оборону, сосредоточивали артиллерийские противотанковые части и соединения. Противотанковый резерв армии — истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и истребительно-противотанковый артиллерийский полк — занимал позиции восточнее Нейсе (Ныса) и Нейштадта (Прудник) в готовности действовать совместно с подвижными отрядами заграждения.

А как же тем временем развивались события на всем нашем 1-м Украинском фронте?

Прорыв его войсками обороны противника прошел довольно удачно. Затем смело и решительно были использованы 3-я и 4-я гвардейские танковые армии. Переправившись через реку Нейсе, они уже утром 17 апреля вошли в прорыв и начали быстро продвигаться к реке Шпрее. Вражеская группировка войск была как бы разрезана на три части, а это лишило гитлеровское командование возможности централизованно управлять ею. Правда, фашистам все же удалось бросить в бой свои резервы, но и это не остановило нашего продвижения вперед.

Ввод в прорыв двух наших танковых армий создал угрозу удара по Берлину с юга. А у фашистов не было уже ни времени, ни сил, чтобы задержать их продвижение на промежуточных рубежах.

В ночь на 18 апреля 1945 года маршал И. С. Конев подписал директиву, в которой 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям ставилась задача осуществить крутой поворот и двигаться на Берлин. Кстати, этот маневр был заранее согласован со Ставкой.

Итак, успехи войск 1-го Белорусского и правого крыла 1-го Украинского фронтов, безусловно, решительным образом повлияли на положение противника, обороняющегося перед нашей армией. Ведя непрерывную разведку, мы вскоре почувствовали, что гитлеровцы вот-вот начнут отводить свои части. В связи с этим 18 апреля штабом было отдано боевое распоряжение, в котором корпусам ставились задачи на наступление. 59-я армия, говорилось в нем, прочно удерживая оборону по рубежу Нейсе, Грефлих Визе и Тюрмитц, войсками своего правого фланга должна перейти в наступление в направлении на Мюнстенберг, Байтцен и овладеть новым рубежом Франкенштайн, Байтцен, Патшкау; 43-й и 115-й стрелковые корпуса передовыми отрядами обязаны прорвать оборону противника, чтобы затем основными силами дивизии развить успех в глубину.

93-му корпусу ставилась задача прочно удерживать занимаемый рубеж обороны и, одновременно ведя активную разведку боем в целях улучшения своего тактического положения, отвлечь на себя часть сил противника, действовавших на направлениях наступления соседних стрелковых корпусов.

Следует сказать, что передовые отряды из 43-го и

115-го стрелковых корпусов в этих боях добились, однако, лишь незначительных успехов и вскоре снова перешли к обороне, ибо противник, уплотнив свои боевые порядки, встретил их довольно сильным и организованным огнем.

И все же начавшиеся активные действия 59-й армии лишили гитлеровское командование возможности свободно маневрировать своими резервами при нанесении ударов по войскам правого крыла 1-го Украинского фронта.

2 мая 1945 года пал Берлин. Весть о его взятии воины 59-й армии встретили с огромным воодушевлением. Еще бы! Фашистский зверь добит в его же собственной берлоге! Сколько бессонных дней и ночей все мы ждали этого!

О взятии Берлина мы узнали от связистов. По армии разнеслись слухи, что Гитлер покончил с собой, колченогий Геббельс — тоже, другие «фюреры» фашистского рейха или бежали, как крысы с тонущего корабля, или взяты в плен советскими войсками. Радости нашей не было предела! Все обнимались, целовались, поздравляли друг друга с долгожданной победой.

Однако и после падения Берлина значительные силы вражеской группы армий «Центр», а также часть войск из группы армий «Австрия» не сложили оружия. Они продолжали оказывать упорное сопротивление полкам и дивизиям Красной Армии. И особую угрозу представляла для нас группировка войск, которую возглавлял генерал-фельдмаршал Шернер. Как стало известно, в своем очередном приказе этот гитлеровский маньяк объявил, что капитуляция Берлина — это, дескать, не что иное, как советская пропаганда, и поэтому солдаты доблестной Германии должны, как и прежде, сражаться против большевиков до последнего патрона.

В задачу группировки Шернера входило как можно дольше удержать за собой районы Западной и Центральной Чехословакии, а уже затем отвести сохранившиеся части на запад и там капитулировать перед нашими союзниками — американцами и англичанами.

Советское командование решило разгромить группировку Шернера силами войск 1, 2 и 4-го Украинских фронтов и полностью освободить территорию Чехословакии, в частности ее столицу — Прагу, трудящиеся которой под руководством коммунистов 5 мая 1945 года подняли

вооруженное восстание против гитлеровцев и их местных прислужников. Но оно могло быть погоплено в крови, так как на его подавление фашисты сразу же бросили несколько своих дивизий. Вот тогда-то пражане и обратились по радио к воинам Красной Армии, призывая их прийти на помощь. Эти призывы были приняты и радиостанциями 59-й армии, о чем мы сообщили в штаб фронта.

На выручку восставшей Праге наше командование тут же послало войска, сняв их из-под Берлина. В их составе были и две танковые армии, которыми командовали такие прославленные советские генералы, как П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко.

И тут мне хочется сделать одно небольшое отступление. Дело в том, что в одной из глав книги я уже рассказал о том, как в самый трудный для нашей Родины момент на сторону фашистов перешел генерал Власов, командовавший на Волховском фронте 2-й ударной армией. Этот выродок, как оказалось впоследствии, не только сам начал верой и правдой служить гитлеровцам, но и принялся за создание так называемой русской освободительной армии (РОА), формируя ее из бывших белогвардейцев и других предателей Родины. Кстати сказать, власовцы сражались и против войск нашей, 59-й армии. Так, на опшельском выступе вместе с гитлеровскими частями нам противостоял и 580-й кавалерийский казачий дивизион РОА¹.

И вот теперь, уже на территории Чехословакии, нам снова пришлось столкнуться с этими подлыми изменниками.

...Из радиоперехвата штабу армии стало известно, что предатель Власов, оказывается, находится здесь, на территории Чехословакии, и что его охраняет 1-я дивизия РОА, которой командует его близкий друг и сообщник некто Буняченко, носящий чин фашистского генерал-майора. 12 мая части этого соединения находились всего в 40 километрах от города Пльзень, который являлся одним из пунктов демаркационной линии между частями Красной Армии и американскими войсками. Немедленно сообщили об этом в штаб фронта. И вот уже 162-я танковая бригада под командованием полковника И. П. Мищенко по приказу командира 25-го танкового корпуса генерал-майора Е. И. Фоминых ринулась вперед, преследуя предателей.

¹ ЦАМО СССР, ф. 416, оп. 10437, д. 951, л. 60.

Вскоре к командиру стрелкового батальона капитану М. И. Якушову, чье подразделение шло в передовом отряде бригады, доставили некоего Кучинского, как оказалось, командира одного из власовских батальонов. Тот, желая, очевидно, хоть как-то загладить свою вину перед Родиной, указал Якушову место расположения штаба 1-й дивизии РОА и добавил, что там находится и сам Власов.

Все остальное было, как говорится, делом техники, находчивости и смелости советского комбата. Якушов вместе с Кучинским сели в машину и вскоре обогнали колонну уже снявшейся с места власовской дивизии. Поставили свой автомобиль поперек дороги. И когда подоспели наши танки, Власов уже был схвачен и сидел в машине Якушова. Через некоторое время предателя доставили в штаб советской воинской части. А потом без боя была пленена и 1-я дивизия власовцев во главе с Буняченко.

6 мая, на день раньше намеченного срока, главная группировка войск 1-го Украинского фронта начала наступление. Это было ответом советского командования на призыв пражских повстанцев. Танкисты генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко двинулись из-под Берлина на Прагу. Вслед за ними пошли войска 2-го и 4-го Украинских фронтов.

А 59-я армия в этот период по-прежнему находилась в предгорьях Судет. И вот утром 6 мая в полосе 93-го стрелкового корпуса нашей разведкой было установлено, что противник начал отход. Об этом штаб тут же поставил в известность штаб фронта.

Маршал И. С. Конев приказал 59-й армии перейти 7 мая в наступление в направлении на Мюнстенберг (Зембице), Глатц (Клодзка) и к исходу 10 мая овладеть рубежом Наход, Миттельвильде.

Правда, передовые отряды из 93-го корпуса уже вели преследование противника с 6 мая. А 7 мая после артиллерийской подготовки перешли в наступление 43-й и 115-й стрелковые корпуса.

Противник, прикрываясь на участке южнее Нейштадта и Егерндорфа арьергардами из 1-й легкой егерской и 68-й пехотной дивизий, отходил в западном направлении. А вот южнее Штрельна и западнее Нейштадта части 31-й пехотной дивизии СС, 45-й и 168-й пехотных дивизи-

зий врага продолжали оборонять занимаемый рубеж, оказывая яростное сопротивление. В этой обстановке командарм И. Т. Коровников решил, продолжая силами 93-го корпуса преследовать противника, отходящего в направлении Ольберсдорф, Фрейвальдау, одновременно частями 43-го и 115-го стрелковых корпусов прорвать оборону противника и, развивая наступление в направлении на Мюнстенберг, Байтцен и Глатц, овладеть здесь узлом дорог и тем самым отрезать врагу пути отхода.

Прорыв вражеской обороны был в общем-то осуществлен успешно. И сразу же началось преследование противника. И тут свою роль сыграли подвижные передовые отряды. Они сбивали арьергарды гитлеровцев, захватывали в горах перевалы, энергичными действиями задерживали фашистов в узких ущельях.

Итак, 59-я армия тоже рвалась теперь через Судетские горы к Праге, на помощь восставшим. И первым городом на территории Чехословакии, освобожденным нашей армией, стал Наход. Его жители со слезами радости на глазах встречали своих освободителей, устилали им путь цветами.

Вскоре наши передовые отряды оказались всего в 40 километрах от Праги, в населенных пунктах Подебрадам, Пардубице и Жамберка. Тут-то и застал их приказ командующего фронтом о прекращении наступления и отходе назад, в распоряжение своих основных сил.

Между тем наступило 9 мая 1945 года. В этот день мы узнали сразу два радостных известия. Оказывается, 8 мая, в полночь, был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. А к исходу 9 мая войска 1-го Украинского фронта освободили от гитлеровских захватчиков город Прагу!

Да, война с фашистской Германией подошла к своему логическому концу. Мы победили.

И вот сейчас, спустя три с лишним десятка лет после нашей великой Победы, я часто вспоминаю тех, с кем плечом к плечу прошел через все огненные испытания...

Оперативный отдел нашего штаба закончил войну почти в том же составе, что и начинал. Правда, мы на четыре года повзрослели, стали опытнее. За время войны у каждого из нас прибавилось на погонах звездочек и просветов, а грудь украсили боевые ордена и медали.

Но кто же были эти люди, которых я подразумеваю под обобщенным «мы»? Это и старший помощник начальника оперативного отдела подполковник Павел Алексеевич Тюфяков, помощники начальника оперотдела майоры Тихон Михайлович Бударин, Дмитрий Филиппович Григорович, Зиновий Андреевич Корнилов, Арон Моисеевич Агранович, Василий Трофимович Сиротенко, Алексей Федорович Мишин, Василий Федорович Хабаров, капитаны Алексей Яковлевич Руднев, Василий Егорович Наконечный и многие, многие другие. Все они были коммунистами, беспредельно преданными Родине и партии людьми, храбрыми воинами.

С особой теплотой я вспоминаю сейчас и о нашем начальнике отделения по использованию опыта войны (было и такое отделение) майоре Александре Николаевиче Ацаркине, члене партии с 1921 года, очень умном и обаятельном человеке. Мы, штабная молодежь, многому научились у этого старого партийца и опытного работника.

В заключение мне хочется сказать несколько теплых слов и о наших женщинах-фронтовичках, которые прошли вместе с нами через тяжелые годы войны. Это были переводчицы, машинистки, делопроизводители, чертежницы, шифровальщицы, связистки... Они — Е. А. Иванова, А. А. Мамонова, А. М. Терехова, А. И. Парамонова, Т. Е. Мдивани, Н. А. Лукинюк, А. В. Максимова — и сейчас остались в моей памяти молодыми, подтянутыми, неунывающими. ...Офицеры, сержанты, рядовые, просто служащие Красной Армии. Многие из них за добросовестный ратный труд тоже были отмечены высокими правительственными наградами — орденами и медалями Советского Союза.

Вполне естественно, что, работая над книгой воспоминаний, я не имел возможности скрупулезно, день за днем, описать события четырех лет войны, показать в этих событиях всех друзей-товарищей и просто людей, с которыми не раз сводили меня фронтовые дороги и общие заботы. Но я не забыл их, своих огненных побратимов. И по сей день перед моим мысленным взором, стоит только слегка напрячь память, предстают образы полковников И. М. Бервино, Г. П. Лиленкова, В. П. Потапова, В. А. Богданова, Д. Е. Лубоцкого, П. И. Демяшевича, подполковников Я. А. Аксельрода, Б. В. Бахвалова,

В. А. Иванова. Я вижу одухотворенное, умное и сосредоточенное лицо Героя Советского Союза полковника А. Г. Козиева. Будто снова, как было тридцать с лишним лет назад, беседую с работниками поарма подполковниками А. С. Мазуровым, А. И. Никитиным, М. М. Дмитриевым, майорами Н. А. Лойко, В. И. Пахомовым, с редактором армейской газеты «На разгром врага» подполковником С. А. Прокофьевым или отправляюсь в очередную поездку в войска со своими коллегами по оперативному отделу майорами А. Д. Соколовым и И. Н. Лебедевым.

В книге я уже упоминал о начальнике связи нашей армии полковнике Г. А. Рогове. Мне неоднократно пришлось работать рядом с ним, многому научиться у него. Еще раз хочу подчеркнуть, что это был обаятельный, высокообразованный, очень доступный человек. Мы, штабная молодежь, считали за честь съездить вместе с ним в войсковую командировку, а то и просто побыть рядом, послушать его, перенять опыт. И какой же жгучей болью резануло наши сердца известие о том, что в бою за Краков Герман Антонович погиб...

Мы похоронили полковника Г. А. Рогова непосредственно в Кракове, на одной из его площадей, у стен древнего Барбакана. И поклялись жестоко отомстить врагу за его безвременную смерть.

Да, мы теряли боевых друзей. И, думается, совершенно неправильное сложилось у некоторых, даже фронтовиков, мнение (мне лично не раз приходилось с горечью выслушивать его) о том, что штабные работники, особенно армейского масштаба, всегда находились, мол, далеко от передовой, не подвергались особой опасности. В доказательство приводят довод, что штабники, дескать, поэтому довольно редко и награждались.

Думается, нам нет сейчас нужды подсчитывать количество орденских колодочек на груди того или иного ветерана войны, будь то штабной работник или командир боевого подразделения, части, соединения. Скажу лишь одно: да, нас, штабистов, наградами действительно не баловали. Но мы, делая в период войны свое нужное и важное (в этом, к счастью, никто не сомневается) дело, как-то не думали, честно сказать, тогда об этом. И не считали, сколько раз находились на линии огня, на грани жизни и смерти. Потому что это происходило довольно часто.

Помнится, однажды мы со старшим лейтенантом

А. Ф. Мишиным (в конце войны он станет уже майором) возвращались из одной дивизии в свой штаб. Дело было зимой. Шли вначале по хорошо протоптанной лесной тропинке.

Но вот лес кончился, и впереди открылась довольно широкая, метров в триста, поляна. Не думая об опасности, мы зашагали по ней, вполне резонно рассудив, что уж здесь-то нас не могут ждать какие-либо неприятности. Действительно, поляну пересекает довольно широкая тропа, по ней до нас прошли десятки людей.

И вдруг...

Первая пуля вскинула фонтанчик снега почти у самых ног Мишина. Тот упал, крикнув:

— Снайпер бьет! Ложись!

Я тоже бросился в снег. И как раз вовремя: над мной свистнула пуля. А вот если бы не упал...

Те триста метров мы преодолевали полаком часа три, не меньше. Ибо на каждое наше шевеление снайпер посылал очередную пулю. Добрались до противоположной опушки леса просто чудом...

В другой раз — дело было под Новгородом — меня послали в один из полков 2-й стрелковой дивизии. Цель — проверить состояние оборонительных сооружений. Ведь эта часть занимала оборону на одном из самых трудных участков, на очень заболоченной местности.

С трудом добрался до КП полка. Меня встретил его командир майор Н. П. Никонов. Повел на командный пункт.

Но что это был за КП! Простой шалашик. Тут не только снаряд, осколок или пуля могут свободно зацепить.

Высказал все это Никонову. Тот беспечно махнул рукой, ответил:

— Ну не все ли равно, где тебя смерть найдет, в землянке или за жердочками! Обойдусь...

Но я все-таки потребовал, чтобы КП оборудовали в землянке. Пусть там будет и сыро, но зато безопасно.

Майор Никонов, вижу, обиделся. На его лице не трудно было прочитать: «Вот приехал штабник, пороку не пюхавший, а тоже — поучает». Но все-таки подчинился.

Несколько дней я пробыл в этом полку. И свиста пуль наслушался, и снаряды близко рвались. Но, к счастью, не задело,

Оборону полка за это время в корне переоборудовали. Люди зарылись в землю, дно траншей и окопов устлали жердями. КП полка тоже перенесли в землянку. И тут, как бы для проверки результатов нашей работы, противник провел по обороне никоновцев довольно сильный огневой налет. Когда же он прекратился, командир полка по телефону осведомился в батальонах о потерях. Доклады обрадовали: есть только несколько раненых. А раньше было гораздо хуже.

Вот когда майор Н. П. Никонов посмотрел на меня с явным уважением. И когда я сказал, что должен вернуться в штаарм, ибо моя миссия в его полку закончена, он тепло попрощался и даже дал одного бойца в провожаемые.

Мы с красноармейцем двинулись в путь. Дорогой я узнал, что бойца зовут Анатолием, родом эи с Урала.

Лес впереди поредел, и вскоре мы вышли на открытую местность. Тут-то нас и застал вражеский артобстрел.

...Все, что я успел увидеть и почувствовать, это — огненная вспышка впереди, бросившийся ко мне Анатолий, вставшая дыбом земля. А потом — непроглядный мрак...

Очнувшись, увидел, что взрывной волной меня отбросило довольно далеко от еще дымящейся воронки. Но, кажется, не ранен. А где же Анатолий?

...Он лежал неподалеку, все лицо его было в крови. Я бросился к нему, намереваясь оказать помощь. Но было уже поздно, осколок сразил его насмерть. А ведь он мог бы попасть и в меня, не окажись между взрывом и мною Анатолий...

Да, в подобные переплеты мы, штабисты, попадали довольно часто. Так, работая в дивизиях первого эшелона 6-го стрелкового корпуса, был ранен старший лейтенант А. Ф. Мишин. Но, получив в медсанбате необходимую медицинскую помощь, продолжил выполнение поставленной перед ним задачи.

А несколько позднее ранило и нашего неутомимого и вездесущего подполковника В. А. Хлынина. Случилось это так.

Шли бои за острова Выборгского залива. И вот в один из дней начальник штаба армии генерал Н. П. Ковальчук пригласил к себе меня, Хлынина, еще нескольких офице-

ров из других отделов и объявил, что мы во главе с ним едем на рекогносцировку местности.

Перебрались на один из островов, вышли к огненным позициям наших артиллеристов. Их НП располагался на росшей чуть в стороне высокой сосне. Как бывший артиллерист, Ковальчук сразу же оценил превосходство этого наблюдательного пункта. Полез на сосну. Мы же, устроившись на скате высоты, что сбегал к самой воде, начали в бинокли осматривать залив, близлежащие острова. Делали необходимые пометки на карте.

Противник, видимо, заметил нас. Может быть, подвели и поблескивающие на солнце стекла биноклей. Во всяком случае, неподалеку начали рваться снаряды.

Генерал Н. П. Ковальчук тем временем уже слез с дерева и присоединился к нашей группе. Мы начали уговаривать его, чтобы он ушел в укрытие, а работу доделаем мы сами. Но начальник штаба армии лишь отшутился в ответ:

— Ничего, товарищи. Ведь пока противник поделит вилку пополам, сузит ее до нужных пределов, а потом обеспечит эти пределы нужным количеством снарядов, немало времени пройдет. А мы за это...

Договорить ему не дал приближающийся шелест снаряда. Все попадали на землю. Раздался взрыв. Когда дым и пыль рассеялись, мы увидели Хлыбина, который стоял на коленях и держался за окровавленное лицо. Оказывается, осколок пробил ему щеку, выбил несколько зубов.

Немного поодаль лежал сраженный наповал старшина-артиллерист. Больше, к счастью, никого не задело.

Так работали мы, офицеры штаба армии.

Кстати, среди нас были самые разные по характеру и склонностям люди. Я уже писал о своем друге подполковнике И. А. Харичеве, который в конце концов ушел со штабной работы на командную, так как имел к этому большую тягу. Чем-то похож на него был и другой наш оперативник — майор Головатюк. Память, к сожалению, не сохранила ни его имени, ни отчества. Но вот закрою глаза и вижу его, порывистого, непоседливого, смелого. И сколько же раз ему попадало от начальства! Нет, не за плохое качество работы. Свое дело он знал и выполнял безукоризненно. Подводило его другое. Жажда боя, активных действий. Бывало, и дня в штабе усидеть спокойно не может. Все рвется в войска, на передовую. И слу-

чалось, что вызовет его к себе генерал Ковальчук или начальник оперативного отдела, скажет:

— Поезжайте, товарищ Головатюк, в шестой корпус, передайте комкору вот этот документ. Ознакомьтесь на месте с обстановкой и — назад.

— Есть, товарищ генерал! — вскинется от радости Головатюк. И без промедлений отправляется в штаб корпуса. И конечно же застрянет там. Смотришь, из штаба корпуса в какую-либо дивизию перекочевал. А там, понятное дело, каждый день стычки, бои. И наш майор в них участвует.

По возвращении, естественно, очередной нагоняй от начальства получает. Но разве остудишь им его деятельную, к бою рвущуюся душу!

В районе Синявино и под Спасской Полистью он, выполняя задание штаарма, снова — в который уже раз! — не утерпел, ринулся из дивизии в полуокруженный противником полк и сражался там несколько дней. Да так храбро и умело, что наше начальство, пожурив Головатюка для порядка, все же сочло возможным наградить его орденом Красной Звезды.

А вот майор Н. М. Варвинский был полной противоположностью Головатюку. Тоже безусловно храбрый и мужественный человек, Варвинский тем не менее не очень-то поддавался порывам, которые всякий раз овладевали Головатюком. Очень усидчивый, вдумчивый, он был штабником, как говорится, до мозга костей. Карту вел безукоризненно. Не случайно и генерал Ковальчук, и полковник Крылов наиболее важную и ответственную работу поручали именно майору Варвинскому.

Вот такими были они, мои боевые друзья. С большинством из них мне посчастливилось благополучно дойти до нашей великой Победы. Другие пали смертью храбрых на этом огненном пути. Пали за Родину, за наше счастливое сегодня. И мы, живущие, остаемся перед ними в неоплатном долгу!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
Глава первая. На реке Волхов	6
Глава вторая. От обороны — к наступлению	47
Глава третья. От Новгорода до Луги	83
Глава четвертая. Вместе с флотом	116
Глава пятая. В составе 1-го Украинского	140
Глава шестая. На пути к Одеру	160
Глава седьмая. Из боя в бой	178
Глава восьмая. Прорыв через Судеты	193

Иван Сергеевич Катышкин
СЛУЖИЛИ МЫ В ШТАБЕ АРМЕЙСКОМ

Редактор *Ю. Д. Захаров*
Художник *Г. С. Богачев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректор *Л. Ю. Родина*

ИБ № 1228

Сдано в набор 28.11.78. Подписано в печать 18.04.79. Г-22210
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая
Высокая печать. Печ. л. 6^{1/2}. Усл. печ. л. 10,920 + 1 вкл. ^{1/16} печ. л.
0,105 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,489
Тираж 65 000 экз. Изд. № 3/3388 Зак. 913. Цена 95 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Scan Kreyder - 19.06.2018 - STERLITAMAK

